

**ЯЗЫК
И НАЦИОНАЛЬНОЕ
СОЗНАНИЕ**

*Труды теоретико-лингвистической школы
в области общего и русского языкознания*

Воронежский государственный университет
Кафедра общего языкознания и стилистики
Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
Центр коммуникативных исследований ВГУ
имени проф. И.А. Стернина

Язык
и национальное сознание

Вып. 29

Памяти Иосифа Абрамовича Стернина

Продолжающееся научное издание

Научная школа в области общего и русского языкознания
профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина

Москва
2023

УДК 81-23
ББК 81

ISBN 978-5-00208-036-6

Язык и национальное сознание: сборник научных трудов. – Вып. 29 / Науч. ред. М.А. Стернина. – Москва: Издательство ООО «РИТМ: издательство, технологии, медицина», 2023. – 175 с.

Очередной, двадцать девятый выпуск продолжающегося межвузовского научного издания «Язык и национальное сознание» из серии «Труды теоретико-лингвистической школы Воронежского университета в области общего и русского языкознания» отражает результаты исследований в области теории и практики описания языкового, коммуникативного и когнитивного сознания носителей языка в рамках концепции теоретико-лингвистической научной школы в области общего и русского языкознания профессоров Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина.

Для филологов, преподавателей русского и иностранных языков, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области когнитивных исследований, психолингвистики и межкультурной коммуникации.

Рецензенты: *проф. Л.А. Городецкая, проф. В.М. Топорова*

Продолжающееся научное издание

*Научная школа в области общего и русского языкознания
профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина*

Издается с 1998 г.

Редакционная коллегия:

проф. М.А. Стернина – научный редактор
доц. М.Я. Розенфельд – зам. научного редактора
члены редколлегии – доц. Н.А. Козельская,
доц. А.В. Рудакова, доц. М.С. Саломатина

*Компьютерная верстка и оригинал-макет –
М.А. Стернина*

© Коллектив авторов, 2023

Школа И.А. Стернина

Писать о современниках трудно: еще жива память о них, еще не устоялись недавние воспоминания, не забылись и не ушли в прошлое научные и околонучные разговоры, и потом, величать кого-либо человеком Ренессанса да можно ли? И мы сейчас ответим: да, можно. Но по порядку.

Иосиф Стернин родился и рос в семье ученого-философа. Его отец Абрам Иосифович Стернин, кандидат наук, преподавал в Ярославском пединституте, а затем в Воронежском лесотехническом институте и до последних дней вел активнейший образ жизни. Ему было 90 лет, когда сын предложил отцу написать книгу воспоминаний. Получился интереснейший труд о детстве, проведенном в Витебской области, о жизни в Москве, о перипетиях-переездах, пока семья не осела в Воронеже. Сестра Стернина – Марина Абрамовна – доктор филологических наук, чему весьма способствовал пример старшего брата. Добрый и ежедневный друг жена Светлана Григорьевна – специалист по французскому языку, помощница во всех многочисленных делах и заботах. А на роль детей претендуют многочисленные ученики. Что такое подготовить по состоянию на 2008 год 8 докторантов и 54 аспиранта? Цифры зашкаливают.

1991 год. Защищается Елена Михайловна Бибчук. По метафоре? Конечно, но какой свежий подход! Автор проводил эксперимент по трактовке слов «солнце», «тишина», и мы получаем широчайший расклад составляющих! А подсказал такую трактовку научный руководитель И.А. Стернин. Был вычислен индекс образности слов: сверхвысокий, высокий, существенный, средний и низкий. В результате исследования оказалось, что наше интуитивное отношение к языку – это достаточно определенное, точное отношение. Автором были составлены дефиниции образа 198 существительных, среди них: Солнце – *ярко-жёлтый или золотисто-красный огненный шар высоко на небе, испускающий лучи и несущий свет и тепло на землю. День – светло, солнце на небе, потоки спешащих людей и машин, уличный шум.* Е.М. Бибчук доказала обоснованность доверия к языковой интуиции носителей языка.

1998 год. Защищается Александр Марочкин. Тема, казалось бы, ходовая: словечки типа *нормалек, классно, шедевральный*, однако не все так просто. Здесь намечается провал позиции русского языка в плане передачи высокопозитивных смыслов. А сколько слов и оборотов сейчас стали привычными: *морищить репу* – сосредоточенно обдумывать что-либо, *быть в ноль* – устать, *ЧМО* – униженный, презираемый человек, *дольчики*

– пестрые разноцветные колготки. И таких примеров в диссертации множество. Все это надо было собрать, расклассифицировать, дать оценку.

2005 год. Защищается Людмила Альбертовна Тавдгиридзе «Русский язык в русском языковом сознании». Казалось бы, обычная тема, но какое весомое отношение к русскому языку просвечивает в этой работе! Так, заключительная глава – это преломление концепта «русский язык» в фокусе сначала профессиональной концептосферы, потом гендерной, возрастной и социально-территориальной. Приведем один из выводов диссертанта: «Удивительно, что, как оказалось, русский язык как средство общения принадлежит дальней периферии концепта, а это уже упрек нам, преподавателям-филологам, слабо подчеркивающим инструментальную функцию родного русского языка».

Приведем еще ряд отрывков из отзыва о диссертации:

Оригинальность результатов исследования можно подтвердить тем, что диссертант обнаруживает в содержании изучаемого концепта целый ряд противоречивых характеристик русского языка, как *чистого*, так и *засоренного*, *нецензурного* и *культурного*, *непонятого* и *понятого*, как *сложного*, так и *доступного*...

Вместе с тем совершенно неожиданной оказалось отсутствие классификатора «изучение языка» у сельской молодежи, что заставит задуматься не только филологов, но и методистов.

Высокой степенью новизны отличаются данные о кратном превышении «сельских» показателей по классификаторам концептов над аналогичными «городскими» показателями: престижность – в 2,9 раза, культура общения – в 2,5 раза, общая оценка – в 1,8 раза, тогда как, скажем, эстетическая оценка русского языка у горожан намного выше.

Все эти идеи работают на глубину анализа, но они же свидетельствуют о хорошей школе научной работы, почерпнутой у профессора И.А. Стернина. Это действительно школа, открывающая пути реализации полученных данных в практической деятельности!

Последняя диссертация, выполненная под руководством И.А. Стернина, это диссертация Аллы Сергеевны Куркиной «Реконструкция коммуникативной личности русского писателя (на примере вербального и невербального поведения А.П. Чехова)». Кто только не писал о Чехове, но диссертантка сумела подойти к писателю с позиций современной лингвистики, взяв за основу коммуникативные стратегии и обрисовав портрет этого человека, включающий в себя многообразие весьма авторитетной личности. Установлено, что наиболее яркими параметрами этой личности являются *оценочность*, *выход из общения*, *юмор*, *приглашение к действию* и *вступление в общение*. В итоге исследования был сформулирован обобщающий коммуникативный образ писателя. А.С. Куркина выявила и обосновала 17 черт коммуникативной личности, что составляет весомый вклад в наше понимание автора как создателя

классических текстов. Заметим, что эту диссертацию доводила уже после смерти И.А. Стернина его сестра профессор Марина Абрамовна. Научная школа чувствуется в этой работе, как и во всех предыдущих.

Итак, четыре диссертации, но по каждой выявлен свежий подход, представлена оригинальная трактовка темы. Откуда это идет? Ответим: идет от научного руководителя, который является образцом чрезвычайно широкого, но при этом предельно четкого понимания русского языка на современном этапе.

Человек Ренессанса – это значит, что он работает как несколько человек, как целая школа. Обратимся к цифрам. Что такое **870 научных работ** (по данным за 2008 год), опубликованным не только в России, но и за рубежом: Болгария, ГДР, ФРГ, США, Финляндия, Румыния, Украина, Литва, а **всего публикаций на 2008 год приходится 935?**

Читаем дальше: опубликовано **монографий – 28, включая 3 за рубежом; учебных пособий – 20 для вузов, 31 для школы, брошюр – более 70.**

На 2022 год всего монографий, учебных пособий, словарей **более 340.**

Научный редактор более 400 научных изданий (сборники, монографии, пособия, брошюры).

Эти цифры тоже зашкаливают.

Эта мысль о важности количества труда встречается, причем тоже с весьма пронзительной интонацией. «Каждый писатель, ответственный в слове, наверно знает этот потрясающий эффект уменьшения при сложении написанного в книгу: писал, писал, еще писал – все звучало и было крупно по отдельности – и вот сложил – мало. Я вглядываюсь в этажи книжных полок. Вот этаж однотомников, томиков – это мои современники и все неплохие. Десять лет пишет – однотомник, и двадцать лет – тоже однотомник. Двухтомник – на склоне дней, и то второй вполнину первого. ... Что за эффект такой думаю? Что-то тут зарыто. Так мало писали разве разночинцы. Помяловский хорошо встает нам на полку. Конечно, контейнер, который надо отвести под Толстого, страшен в качестве современного примера. Но вот и Гончаров – известный был лодырь, и Куприн <...> ...Рассуждая даже диалектически, не может быть самостоятельного качества на фоне отсутствующего количества – нечему перерасти. Если нет количества, это будет подсказывание, а не скачок. Вечное упражнение со скакалкой, раздевалка и душ – и ни одного боя» (А. Битов. Книга путешествий. М.: «Известия», 1986: 529-530).

Ученому не легче, чем писателю. Буквально в каждой работе должна сквозить новая мысль, а до нее надо еще дойти. У И.А. Стернина таких мыслей-идей множество. Укажем лишь некоторые. Это мысль о структуре лексического значения и мысль о селективном компоненте в значении слова, идея о гендерных составляющих речи и идея о зависимости речи от возраста человека, отношение к сквернословью на современном этапе и

необходимость пропагандировать русский язык, несмотря на постоянные зарубежные запреты по его распространению.

Здесь надо подчеркнуть такое важное качество письменной речи И.А. Стернина, как **изящество изложения**. Да-да, в современном мире, где процветают такие фразы, как *«действительность отражается посредством вербализации этнокультурной коннотации, обусловленной вторичными переживаниями субъективно значимых фрагментов действительности»*, *«...эмотивность, как правило, репрезентируется при помощи акцентирования словоформы, к которой относится частица»*, и такие обороты, как *«дискурсивно-коннотативное пространство»*, *«коннотативно-коммуникативный компонент»*. Причем наукообразия наблюдается сейчас и в смежных науках: *«Обоснование механизма реализации стратегии кадрового обеспечения органов местного самоуправления в парадигме устойчивого развития муниципальных образований»*.

Хорошему, понятному, научному языку, в чем-то завораживающему, И.А. Стернин незаметно, но въедливо учит и своих последователей.

Возьмем в качестве примера статью «Некоторые жанровые особенности мужского коммуникативного поведения». Она начинается так: «Мужское общение относится к разряду малоизученных в жанровом отношении. По поводу чисто внутригруппового мужского общения ходят различные предположения – о его грубости, цинизме, скабрёзности, неуважительном отношении к женщине как преобладающих чертах жанра. Проведенное исследование этого не подтверждает, хотя указанные элементы в мужском общении, несомненно, присутствуют». И далее: «Первой существенной особенностью мужского коммуникативного поведения в исследуемой группе можно назвать *тематическую заданность (ограниченность)* общения. Выделяются несколько доминантных (повторяющихся, регулярно возобновляющихся) тем общения: *«выпивка»*, *«менты»*, *«врачи и больницы»*, *«деньги»*, *«кто у нас у власти»*, *«бабы»*, *«заграница»*, *«дача»*, *«был интересный случай»*. Деление это в значительной степени условно, так как та или иная из обозначенных тем часто плавно переходит в другую или содержит элементы названных тем. Доминирующей была тема «выпивка», на которой мы и остановимся более подробно».

Перед нами научный стиль, который читать понятно и которому хочется подражать и следовать. Это тоже школа, распространяющаяся на лингвистов в первую очередь.

Много внимания уделял И.А. Стернин методам исследования языка. У ученого есть публикации по методу полевого анализа значения слова, по методу контрастивной интерпретации. Вообще в нашей науке относительно приемов, наработок, методов исследования не все хорошо, и опытный исследователь это понимает, обучая студентов, аспирантов,

докторантов грамотному использованию того или иного метода при анализе языковых фактов.

Не покажется ли вам, что Иосиф Стернин – этаким специалистом, весьма далекий от сегодняшнего дня? Нет, он работал учителем в школе, служил в армии в 1973-1974 годах в Смоленской области и вообще был мастером на все руки. Что-то починить, прибить, повесить – только попроси, да он и сам найдет, что поправить в быту, например, или на кафедре.

Мне издавна приходилось прибегать к советам Иосифа Абрамовича. Когда готовилась докторская диссертация, мы с сыном даже поехали в Воронеж, чтобы расспросить по деталям, поскольку дело это было новым, незнакомым, и разумный совет человека, прошедшего весь этот путь дорогого стоил. А история с первой книгой! Шесть лет пыталась я пробить публикацию, но только встреча и знакомство с Иосифом Абрамовичем Стерниным помогли изданию. Такое не забывается!

Человек Ренессанса! Да-да, это значит, что его интересы проистекают не только на научные занятия, которых не перечесать, но и на общество вокруг. И.А. Стернин –

инициатор разработки, **автор** программы и комплекса учебных пособий по предмету «Культура общения» для средней школы, который с 1997 г. введен с 1 по 9 класс во всех школах Воронежской области как региональный предмет;

руководитель системы подготовки в Воронеже учителей по предмету «Культура общения» – подготовлено более 1000 учителей через Воронежский институт повышения квалификации работников образования;

организовал и с 2002 г. руководил Воронежской «Службой русского языка», которая ежедневно по телефону бесплатно отвечает на вопросы о русском языке (по будням с 16.00 до 18.00);

с 2002 г. вел как автор и ведущий еженедельную радиопередачу «Территория слова» по Воронежскому радио;

ежегодно на базе областной библиотеки им. Никитина проводил городские праздники русского языка: городской конкурс «Самый грамотный» в Международный день грамотности (8 сентября) и городской праздник «Территория слова» в Международный день родного языка (21 февраля).

В этом важнейшем деле И.А. Стернин постоянно сотрудничает с учеными, учителями, работниками СМИ, его лекции и беседы всегда приближены к нуждам сегодняшнего дня. И сам является примером для других. Мы имеем в виду **многолетнее сотрудничество с профессором Зинаидой Даниловной Поповой**, постоянные ссылки на ее работы, обеспечение ввода теории семем в научный оборот.

Когда мы говорим «школа», то имеем в виду далеко не только книги, статьи ученого. Нет, малейшее замечание, шутка – все идет в дело, почему

и нужны конференции, симпозиумы, встречи, когда общение продолжается после докладов, и ты можешь услышать нечто неожиданное и весьма значимое не только для твоего поиска, но и для твоего поведения.

Вспоминается поездка на Галичью гору, в заповедник. Нас тогда набралось целый автобус, и разговоры тоже были разные. А тут и природа, земляника, редкие растения, сапсаны в небе, и Дон, дивный Дон перед глазами. Потом погода испортилась, но нам было интересно в Доме отдыха, и здесь дискуссии продолжались, и рождались новые идеи, настоящее царство общения.

Был разговор о сквернословии. «Я лежал в больнице, там было семь человек, и они не сквернословили, хотя бы в моем присутствии». Как, почему? Оказалось, что здесь были две причины, очень важные (я их потом вставила в лекцию!). Во-первых, Иосиф Абрамович всех называл по имени, а имя – самое положительное слово для человека, как писал М.М. Бахтин. Во-вторых, говорит Иосиф Абрамович, «я старался помочь: принести завтрак, что-то записать, напомнить. И они это ценили!».

Как-то я призналась Стернину, что не пропускаю ни одной конференции, ведь печататься где-то надо, а в те годы это была проблема. «И я тоже!» – услышала я в ответ. «Что это за конференция, если меня нет?». Мы посмеялись тогда и решили продолжать в том же духе.

В цифровом перечне успехов Иосифа Абрамовича Стернина есть указание на факты оппонирования им диссертаций. Когда выходила на защиту моя первая аспирантка Н.В. Позднякова, то ее первым оппонентом был И.А. Стернин. Отзыв был положительный, но я запомнила, как тихонько Иосиф Абрамович мне шепнул, что в диссертации «торчат ушки научного руководителя». Это была школа на будущее, школа руководителя: уметь командовать так, чтобы не заглушать голос своего подопечного.

Конечно, влияние И.А. Стернина распространялось и за пределами нашей родины. Ученый выезжал с командировками в университет им. М. Лютера (ФРГ) и в университет Орхуса (Дания), в университет Ювяскюля (Финляндия) и в университет в Варшаве (Польша), читал лекции в университетах Хельсинки (Финляндия) и Вены (Австрия). И не по одному разу все это продолжалось, командировки были по существу постоянными. Относительно недавно, в 2014 году, была командировка в Бишкекский славянский университет.

И.А. Стернин – специалист в области теоретического языкознания, русского языка, культуры общения, контрастивной лингвистики психолингвистики, риторики и речевого воздействия, коммуникативного поведения. Надо ли говорить, что буквально по каждому аспекту была организована своя школа, действующая и сейчас. И этот сборник «Язык и национальное сознание» – очередное свидетельство продолжающегося влияния выдающегося ученого.

В заключении попробуем обозначить, очертить, представить поименно школу И.А. Стернина.

Докторские диссертации: *Быкова Г.В., Орехова Н.Н., Колодина Н.И., Высочина О.В., Кожевникова И.Г., Новочихина М.Е., Лемякина Н.А., Куликова Л.В., Городецкая Л.А., Влавацкая М.Е., Маклакова Е.А., Шаманова М.В., Стеблецова А.О., Виноградова С.А., Рудакова А.В.*

Кандидатские диссертации: *Харитонова Б., Ермакова Р.А., Ухина Т.Ф., Маслова Е.В., Бебчук Е.М, Коновалова Т.В., Ковалев Е.Ю., Беспмятнова Г.Н., Глобина Л.В., Глуценко Т.Н., Стуколова Г.П., Марочкин А.И., Никитина С.В., Барышев Н.В., Мамута И.А.*¹, Артемова О.Г.*¹, Шилихина К.М., Лемякина Н.А., Репринцева Н.М., Шаманова М.Н., Сетаров Р.Д., Меликян С.В., Стеблецова А.О., Высочина О.В., Чернышова Е.Б., Серебрякова Р.В., Грищук Е.И., Полякова Е.К., Ипполитов О.О., Рудакова А.В., Черногрудова Е.П., Фомина И.В., Юмашева Г.Ю., Зленко И.П., Поталуи В.В., Гетте Е.Ю., Стрельникова М.А., Шилова Г.Е., Саломатина Е.С., Тавдгиридзе Л.А., Чубур Т.А., Волкова Н.Н., Фисенко О.С., Фридман Ж.И., Дж.Мохаммед Садун, Катукон С.С., Лазуренко Е.Ю., Маклакова Е.А., Зимина Л.И., Дьякова Л.Н., Адонина Л.В., Зацепина Е.А., Шевченко М.Ю., Онищенко М.С., Иванова М.М., Куранова Т.П., Розенфельд М.Я., Паничкина О.В., Досимова М.С., Проценкова Н.В., Архарова А.В., Акрам Азиз Хамид, Авдонина Л.Н., Трущинская А.С., Атланова Е.О., Дуссалшева Э.А., Симанова Т.А., Киреева К.О., Лысенко С.А., Павлова С.В., Талл Усеину, Вовк Е.В., Михайлова Т.В., Книга А.В., Любова С.Г., Виноградова О.Е., Шаламова Э.В., Дьяконова Е.А., Акованцева Е.В., Куркина А.С.*

В.К. Харченко

¹ Звездочкой помечены работы, которые И.А. Стернин доводил до защиты после кончины первого руководителя.

Раздел 1. Вопросы теории

Е.А. Маклакова

Производные значения слов в ракурсе их семного анализа

Выделение семантических признаков разного уровня абстракции и разного удельного веса в семантике слова в виде структуры сем весьма актуально в различных лингвистических исследованиях для обоснования и подтверждения научных выводов и заключений.

При описании семантики лексических и фразеологических единиц следует учитывать тот факт, что они являются продуктами речи, результатом семасиологического процесса, который непосредственно детерминируется коммуникативной сферой языковой деятельности, что диктует необходимость их рассмотрения не только с позиций внутренней структуры значения, но и в совокупности с процессами их функционирования. Выявляемые в процессе исследования семантики таких речевых единиц отношения обозначения (отношения между знаком и денотатом), непостоянны, поскольку один и тот же денотат может получить в речи различное обозначение.

Практика семного анализа языковых единиц подтверждает, что формирование семантики отличных от узуальных производных лексических образований неразрывно связано с определенными изменениями их структур, которые выражаются в замене архисем с одновременным преобразованием сем и их перемещением как составляющих вновь образованных семем с одного уровня семной иерархии на другой. Новое «распределение ролей» происходит на разных основаниях, в зависимости от различительной силы микрокомпонента в переходном значении, степени его яркости, характера содержания, отношения к акту речи и т.д. Подобная трансформация семантики реализуется в следующих разновидностях: при переносе по сходству (метафора) и переносе по смежности (метонимия).

Сопоставление семантических признаков показывает, что довольно часто при переносе значения мотивирующая сема производящего значения не совпадает с признаками, лежащими в основе производимого наименования. Появление нового значения обуславливается в таких случаях аналогией признака с «порождающим смыслом» (Kornai 1986, с.125), которая и является семантически ядром переносного значения. Метафорическое переосмысление значения на основе преемственности денотативных признаков имеет различную семантическую реализацию. Как правило, при замене архисемы общая сема или ряд сем, указывающих

на некоторое тождество производящей и производной семем, доминируют в признаковом составе вновь образованного значения:

1) *дуб, пень, дубина, чурбан* семема-1 архисема растение / часть растения / изделие из растения, сема деревянный (*физическая характеристика материала*) → семема-2 архисема лицо, сема медленно, с трудом соображает (*характеристика интеллектуальных способностей*);

2) *миоза* семема-1 архисема растение, сема чувствительное к прикосновению (*биологическое свойство*) → семема-2 архисема лицо, сема обидчивый, не терпящий вольного обращения (*характер*);

3) *ягодка* семема-1 архисема плод, сема маленький, сочный (*внешний вид и вкус*) → семема-2 архисема лицо, сема привлекательная, здоровая (*внешний вид и физические особенности*);

4) *ерш* семема-1 архисема рыба, сема костистая, с колючими плавниками (*анатомическая характеристика*) → семема-2 архисема лицо, сема отличается неуступчивым характером (*характерные особенности*);

5) *вьюн* семема-1 архисема рыбка, сема очень подвижная с червеобразным телом (*внешний вид и характер поведения*) → семема-2 архисема лицо, сема юркий, вертлявый (*характер поведения*).

Метафорический перенос является одним из наиболее продуктивных средств формирования косвенных наименований. Его сущность в ономаσιологическом отношении состоит в употреблении одной единицы языка вместо другой, принадлежащей к иной лексико-семантической парадигме, при сохранении в её значении, с точки зрения семасиологии, того общего элемента смысла, который лежит в основе такой лексико-семантической трансформации.

То есть, метафорическое значение формируется путем использования признаков одного класса предметов по отношению к предметам другого класса на основе их сходства, аналогии. При таких переосмыслениях новому наименованию лица приписываются признаки, характеризующие первичный объект номинации, а общая сема, указывающая на некоторое тождество производящей и производной семем, становится доминирующим признаком вновь образованного значения.

Однако антропонимическая нереперентность и нередко диффузное значение мотивирующего признака делают их семантику расплывчатой и неопределенной. Такое семантическое смещение побуждает к предположению, что «семантическая общность подобных транспозиций основывается не только на наличии у сопоставляемых слов общих сем, но и на ассоциативных признаках» (Шмелев 2008, с.198), которые не представлены в их семных структурах и которые актуализируются нередко на сугубо индивидуальных представлениях о предметах или явлениях.

Таким образом, метафора создается путем вторичной номинации на основе внешнего, внутреннего или функционального сходства, когда выбранные для употребления в переносном смысле языковые единицы

вызывают определенные ассоциации, порожаемые свойствами или качествами предметов, ими обозначаемых. Приведем в качестве примеров некоторые типы метафорических переносов, отражающие переосмысление значений в различных сферах внеязыковой действительности:

животное → человек

подопытный кролик (лицо, мужской / женский пол, служит объектом для проверки тех или иных предположений) – в семной структуре слова *подопытный* сема служит объектом для опытов конкретизируется в сему *служит объектом для проверки чего-либо* при одновременной замене архисемы *животное* архисемой *лицо*. Вместо слова *кролик* в словосочетании может быть использованы слова *мышь*, *животное*, *растение*, что существенно не меняет его семантику;

артефакт → человек: *огородное пугало* (лицо, мужской / женский пол, отличается некрасивой внешностью, безобразной одеждой) – в семантике артефакта, означающего подобие человека, сделанное из соломы и старой одежды, предназначенное для отпугивания птиц на огородах, при метафорическом переносе значения усиливается сема *устрашающего внешнего вида* наряду с ослаблением сем *сделанное из соломы и старой одежды, предназначенное для отпугивания птиц на огородах (внешний вид, функциональное предназначение предмета)*, а архисема *артефакт* заменяется архисемой *лицо*;

растение → человек: *старый мухомор* (лицо, мужской пол, преклонного возраста, отличается дряхлым внешним видом) – переосмысление сопровождается преобразованием дифференциальных признаков *на тонкой ножке, шляпка в белых крапинках (внешний вид)*, свойственных такому виду растений, в признаки *возрастные отличия и внешний вид*, для фиксации которых могут быть использованы семы, описывающие немощного от старости человека: *хромой, почти не ходит, весь в морщинах, обычно носит шапку*, – и заменой архисем *гриб – лицо*. Определительный компонент – *старый* – выполняет функцию указания на возраст характеризуемого лица. Негативной характеристика становится в связи с тем, что такие грибы считаются ядовитыми и непригодными в пищу.

Сравнивая смысловые объемы лексических единиц, используемых в устойчивых словосочетаниях, со смысловыми объемами их прототипов в свободном употреблении, подчеркнем, что актуализированные в производном значении семы, зачастую имплицированы в семантике производящего значения, находясь на периферийном уровне. Такая антропоцентричность обуславливается способностью людей соизмерять все, что их окружает, по своему образу и подобию в соответствии с собственным жизненным опытом. Не отрицая некоего общего элемента смысла у соотносимых слов, нельзя, однако, не видеть того, что он

находится вне ядра их семной структуры, что затрудняет однозначное «прочтение» транспонируемой семемы.

В рамках метафоры имеет место, как отмечают многие авторы, сведение несопоставимого, пересекающегося лишь в какой-либо одной точке и очень различного в остальном. Не случайно, поэтому Н.Д. Арутюнова называет метафору «рассадницей алогичного в языке» (Теория метафоры 1990).

Сравнение чего-то с чем-то в метафоре происходит при включении в механизм человеческого восприятия чувства сходства. Необходимая, существенная часть информации для вновь отображаемого объекта переносится в новое, формирующееся понятийно-языковое содержание языковой единицы. Снятые же признаки не исчезают, они остаются у данных единиц в потенции и функционируют каждый раз в зависимости от контекста.

Причем, не исключается возможность наличия в ряде производящих значений двух и более равнозначных образных гештальт-структур. Так, если в качестве наименования используется лексема *морж*, то носитель данного имени может восприниматься не только *человеком крупным и с большими усами*, но и еще *любителем зимнего плавания в открытых водоемах*. Смысловая структура наименования *пигалица* корреспондирует с типовыми образами *малорослой женщины* или *тщедушного подростка мужского или женского пола*, которые могут отличаться *невзрачной внешностью*.

В целом же следует отметить, что семантическое переосмысление носит разнообразный характер и отличается многоаспектностью.

Метонимия при ее рассмотрении в семасиологическом плане представляет собой семантический сдвиг, который обусловлен синтагматически и характеризуется появлением у семемы новой архисемы на основе актуализации одного из дифференциальных признаков, при одновременном превращении прежней архисемы в дифференциальный компонент значения. Представляя собой семантическую трансформацию по смежности, вторичные значения опираются на различного рода ассоциативные связи, возникающие при наименовании одним словом двух смыслов: целого и части, действия и деятеля, орудия труда и человека, который им пользуется, и т.д. Не останавливаясь подробно на описании направлений метонимических переосмыслений, широко освещенных в нашей лингвистической литературе, выделим лишь наиболее продуктивные из них типы для обозначения наименований лиц:

1) часть тела или орган человека → человек: *здоровый лоб (вырос)* → лицо, мужской пол, молодого возраста, сильное, высокое; *душа моя* → лицо, мужской / женский пол, близкое кому-либо, любимое кем-либо; *холодное / каменное сердце* → лицо, мужской / женский пол, отличается неспособностью глубоко чувствовать;

2) характерная черта лица или голова человека → человек: *борода* → лицо, мужской пол, носит бороду; *забубенная голова* → лицо, мужской пол, отличается разгульным образом жизни; *лысая голова* → лицо, мужской пол, не имеет волос на голове; *горячая голова* → лицо, мужской / женский пол, поступает опрометчиво, излишне поспешно;

3) характерный предмет одежды → человек, носящий его: *голубые береты* → группа лиц, мужской / женский пол, служат в десантных войсках, носят голубые береты; *сапог* → лицо, мужской пол, малокультурный, туго соображающий;

4) орудия труда → человек, пользующийся им: *счетчик* → лицо, мужской / женский пол, производит подсчет кого-/чего-либо; *первая скрипка* → лицо, мужской / женский пол, играет на скрипке, исполняет ведущую партию в оркестре; *бас-кларнет* → лицо, мужской / женский пол, играет на бас-кларнете;

5) голос человека → человек, обладающий таким голосом: *альт*, *баритон*, *тенор*, *сопрано*;

6) звание, ранг человека → человек, носящий его: *Герой России*, *народный артист*, *кандидат наук*, *доцент*, *ветеран труда*, *архиерей*, *капитан второго ранга*.

В подобных наименованиях лиц, как резонно замечает А. А. Уфимцева, «дифференцирующий, служащий интенцией именованья, признак как бы отодвигает на задний план более общие (емкие) признаки, вернее, они включаются в понятие как сами собой разумеющиеся» (Уфимцева 2010, с.118)

Вышеизложенные примеры лексических единиц свидетельствует об их номинативных возможностях. При этом если в знаках первичной номинации форма и содержание оказываются едины, т.е. в структуре первичного значения сама реальность и ее смысл тождественны, то вторичная номинация выходит за пределы этой схемы. При этом существующее единство формы и содержания разрушается, форма, получая самостоятельное значение, приобретает возможность выразить и неадекватные смыслы.

Отмеченная номинативная особенность обусловлена тем, что человек как единая по своей субстанциональной природе сущность порождает целый ряд номинантов, т.е. объектов для наименования, содержащих характеристику индивида по какому-либо отличительному признаку. По существу семантическим ядром таких наименований лиц выступают не родовые архисемы или интегральные семы принадлежности к тематическому разряду, а доминирующие дифференциальные семы, в которых сформулированы идентифицирующие и характеризующие признаковые значения. Возникновение таких образований для наименования человека объясняется и тем, что в речи словесно называется

не сам объект, а лишь отдельные его признаки, которые репрезентируют весь объект.

Также на основе вышеизложенных примеров можно отметить, что смысл наименования лица как единицы индивидуального лексикона тесно коррелирует со спецификой индивидуального знания номинатора, его концептосферой, формируемых в соответствии с психофизиологическими возможностями индивида и этносоциокультурной средой его обитания. Это приводит нас к пониманию того, что «значение слова функционирует не само по себе, а как средство выхода на личностно переживаемую картину мира во всем богатстве ее сущностей, качеств, связей и отношений, эмоционально-оценочных нюансов и т.д.» (Залевская 1990, с.77)

Литература

1. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. – Воронеж, 1990.
2. Теория метафоры / Пол общ. Редакц. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990.
3. Уфимцева А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. – Изд. 4-е. – Москва: URSS, 2010.
4. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. – Изд. 3-е. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008.
5. Kornai, A. Logical types and Linguistic types. – 1986.

А.А. Илунина

Интердискурсивность, интертекстуальность, интермедialность: к вопросу о дифференциации понятий

Считается, что в научный филологический оборот термин «дискурс» впервые ввел бельгийский ученый Э. Бюиссанс в работе «Язык и дискурс», опубликованной в Брюсселе еще в 1943г., однако, в активный обиход гуманитарных наук этот термин стал входить только с середины 1960-х гг. Содержание термина «дискурс» (от лат. *discurrere*, франц. *discours* – речь, выступление) до настоящего момента остается предметом научных дискуссий (М. Фуко, М. Пеше, Э. Бенвенист, З. Харрис, Т. А. ван Дейк, П. Серио, Н.Д. Арутюнова, В.Е. Чернявская, В.И. Карасик и другие). Вслед за О.С. Сачавой, мы понимаем дискурс как «содержательно-тематическую общность текстов/ текстообразовательных моделей, коррелирующихся с определенной областью человеческого знания» (Сачава 2009, с.7).

В последние десятилетия проблемы дискурса и дискурсивности стали играть важную роль в исследованиях межтекстовых взаимодействий различного уровня и характера, особенно, в контексте соотношения с интердискурсивностью, интертекстуальностью и интермедialностью. В данной статье мы ставим своей целью, на основе анализа современных исследований в этой области, дать анализ

и уточнить содержание таких ключевых теоретических понятий современной филологической науки, как интердискурсивность, интертекстуальность и интемедиальность, дифференцировав их между собой.

В работах современных ученых очевидно стремление связать понятие дискурса не только с функциональным стилем, жанром, но и с идейно-тематической частью произведения. Так, С.Н. Зенкин акцентирует внимание на содержательных (социальных, идеологических, то есть мировоззренческих) критериях для выделения различных типов дискурса (Зенкин 2000, с. 63-64). В.И. Карасик выделяет статусно-ориентированные институциональные типы дискурса (Карасик 2002, с.199). Дж. Фиске определяет дискурс как «социально продуцируемый способ говорить и думать по определенной теме» (Fiske 1987, с. 268). В таком понимании дискурс является «социокультурным феноменом, наиболее релевантными характеристиками которого являются: соотнесенность с определенной областью социального опыта, которую он наделяет смыслами; социальная локализация, в которой возникают эти смыслы; лингвистическая (или иная) система сигнификации, при помощи которой эти смыслы продуцируются» (Шапинская 2008, с. 424) Дискурс представлен текстами и манифестирует себя в текстах. Дискурс, по справедливому замечанию В.Е. Чернявской, как «коммуникативное, когнитивное, семантическое пространство, соотносит текст, во-первых, с определенной ментальной сферой/определенными знаниями, во-вторых, с моделями (образцами, прототипами) текстопорождения и восприятия и, в-третьих, с другими текстами, содержательно и тематически обращенными к общей теме» (Чернявская 2007, с.8-9). Соответственно, дискурсивность осмысливается в науке как понимание текста не в качестве изолированной единицы, но как «составляющей части метатекстового пространства» (Чернявская 2007, с.9).

В то же время, очевидно, что «текст может быть обращен не к одной, а одновременно двум и более областям человеческого знания и практики» (Сачава 2010, с.150). Феномен взаимодействия дискурсов получил название интердискурсивности (термин «интердискурс» был введен М. Пеше). Для того, чтобы подчеркнуть процесс взаимодействия дискурсивного множества в тексте, Е.В. Белоглазовой был введен также термин «полидискурсивность» (Белоглазова 2009). Интердискурсивность может возникать спонтанно или выступать в качестве стратегии текстопорождения (инсценируемая интердискурсивность) (Чернявская 2007, с.23). Как справедливо отмечает Е.В. Белоглазова, «если при интертекстуальности актуализируются связи между двумя (и более) конкретными текстами, причем связь маркируется точно, конкретными языковыми

единицами, сигнализирующими об этой связи, при интердискурсивности диалогические отношения затрагивают единицы более высокого, чем текст, уровня – дискурсы, то есть множества текстов» (Белоглазова 2009, с.69). Интертекстуальность, которую мы понимаем как сознательную установку автора на создание диалога (полилога) с конкретными текстами предшественников, маркированную цитатами, аллюзиями, реминисценциями, элементами паратекста (эпиграф, заглавие), сюжетными параллелями, на наш взгляд, можно рассматривать как средство создания инсценируемой интердискурсивности.

Термин интермедиальность был введен в 1983 году А. Хансеном – Леве для обозначения связей между литературными текстами и невербальными текстами (чаще всего, произведениями изобразительного искусства) (см., например, работы Владимировой, 2016; Хаминовой, Зильберман 2014). И.В. Арнольд использовала в качестве синонимичного термин «синкретическая интертекстуальность» (Арнольд 1995, с. 1995), Л.П. Прохорова – «интерсемиотичность» (Прохорова 2002, с. 110). Интермедиальность в современной научной литературе, в основном, считается разновидностью интердискурсивных отношений. Например, Н.С. Олизько понимает под интермедиальностью взаимодействие художественного дискурса с невербальными знаковыми системами, «связь художественного текста с другими знаковыми системами в рамках семиосферы» (Олизько 2008, с. 77). Мы полагаем, однако, что следует разграничить разные формы интермедиальности. Для этого, на наш взгляд, разумно ввести понятия интердискурсивной интермедиальности и интертекстуальной интермедиальности. В первом случае имеется в виду масштабные взаимодействия дискурсов, относящихся к различным семиотическим системам, во втором – точечные взаимосвязи вербальных и невербальных текстов, позволяющие говорить, скорее, об «интермедиальных включениях» (Воскресенская 2004, с. 85) в текст.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на уже достигнутые филологами результаты, дальнейшие исследования в области интертекстуальных, интермедиальных и интердискурсивных отношений, как в теоретическом, так и в практическом ключе, имеют свою перспективу.

Литература

1. Fiske J. *British Cultural Studies and Television // Channels of Discourse/* Ed. by R.C. Allen. – Chapel hill: The University of North Carolina Press, 1987.
2. Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста): лекции к спецкурсу. – СПб: Образование, 1995.

3. Белоглазова Е.В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Известия СПбУЭФ. – 2009. – №3. – С. 66-70.
4. Владимирова Н.Г. Интертекстуальность, интермедиальность, интердискурсивность: уч. пособие. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016.
5. Воскресенская Е.Г. Интертекстуальные включения в произведениях И.Во: дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004.
6. Зенкин С.Н. Интердискурсивные отношения в литературе // Введение в литературоведение: Теория литературы: уч. пособие. – М.: РГГУ, 2000.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
8. Олизько Н.С. Интермедиальность как разновидность интердискурсивных отношений //Мировая литература в контексте культуры. – 2008. – №3. – С. 76-78.
9. Прохорова Л.П. Синкретическая интертекстуальность в литературной сказке // Текст: восприятие, информация, интерпретация: сб. докл. I межд. конф. РНУ. – М.: РосНОУ, 2002.
10. Сачава О.С. Инсценируемая интердискурсивность как стратегия текстового построения в немецкой политической сатире //Политическая лингвистика. – 2010. –№ 4 (34) – С. 150-154.
11. Сачава О.С. Текстоброуаующий потенциал инсценируемой интердискусивности: на материале современного немецкого языка: дисс....канд. филол. наук.– Санкт-Петербург, 2009.
12. Хаминава А.А., Зильберман Н.Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки ман // Вестник Томского государственного университета. – 2014. –№389. – С. 38-45.
13. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность //Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – С. 7-26.
14. Шапинская Е.Н. Дискурсивный подход // Вопросы социальной теории. – 2008. – Том II. – Вып. 1(2). – С. 423-434.

Раздел 2. Языковое сознание

Е.Ю. Архипова

Отражение особенностей русского языкового сознания в «охотничьей» прозе С.Т. Аксакова

В «охотничьей» прозе С. Т. Аксакова, представленной «Записками об ужене рыбы», «Записками ружейного охотника Оренбургской губернии» и «Рассказами и воспоминаниями охотника о разных охотах», прослеживается представление о тесной связи мира людей и мира животных, что напрямую отражается в лексике, метафорах, сравнениях, используемых автором, страстным охотником. Писатель вводит ключевые слова и выражения русской культуры, характерные для описания человека, при создании портретов представителей фауны.

Основное внимание в «Записках об уженье» уделено миру рыб. Каждая глава представляет собой не просто описание их повадок или хитрости рыболовного дела, но своеобразный художественный портрет обитателей водного мира. Любопытно при этом, что рыбы в «Записках об уженье рыбы» не только описываются в мельчайших подробностях, но часто наделяются метафоризированными человеческими чертами характера и повадками. К примеру, можно прочесть, что «хитрость» шук доходит до «неразумного излишества» (Аксаков 1966, с. 42). Нужно отметить, что в русском языковом сознании понятие *хитрость* имеет негативный смысловой оттенок и противопоставляется *искренности, прямоте*. Искренность является показателем соответствия действительности, следовательно, *хитрость* оказывается свидетельством обратного. Разумеется, при этом нельзя не вспомнить, что, например, в баснях, где животные часто олицетворяют человеческие страсти, мы найдем близкое распределение оценочных знаков.

К слову, в мемуарной прозе Аксакова тоже наблюдается отражение негативного отношения к хитрости, изворотливости. Например, в «Семейной хронике», говоря о Михайле Максимовиче Куролесове, рассказчик отмечает: «За богатой четырнадцатилетней сиротою ухаживал майор Куролесов, «гусь лапчатый», как называли его подчинённые ему люди» (Аксаков 1966, с.72). В рассматриваемом случае такая характеристика, данная Куролесову дворовыми, отражает его нрав: в ходе повествования мы узнаём, что Михайла Максимович женится на весьма богатой сироте Прасковье Ивановне Багровой, чтобы получить её имущество.

Не менее интересны описания живой природы в «Записках ружейного охотника оренбургской губернии». Здесь так же, как в «Записках об уженье», человека и природу объединяет особая связь. В тексте присутствует довольно подробное описание поведения охотничьей собаки, и рассказчик подчёркивает, что без неё человек, отправившийся за дичью, представляет собой «что-то недостаточное, неполное» (Аксаков 1966, с. 38). Здесь природа тоже очеловечивается, что видно по тем словам, которые выбирает рассказчик применительно к легавой собаке: «Это жизнь, душа ружейной охоты» (Аксаков 1966, с. 37). Заметим, что концепт *душа* является одним из ключевых в русской концептосфере. В своей работе «Концепт «душа» в русской лингвокультуре: вербально-деривационная репрезентация» Е. Г. Авдышева и М. Ю. Шульженко приводят примеры словообразовательных гнёзд с вершиной-словом «душа» в различных словарях и приходят к выводу, что наибольшее словообразовательное гнездо данной лексемы, состоящее из 133 слов, можно найти в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова. «Если прибавить к ним всю совокупность других однокоренных единиц, семантически сопряжённых с каждым из дериватов

этой лексемы, то получится огромное деривационно-концептуальное образование, отражающее во всей полноте всю релевантную для русского этноса информацию о душе», – заключают исследователи (Авдышева, Шульженко 2015, с. 363). Таким образом, автор «Записок...» не случайно использует данную лексему, когда говорит о собаке: для охотника это не просто необходимый атрибут, но полноправный участник охоты, без которого она будет неполноценной.

Также в «Записках ружейного охотника» большое внимание уделено голубям как кротким и даже нежным в выражении своих чувств птицам. Рассказчик подчёркивает, что голубь справедливо считается символом чистоты и любви, и, доказывая это, вспоминает Ветхий и Новый Заветы, а также произведения устного народного творчества и речь простых людей. «Самая наружность голубя выражает его качества: как он всегда чист и опрятен, как соразмерны все части его тела! Какая круглота, мягкость в очертании его фигуры! Во всех движениях нет ничего порывистого, резкого: всё так кротко, спокойно, грациозно. Народ глубоко чувствует нравственные качества голубей и питает к ним особенную любовь», – заключает нарратор (Аксаков 1966, с. 94). Для русского человека «интерпретация нравственности и её составляющих находится в органической связи с национальными традициями русского народа и христианской морали» (Блинова, Купина 1993, с. 30). В русском языковом сознании *нравственность* стоит в одном ряду с таким ключевым словом, как *милосердие*. Л.А. Жданова и О.Г. Ревзина приводят большое словообразовательное и синонимическое гнездо данного понятия, взятое из «Словаря русского языка XI — XVII вв.»: милосердие, милосердный, милосердно, милосердовати, милосердство, милосердый, миловати, миловательне, помилосердствовать, умилосердिति, миловати, милостивне и милостивно, милостивство, милостидавец, милостный, милостыня, милость (Жданова, Ревзина 1991, с. 59). Говоря о нравственных качествах голубей, рассказчик в «Записках...» сближает этих птиц с людьми и тем самым объясняет особое отношение человека к ним.

В «Записках...» человеческими чертами наделяются не только собака и голубь, но и заяц, которому в тексте уделено достаточно много внимания. Среди прочих особенностей рассказчик отмечает «особенный, жалобный крик, похожий на плач младенца» (Аксаков 1966, с. 71). Помимо этого, упоминается невероятная трусость данного животного, и рассказчик говорит о ней как будто даже с некоторым сочувствием: «Заяц – самое робкое и беззащитное творенье». Нарратор не обходит стороной известную русскую поговорку и отмечает её справедливость: «Трусость видна во всех торопливых его движениях и утверждена русскою пословицею: труслив, как заяц» (Аксаков 1966, с. 72).

Кроме подробных комментариев относительно внешнего облика птиц рассказчик даёт подробную характеристику их поведения, при этом

наделяя представителей животного мира чертами, присущими людям. Так, можно заметить явный мотив материнской любви, проходящий через «Записки ружейного охотника». Описывая разных птиц, например, куликов, травников, уток, чибисов, рассказчик не забывает подчеркнуть их поразительную «горячность к детям» (Аксаков 1966, с. 83). Отметим, что в русском сознании семья является ключевой частью жизни. Из века в век русские люди жили совместно, старшие и младшие в одной избе, помогая друг другу. Особая роль в семье, безусловно, принадлежала матери, что отразилось и в устном народном творчестве: в сказках и былинах Мать-сыра-земля всегда помогает герою, даёт ему силы. М.В. Пименова и Е.А. Мошина в своём исследовании, посвящённом мифологеме *Мать-сыра-земля* в русской языковой картине мира, отмечают: «На память о культуре Матери-сырой-земли указывают дифференциальные признаки возносимой молитвы, обращения к земле. Мать-земля – родительница, кормилица, защитница и врачеватель, она наделяет своих детей угождениями, позволяющими добыть себе хлеб собственным трудом» (Пименова, Мошина 2021, с. 141).

Мать-земля рождает человека, и в неё каждый ляжет после завершения своего жизненного пути. В связи с этим В. Л. Комарович, исследуя культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII веков, приводит следующий пример: когда у Рюрика Смоленского родился сын, на том месте, где княгиню застали роды, была построена церковь святого Михаила. Учёный объясняет это существованием определённых обычаев, связанных с почитанием матери-земли: «...умирающих клали непременно на землю...в убеждении, что душа как раз там, где положен умирающий, возвратится в материнское земляное лоно, так ровно обратный переход к новорождённому души умершего предка, — чаще всего как раз деда, — из-под земли представляли себе возможным опять-таки только там, где состоялись роды» (Комарович 1960, с. 104).

У С.Т. Аксакова в повествовании о поведении птиц-матерей угадывается вполне человеческая реакция на внешние угрозы и забота о своём ребёнке. К примеру, как отмечает нарратор, «утка – самая горячая мать. Когда собака или человек спугнет её с гнезда, для чего надобно почти наступить на него, то она притворяется какой-то хворую или не умеющею летать...» (Аксаков 1966, с. 84). Также отмечается осторожность птицы и её желание уберечь птенцов от возможной опасности: «Через несколько часов после вылупления утят уже нет в гнезде: мать увела их на тихую воду пруда, озера или залива с камышами. Она бережно перенесла утят во рту через такие места, где пройти им трудно» (Аксаков 1966, с. 84). Особое внимание обращает на себя слово «бережно», используемое обычно в отношении людей, но не зверей и птиц. Кроме того, рассказчик не раз подчеркнуто использует номинацию «мать», когда описывает поведение утки.

Не менее самоотверженно в отношении своих птенцов ведут себя и чибисы. Так, читаем: «Чибисы, или пигалицы, очень горячо привязаны к своим детям и не уступают в этом качестве болотным куликам: так же бросаются навстречу опасности, так же отгоняют всякую недобрую птицу и так же смело выются над охотником и собакою» (Аксаков, с. 86). Особый акцент Аксаков делает на словах «горячо привязаны», «смело», которые используются в русском языке применительно к людям.

Помимо мотива материнской любви, в «Записках...» присутствует мотив «супружеских» отношений. Эти мотивы имеют большое значение, так как человеческая жизнь посредством сравнений, ассоциаций и метафор включается в мир первозданной гармоничной природы. Мотив любви напрямую связан с обновлением жизни, что является естественным законом природы. Рассказчик, описывая «супружеские» отношения разных пород птиц, то и дело соотносит природный мир с миром человеческим, поэтизирует каждый из них. Однако он подчёркивает, что существуют породы, которые делятся на пары, и породы, которые этого не делают. Говоря о первых, нарратор сравнивает их с мужем и женой, вместе заботящимися о потомстве, и в очередной раз включает представителей животного мира в систему человеческих взаимоотношений.

Довольно любопытно в связи с этим, что «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» содержат совсем другие описания диких животных, чем в «Записках...». В отличие от последних, в данном тексте звери не очеловечиваются, а напротив, изображаются как агрессивные хищники, опасные для охотника. Так, при описании хорька рассказчик создаёт следующий образ: «Хорёк злобен до невероятности и в крайности не только огрызается, но бросается даже на собаку. Огрызанье его сопровождается звуками, похожими на щекотанье сороки...» (Аксаков 1966, с. 36). Здесь, в противоположность «Запискам ружейного охотника Оренбургской губернии», зверёк сравнивается не с человеком, а с птицей, причём именно с той, которая не относится к разряду прирученных человеком и не входит в его рацион.

Особенно ярко данное отличие прослеживается в отрывке, посвящённом горностаю и ласке. Сам рассказчик подчёркивает, что внешняя грация данных зверьков на самом деле скрывает агрессию и даже «кровожадность». Так, читаем: «Горностаи и ласка могут быть причислены к одному роду... всмотревшись хорошенько в очертание их рта, вооружённого частыми и острыми зубами, особенно в их маленькие, бесцветные глазки, почувствуешь, что они принадлежат к злобной и кровожадной породе зверей. Особенно ласка, будучи слишком длинна и тонка и потому изгибая свою спину дугою, когда останавливается, напоминает как-то изгибающуюся змею» (Аксаков 1966, с. 40). Характерно, что в данном отрывке встречается совершенно иное описание глаз, чем в «Записках...»: здесь мы видим уже «глазки», причём

«бесцветные», и это никак не похоже на описание человеческого взгляда. Ласка сравнивается со змеей, что подчёркивает отсутствие связи с человеческим миром: оба данных представителя фауны не приручены людьми и не употребляются ими в пищу. Это животные, в которых звериное проявляется в полной мере, в отличие от тех же кошек и собак, тоже являющихся хищниками, но давно ставших привычной частью человеческого быта.

Как утверждает С.З. Агранович, понятия «жестокость», «лютость» связаны с таким культурным феноменом, как мужские «постинициационные волчье-пёсьи союзы» с характерной для них обрядовой и языковой практикой: «Для всех этих сообществ <...> характерна крайняя жестокость, носящая демонстративный характер». При этом исследовательница отмечает, что «в Словаре древнерусского языка XI-XIV вв.» у прилагательного лютий наряду со значениями 'свирепый', 'жестокий' и подобными отмечено значение 'вызывающий сострадание, достойный сожаления'» (Агранович 2003, с. 3). В связи с этим замечанием обратимся вновь к мемуарной прозе С. Т. Аксакова, а именно к «Семейной хронике». Михайло Куролесов, помимо хитрости, ещё и невероятно жесток, поэтому все называют его «зверем полосатым» (Аксаков 1925, с. 72). Куролесов не по-человечески свиреп, избивает супругу и дворовых, используя при этом изощрённые средства (например, так называемые «кошки»). Сам рассказчик дополняет данный портрет собственным сравнением: «Кровожадная натура Куролесова, воспламеняемая до бешенства спиртными парами, развивалась на свободе во всей своей полноте и представила одно из тех страшных явлений, от которых содрогается и которыми гнушается человечество. Это ужасное соединение инстинкта тигра с разумностью человека» (Аксаков 1925, с. 73). В данном случае фигура персонажа как бы расчеловечивается, и автор использует слово «бешенство», создавая ассоциацию с взбесившимся животным, которое опасно для окружающих. При этом важнее, однако, другое: несмотря на всё пережитое, жена Куролесова Прасковья Ивановна на протяжении всей жизни жалеет своего мужа, поскольку он «так и умер и не успел покаяться» (Аксаков 1925, с. 76).

Подводя небольшой итог, отметим, что если в предыдущих произведениях читателя могли очаровать портреты представителей животного мира, то в случае «Рассказов и воспоминаний охотника о разных охотах» возникает уже иное впечатление: дикие звери отделены от людей и даже противопоставлены им. Это связано с тем, что в «Рассказах и воспоминаниях охотника» преимущественно описаны неприрученные хищники, то есть животные, которые представляют для человека опасность: мелкие зверьки, лисы, волки. В «Записках...» же речь идёт о рыбах, а также о травоядных зверьках и птицах, «употребляемых в пищу

человеком, добываемых разными родами ловли и преимущественно стрельбой из ружья» (Аксаков 1966, с. 7).

В целом, в «охотничьей» прозе С.Т. Аксакова на уровне лексики прослеживаются особенности русского языкового сознания, для которого характерно трепетное отношение к материнству, семейственности, душе, а также осуждение хитрости, изворотливости, злобы и жестокости, причём переносится всё это с человеческого мира на мир животных.

Литература

1. Авдышева Е. Г., Шульженко М. Ю. Концепт «душа» в русской лингвокультуре: вербально-деривационная репрезентация // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2015.
2. Агранович С. З. «Пожалел волк кобылу...»: о синкретизме семантики славянского концепта лютость и отражение этого синкретизма в мифе, фольклоре и литературе // Вестник СамГУ, 2003.
3. Аксаков С. Т. Записки об уженье рыбы. – М.: Правда, 1966.
4. Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. – М.: Правда, 1966.
5. Аксаков С. Т. Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах. – М.: Правда, 1966.
6. Аксаков С. Т. Помещик Куролесов. Из «Семейной хроники». – М.: Гос. изд-во, 1925.
7. Аксаков С. Т. Семейная хроника. – М.: Правда, 1966.
8. Блинова Л. А., Купина Н. А. Нравственные концепты в лексическом освещении // Функциональная семантика слова. – Екатеринбург, 1993.
9. Жданова Л.А., Ревзина О.Т. «Культурное слово» милосердие // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Языки русской культуры, 1991. — С. 56-67.
10. Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. – М.; Л., 1960.
11. Пименова М. В., Мошина Е. А. Мифологема Мать-сыра-земля в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал, 2021.

А.П. Бабушкин

Конструктивные элементы жилого дома в языке (их «вчера» и «сегодня»)

Понятие «дом» – здание, строение, предназначенное для жилья и «жилое помещение, жилище, квартира» в обеих своих ипостасях занимают исключительное по важности место (в прямом значении последнего) в жизни каждого человека.

В философском осмыслении «дом» – «макет мироздания, национальный Космос в миниатюре». По мнению Г.Д. Гачева, «дом» олицетворяет, вопервых, ту часть Вселенной, которая окружает нас в форме аллегорически представляемых природных субстанций: земля – «пол», небо – «потолок»,

страны света – «стены», а во-вторых, заставляет осознавать собственное «Я» в виде «тела дома»: крыша – «череп», вход в дом – «рот», двери – «губы, раскрытые либо сжатые», окна – «глаза» (Гачев 1995, с. 38-39).

Подобные иносказания подводят непосредственно к цели нашей работы – рассмотреть номинации конструктивных элементов дома в их переносных значениях, чаще всего – фразеологически связанных, чтобы расширить старые и увидеть новые сферы употреблений интересующих нас слов и устойчивых словосочетаний.

В продолжение соматической тематики остановимся на выражении с лексемой «крыша» в значении «голова человека». Такое уподобление построено на функциональной аналогии кровли дома и верхней части человеческой фигуры. Однако приведенное сравнение явно пейоративно, что подтверждается семантикой фразеологизма «у кого-то крыша поехала»:

*Говорю же, у бабулечки нашей совсем **крыша отъехала**, как грицца, с комсомольским приветом* (С. Волкова. Джентльмены и снеговики).

*Видимо у парня совсем **крыша поехала**, вот глаза горят, словно у сумасшедшего* (А.Ливадный. Среда выживания).

«Крыша едет» у человека, который теряет рассудок. Ср. с выражением **башню снесло**.

С 80-х годов прошлого века появилось новое значение «крыша» – покровительствующее лицо, организация или преступная группировка, защищающие коммерческое предприятие от посягательств со стороны других криминальных структур.

Любопытной представляется зафиксированная в англоязычной литературе интерпретация этого понятия. По «догадке» героя романа S. Berry “The Romanov Prophecy” (Berry 2005), «roof» (крыша) – это своеобразный канал передачи бандитам платы за их защиту, то есть лексема «крыша» понимается в буквальном своем значении. В обстоятельствах строгой секретности помещение чердака кажется персонажу книги самым удачным местом для этой процедуры.

«Чердаком» называют и голову человека на том основании, что чердак находится наверху дома между крышей и потолком.

В своем переносном значении «потолок» понимается как «предел»: *В родном городе я уже достиг **потолка** в собственном развитии, но к окончательной поездке меня склонили обстоятельства в личной жизни* (В. Хотног. Двадцать лет в плену у веселых и находчивых).

Пренебрежительное «взять/брать с потолка», означает «сделать что-то без достаточных оснований, данных, наобум»:

*Актерские псевдонимы возникли частью волею случая, частью были связаны с фактами биографии актера, но чаще **брались** попросту с **потолка*** (А.Двинский. Бремя тщеславия).

Возможным основанием для такого выражения является тот факт, что, решая какую-нибудь задачу, человек нередко устремляет свой взгляд вверх, под потолок, к небу.

Имеется ряд фразеологизмов русского языка, включающих в свой состав лексему «стена».

По словарному определению, «стена» – вертикальная часть здания, помещения. Отсюда – «припереть/прижать к стене» – поставить кого-то в безвыходное положение, вынуждать признать или сделать что-то:

*Это Алтунин берет на себя смелость не только перечить, но и поучать, припирая Геннадия Александровича к **стенке!** Дерзость! Бестактность!* (М. Колесников. Школа министров).

*Если его **припирали к стенке**, уличая в бахвальстве и явных выдумках, он не смущался* (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

С одной стороны, «стена» – надежная защита, избавляющая от лишних хлопот, забот, опасностей:

*За ним (Богачевым), бывало, как за **каменной стеной**. Скажу ему, какие задачи нужно обеспечить, остальное он сам сделает* (Г.Щедрин. На борту).

С другой стороны, «стена» – это преграда; то, что выступает в качестве препятствия к общению:

*[Прохор] отгородился от нее [Нины] **стеной** оскорбительного молчания и грубых фраз* (В. Шишков. Угрюм-река).

Вертикальная позиция стены подразумевается в содержании еще двух устойчивых выражений: «на стену лезть» и «как об стенку горох».

«На стену лезть» – приходиться в крайнее раздражение, исступление:

*Учителя от них (учеников) плакали, класная руководительница пила валерьянку, а директор **лез на стенку*** (И.Федорова. Тайное общество дураков).

В свою очередь, сравнение «как об стенку горох» предполагает ситуацию, когда до человека не доходят никакие слова, уговоры или внушения. Они рассыпаются, словно зерна гороха, брошенные в стенную перегородку:

Да что с тобой, дураком, толковать! Как об стенку горохом... Мантифолию на уксусе разводить с тобой только (А. Островский. Бедность не порок).

Наконец, более реалистическое в своем буквальном смысле выражение «в четырех стенах жить/пребывать» апеллирует к бытию человека, ни с кем не общающегося, находящегося в полной изоляции от внешнего мира вольно или невольно:

*Сложно что-либо знать о мире, сидя годами **в четырех стенах** и роясь в научных работах и законодательных актах* (Д.Усольцев. Теория государства и права для чайников).

Как видно из наших примеров, многие фразеологизмы со словом «стена» несут в себе негативные значения, предполагая отчаяние, безысходность, безуспешность и одиночество.

В словаре русского языка не так много фразеологизмов с лексемой «окно» (оставляя в стороне знаменитое выражение «окно в Европу»). Зато отмечены новые значения словосочетания «окно в мир» – 1) контрольно-пропускной пункт (из армейского лексикона КПП) и 2) дыра в заборе.

Перейдем к образным выражениям, включающих в свой состав слово «двери».

О «реальности нереального» сообщает идиома «ломиться в открытую дверь»: настойчиво утверждать, доказывать то, что всем непосредственно очевидно, против чего никто не спорит:

*Исследователи **ломались в открытую дверь**, которая открывалась в другую сторону* (А. Кузнецов. Ставка – жизнь).

Зато другие выражения с этой лексемой вполне прозрачны по своей семантике и берут свое начало от знакомых жизненных ситуаций. См., например, «указать на дверь» – потребовать, чтобы кто-то ушел, отказать от квартиры ранее взятой в наем:

*Нет жилья, потому что в любой момент могут **указать на дверь*** (Ю.Чернявская. Она попала – он пропал).

К этому разряду можно отнести и словосочетание «хлопнуть дверью»:

*Однако **вставить и хлопнуть дверью** уже поздно, слишком много услышал, а кое-что сам предложил* (В.Полищук. Возвращение республиканца).

Удивительно, что в состав устойчивого образного выражения вошла такая незаметная деталь интерьера как «плинтус» – планка, закрывающая щель между стеной и полом, придавая значению фразеологизма уничижительное значение:

*Через семь лет этих безнадежных отношений я обнаружила себя в полном душевном тупике, с упавшей **ниже плинтуса** самооценкой и с чувством гулкой пустоты, так, где у людей находится душа* (А Орлова. Я вижу, что ты думаешь и хочешь).

См. также:

*То есть хоть так, хоть этак, настроение падает **ниже плинтуса*** (В.Малыгин. Противостояние).

*А примерно к 1990-му году все бытовые условия опустились вообще **ниже плинтуса*** (И.Якобсон. Я с вами жив!!!).

Заново обозревая набор приведенных нами слов и выражений, в состав которых входят лексемы, называющие конструктивные элементы дома, приходишь к важному выводу: объекты материального мира (крыша, потолок, стена, окно, дверь) попадают в разряд обозначений сферы человеческих отношений, обозначая физическое и духовное состояние

людей, их личностный и общественный статус, черты характера, деятельностные порывы, проявление различных чувств и т.п.

Нельзя обойти стороной и тот факт, что интересующие нас слова и выражения оказались способными наполняться новым содержанием, приобретая политический обертон звучания и оставаясь маркерами той исторической эпохи, по которой сегодня эта эпоха отчетливо угадывается. Так, в период распада СССР отнюдь не традиционно воспринимались слова «стена», «дверь», «этаж» и «квартира».

См. ниже следующие примеры, почерпнутые из Словаря русских политических метафор А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова:

1. *Не только экономика, но и экология понуждают нас всех к объединению, к совместным действиям. Но реализации всех этих действий мешает **стена** национализма и принцип прошлого века: границы государства должны совпадать с границами этническими.*

2. *Сегодня, когда приоткрылась **дверь**, мы все ринулись в щель, топча и давя друг друга, еще вчера делившие последним куском хлеба.*

3. *Государственная собственность передается на **этаж** ниже – республикам.*

4. *Россия передала вопросы обороны центру не в силу своей слабости, а понимая, что нельзя растаскивать ядерные вооруженные силы по национальным **квартирам**.*

Ныне эти номинации напоминают реликтовые экспонаты Музея Времени, но на смену им приходят другие, план содержания которых обогащен ранее не известными социально значимыми явлениями. Фактически рождаются совершенно новые понятия. Обратимся лишь к двум таким концептам, связанным с движением феминизма – борьбы женщин за уравнивание их прав с правами мужчин.

Как правило, они представляются в паре «стеклянный потолок» и «липкий пол».

Стеклянным потолком называют невидимую и формально не обозначенную черту, сумму препятствий, которые систематически ограничивают профессиональный рост женщин. Они могут владеть профессиональными навыками на том же уровне, что и мужчины (и даже превосходя в этом плане последних), но нередко останавливаются в карьерном росте и не получают повышения.

Липкий пол – это часто наблюдаемая ситуация, когда женщины дольше по сравнению с мужчинами задерживаются на начальных позициях в служебной иерархии. Как правило, мужчины чаще, чем женщины, делают быстрый скачок в самом начале их служебной деятельности. (<https://mel.fm/gramotnost/chto-eto-znachit/7352816-chto-takoye-lipky-pol-i-steklyanny-potolok-slovar-feminizma>).

В целом весь объем номинаций, обозначающих конструктивные элементы жилого дома, представляется нам в виде трехслойного

формирования. В первый самый большой пласт включаются слова и словосочетания в своем хрестоматийном вокабулярно-зафиксированном формате. Во второй – вербальные единицы, когда-то наполненные новым политизированным содержанием, но ушедшие «в архив» в результате смены исторических обстоятельств, и, наконец, в третий – обозначения реалий, которые «здесь и сейчас» порождаются развитием человеческого сообщества. При этом отметим, что эти новые метафоры должны восприниматься как производные от первоначальных смыслов, которые исконно несут в себе слова «крыша», «потолок», «стена», «окно» и «дверь».

Литература

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М.: «Прогресс», 1995.
2. Berry S. The Romanov Prophecy. – N.Y.: Ballantine Books, 2005.

Ю.Н. Епринцева

Особенности процесса фразеологизации на базе компонента «психологические и социальные характеристики человека» (на материале французских фразеологизмов)

Картина мира – это целостный глобальный образ, который является результатом всей духовной активности человека. Язык человека формирует картину мира, в которой представлен ее этнический компонент, включающий совокупность традиций, обычаев, верований, суеверий, то, что предопределяет этнический стереотип поведения представителей того или иного этноса. Одним из наиболее репрезентативных сегментов картины мира является фразеологическая картина мира.

Объектом исследования данной статьи являются французские фразеологизмы, содержащие социальные и психологические характеристики человека, поскольку именно социальные и психологические признаки репрезентируют ядро национальной картины мира.

Целью данной статьи является анализ фразеологизмов с компонентом, обозначающим социальную или психологическую характеристику человека в динамическом аспекте. Под динамическим аспектом мы, вслед за Полянчук О.Б. и Черниковой А.Э., понимаем не анализ уже «готового» фразеологизма, а изучения самого процесса фразеологизации. (Полянчук 2013, Черникова 2016). В частности, нас интересует композиционная семантика фразеологизма, а именно, важным для нас оказывается определить, какая именно часть фразеологизма является маркированной социальным или психологическим компонентом значения. Мы также

пытаемся выяснить, как влияет такая маркировка на процесс фразеологизации, в частности, на степень его семантической спаянности.

В этой связи мы ставим перед собой следующие задачи:

- классифицировать фразеологизмы по семантическому признаку, дифференцируя фразеологические единства, сращения и фразеологические сочетания.

- рассмотреть типологию концептуализируемых признаков;

- привести в соответствие типологию концептуализируемых признаков и структурных особенностей процесса фразеологизации.

В отечественной и зарубежной лингвистике существует немало работ, посвященных исследованию фразеологизмов, с целью выделения в них основного структурно-семантического компонента (Кунин 1972, Пименова 2002, Шепилова 2001). Существует несколько терминов для определения такого компонента. Это фразеолекса, базовый компонент фразеологизма и формирующая часть, а также презентема. Так, под фразеолексой (термин Н.Н. Кирилловой – Кириллова 2003, с.188) принято понимать лексему в несамостоятельной функции, с утраченными и приобретенным во фразеологизме свойствами (Кириллова 2003, с. 86). Например: *être bien à bon poil* «быть в хорошем настроении». В данном фразеологизме фразеолекса *poil* представляет собой ядро внутренней формы, в котором, как представляется, и заключен национальный компонент, образная составляющая. Под базовым компонентом (БК) фразеологизма вслед за А.Э. Черниковой мы понимаем общее категориальное значение как в плане семантики, так и в плане синтаксиса, иными словами, БК представляет собой общую семантическую категорию, представляющую собой основу фразеологизма (Черникова 2016). Та часть фразеологизма, которая формирует его специфику, называется формирующей частью (ФЧ) (Черникова 2016.). Во фразеологическом единстве *conduire bien sa barque* – «хорошо вести свои дела» БК будет являться глагол *conduire*, а ФЧ здесь представлена словосочетанием *bien sa barque*.

Под презентемой предлагается понимать мельчайшую информационную единицу воздействия, представляющую собой сложный лингвосомиотический (знаковый) комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом концептов и образов окружающего мира и переданный другому субъекту в ходе коммуникации с данным субъектом с целью воздействия на него (Олянич 2007, с. 407).

В данной статье мы придерживаемся терминологии, предложенной А.Э. Черниковой. Это объясняется спецификой задач, поставленных нами в данном исследовании: поскольку нас интересует сам процесс фразеологизации, определяющий композиционную семантику фразеологизма, нам необходимо опираться на термины, с наибольшей степенью достоверности отражающие особенности семантики ее составных частей.

Процесс образования фразеологизмов достаточно сложен. В соответствии с определением А.В. Кунина фразеологизация – это образование фразеологических единиц (далее – ФЕ) и устойчивых сочетаний нефразеологического характера в результате постепенного процесса приобретения теми или иными сочетаниями слов всех элементов фразеологической устойчивости или всех элементов устойчивости нефразеологического характера (Кунин 1999).

С этих позиций в настоящем исследовании нам необходимо изучить семантические потенции базового компонента фразеологических единиц, проанализировать семантические аспекты его сочетаемости с другими составляющими фразеологизма (Полянчук 2016).

Проведенный анализ опирается на положение о том, что фразеологизм является комплексным знаком (Кубрякова 2002, Полянчук 2013, Черникова 2016). Комплексные знаки, как наиболее сложные, выполняют целый ряд функций по отношению к объектам и элементам сознания: номинативную (называет объект), экспрессивную (выражает состояние сознания), сигнификативную (обозначает понятия), моделирующую (создает знаковый аналог ситуации), прагматическую (воздействует на человека), коммуникативную (Кубрякова 2004).

С этих позиций нам необходимо проанализировать серию ФЕ, содержащих компонент, отражающий социальную или психологическую характеристику человека, установив его принадлежность к БК либо ФЧ. Проводя такого рода анализ в динамическом аспекте, мы указываем на тот факт, что процесс фразеологизации является процессом вербализации определенных когнитивных признаков, которые изначально структурируют концепты «социум» и «психологическое состояние» индивидуума. Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что процесс фразеологизации тесным образом связан с особенностями актуализации концептуализируемого признака (далее – КП) средствами фразеологии (Болдырев 2009).

Проведя исследование фразеологических единиц, мы первоначально классифицировали их по семантическому признаку. Вслед за В.В. Виноградовым (Виноградов 1986) мы признаем три типа фразеологизмов по степени спаянности:

1. Фразеологические сращения или идиомы (*les soudures*)
2. Фразеологические единства (*les ensembles phraséologiques*)
3. Фразеологические сочетания (*les combinaisons phraséologiques*).

В настоящей статье мы ограничиваемся описанием фразеологических единств, поскольку уровень семантической спаянности их компонентов в процессе фразеологизации достаточно невысок, что позволяет с разграничить БК и ФЧ.

Ограничиваясь рамками статьи, мы сосредотачиваем наше внимание на компаративных ФЕ. Под компаративной фразеологической единицей в

данной работе понимается компаративная конструкция, возникшая на образной основе, обладающая фразеологическим значением, основанным на семантическом преобразовании компонентов свободно синтаксического прототипа (Амосова 2010; Кабанова 1986; Назарян 1987).

Под социальной характеристикой человека мы понимаем такие признаки, как социальная деятельность, коммуникативная деятельность, способ существования и т.п. Психологические характеристики включают в себя эмоциональное состояние человека, его ценностные ориентации, черты характера.

В ходе анализа мы предприняли попытку рассмотреть процесс фразеологизации указанного типа с разных сторон: определить содержание концептуализируемого признака и, следовательно, его реализацию средствами фразеологии; определить степень идиоматичности фразеологизма; установить соответствие между типом КП и его принадлежностью к тому или иному компоненту структуры фразеологизма (БК или ФЧ).

Рассмотрим процесс фразеологизации, связанный с актуализацией КП разного типа, характерный для фразеологических единств, обозначающих психологическую характеристику человека. Нами выявлены следующие КП:

- 1) признак «предмет»;
- 2) социальный / религиозный признак;
- 3) зооморфный / флороморфный признак;
- 4) признак «природа».

Приведем примеры каждого из указанных типов.

Фразеологическое единство *poli comme une porte de prison* «груб. очень невежливый, грубый» (дословно, как дверь тюрьмы). Сравнение связано с тюремной дверью, которая, как правило, железная, непробиваемая. Кроме компаративного аспекта в данном фразеологизме также присутствует элемент иронии. Фразеологизм *dur comme une pierre* «холодный, бесчувственный» актуализирует признак «предмет» за счет сравнения с камнем, который по своим свойствам всегда холодный и твердый. Фразеологизм *être froid comme une carafe d'orgeat* «быть очень холодным, равнодушным». В данном фразеологизме сравнение связано с признаком «предмет», отражающим температуру напитка в графине (всегда остается холодным).

Все выявленные фразеологизмы такого типа демонстрируют частичную идиоматичность: БК представляет собой неметафорическое значение, соответствующее КП из ядра концепта «психическая характеристика человека»: холодный, вежливый (в ироническом значении – невежливый). Метафоричность и частичная идиоматичность фразеологического единства создается за счет ФЧ, которая представляет собой результат процесса фразеологизации на базе признака концепта, изначально не имеющего

прямого отношения к понятию «психологическая характеристика». Следовательно, процесс фразеологизации оказывается в определенной мере «катализатором», эксплицирующим потенциальные признаки концепта.

Аналогичная ситуация реализуется и при формировании фразеологических единств с другими признаками. Например, вербализация признака концепта «животное» (зооморфный признак) наблюдается в ФЧ следующих фразеологизмов: *paresseux comme une couleuvre* «очень ленивый» (букв. ленивый как уж), *bavard comme une pie* «болтливый, как сорока», *jaloux comme un tigre* «очень ревнивый» (ревнивый, как тигр).

Вербализация социального / религиозного признака соответствующего концепта также обнаружена нами при анализе процесса фразеологизации. Например: *être dorloté comme un roi* «быть изнеженным как король»; *heureux comme Dieux en France* «счастливы».

И, наконец, исследование показало, что фразеологизм может формироваться за счет актуализации КП, относящегося к концепту «природа». Например, *ennuyeux comme la pluie* «скучный как дождь»; *discret comme une ombre* «молчаливый» (как тень). Актуализация КП происходит также за счет ФЧ, как и во всех описанных ранее примерах.

Таким образом, схема фразеологизации данного типа может быть представлена следующим образом:

БК (инвариантный) + компаративный элемент+ ФЧ (идиоматичная)

Перейдем к описанию компаративных ФЕ с компонентом «социальные характеристики человека». В отличие от процесса фразеологизации на основе компонента «психическое состояние человека», в основе формирования таких фразеологических единств лежат БК, вербализующие такие признаки, как «социальная деятельность, коммуникативная деятельность, способ существования» и т.п. Такие признаки расположены в ядре концепта «социальные характеристики человека». Как и в описанном выше случае, такие признаки при их вербализации не создают идиоматичности фразеологизма, представляя его инвариантную часть. Что касается идиоматичности такого рода ФЕ, то она, как и в предыдущем случае, создается за счет ФЧ, образующейся путем вербализации признаков концептов «предмет», «социальная / религиозная сфера», «животные», «природа».

Например, *vivre comme des bêtes* «жить в плохих условиях» (зооморфный признак); *être (или vivre) comme un coq en pâte* «кататься как сыр в масле», дословно, как «петух в тесте», (зооморфный признак); *s'y prendre comme une manche* «работать плохо», дословно, как «рукав»: ассоциация с нежеланием засучить рукава при работе (признак «предмет»).

Фразеологизм *vivre comme un moine* «вести аскетический образ жизни, жить, как монах» основан на метафоризации социально-религиозного

признака; *travailler comme un forçat* «работать много и тяжело, как раб» – социального признака; *sortir blanc comme neige* «сохранить незапятнанную репутацию, выйти из ситуации чистым, как снег» – признак природы.

Говоря о структуре компаративных фразеологизмов, в которых актуализируются психологические характеристики человека, можно отметить следующее: типичной является структура Adj. + conj. + N. (где Adj. – прилагательное, conj. – союз, N. – имя существительное); компаративные фразеологизмы, в которых актуализируются социальные характеристики человека, имеют вид: V+ conj. + N. (где V – глагол, conj. – союз, N. – имя существительное).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Процесс фразеологизации оказывается тем «катализатором», который способствует актуализации определенных, чаще всего периферийных, признаков, которые системным образом эксплицируются в соответствующих структурных элементах ФЕ.

Также исследование показало, что при фразеологизации могут концептуализироваться признаки, не связанные с понятием «социальная и психологическая характеристика человека».

Процесс фразеологизации, приводящий к образованию компаративных фразеологизмов, обозначающих социальные и психологические характеристики человека во французском языке, является системным и отражает целый ряд закономерностей:

1. Компаративные фразеологизмы обладают частичной идиоматичностью, которая развивается за счет ФЧ, а БК остается не идиоматичным, не предполагая образности.

2. Характер концептов, «предоставляющих» признаки для их вербализации средствами фразеологии, связан с композиционной семантикой фразеологизма. В частности, БК представлен признаками, находящимися в ядре концептов «психологическая характеристика человека» и «социальная характеристика человека». Именно этот факт и объясняет отсутствие идиоматичности данного компонента фразеологизма. Что касается ФЧ, то его идиоматичность объясняется тем, что в процессе фразеологизации актуализируются признаки концептов, представляющих другие сферы картины мира, либо периферию концепта «социальная характеристика». В этой ситуации включаются ассоциативные механизмы, обеспечивающие семантический сдвиг.

3. Набор концептуализируемых признаков, релевантных для процесса фразеологизации, приводящего к появлению ФЕ, обозначающих социальную или психологическую характеристику человека, оказывается достаточно регулярным. Он представлен четырьмя признаками, которые также находятся в ядерных зонах соответствующих концептов (предмет, социальный / религиозный признак, зооморфный признак, природа).

4. Методом количественного анализа обнаружено, что наиболее частотным для процесса фразеологизации, в результате которого появляются ФЕ со значением «психологическая характеристика» является признак «предмет» (75%). Для ФЕ со значением «социальная характеристика» наиболее частотным является признак «зооморфный/флороморфный (70 %).

Литература

1. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Выпуск IV/ Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. М. –Тамбов: Ин-т языкознания РАН/ Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009.

2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове: Учебное пособие. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1986.

3. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: моногр. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.

4. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – М., 2002.

5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. акад. наук, ин-т языкознания. – М.: Яз. славянской культ., 2004.

6. Кунин А.В. Современная английская фразеология. – Москва: Высшая школа, 1999.

7. Кунин А.В. Современная английская фразеология. – Москва: Международные отношения, 1972.

8. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – Москва, 2007.

9. Пименова Н.Д. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-орнитонимом в английском и турецком языках: автореф. дис. канд. филол. наук. – Казань, 2002.

10. Поляничук О.Б. Композиционная семантика многозначного производного слова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2013.

11. Черникова А.Э. Концептуализация компонентов как основа процесса фразеологизации // Когнитивные исследования языка. – Вып. 26. – Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина; Тюмень: Издательство рекламно-полиграфический центр «Айвекс», 2016.

12. Шепилова Т.А. Французские фразеологические единицы с компонентом-зоонимом: Семантический, функционально-стилистический и когнитивные аспекты: дис. канд. филол. наук.- Воронеж, 2001.

С.А. Ермаков

Градация доминантного признака в ЛСГ «глаголы эмоционального состояния» в русском языке

Неослабевающий интерес ученых и исследователей к градуальности как к лингвистическому феномену связан, прежде всего, с тем, что она позволяет отражать языковую картину мира в её динамике, постоянном изменении и развитии. Градуальность является одной из

основополагающих онтологических категорий и представляет собой способность человеческого сознания соотносить и сравнивать явления, действия и предметы окружающей действительности. Тем не менее, проблеме градуальной семантики глаголов, передающих эмоциональное состояние человека, не уделялось достаточное внимание.

Данная работа исследует градуальную семантику лексических единиц, входящих в ЛСГ «Глаголы эмоционального состояния» в русском языке.

Цель данной работы заключается в том, чтобы выявить семные конкретизаторы в структуре доминантного семантического признака значения лексических единиц для передачи различных степеней его величины и зафиксировать градуальность семантического признака «интенсивность эмоционального состояния» при помощи шкалы градаций.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач: выявление состава лексико-семантической группировки в русском языке; применение метода обобщения словарных дефиниций; проведение семной интерпретации полученных обобщенных лексикографических описаний; сопоставление и дифференциация лексических единиц по степени величины доминантного признака в структуре их значений; обобщение полученных результатов в форме шкалы градаций.

Отбор языкового материала проводится по опорному доминантному семантическому признаку ЛСГ – «интенсивность эмоционального состояния». Если слова многозначные, то берутся значения (семемы), соответствующие критерию отбора.

В качестве языкового материала в данной работе отобраны 63 лексических единиц (76 значений) русского языка в результате сплошной выборки из заслуживающих доверия лексикографических источников, справочных изданий и онлайн словарей.

Представляется целесообразным проводить описание лексического значения глаголов эмоционального состояния через «ту часть значения, которая «работает» (Кретов 1993, с. 151), а именно через описания самих этих состояний.

Для получения более полного толкования лексических единиц по количеству значений и их семантическому наполнению в работе был использован метод обобщения словарных дефиниций, основанный «на принципе дополнительности словарных дефиниций разных словарей» (Стернин 2013, с.10).

Например, лексическая единица РАДОСТЬ представлена в словарях следующим образом:

- ж. 1. Чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения. 2. То, что (тот, кто) доставляет удовольствие, дает счастье (Большой толковый словарь русского языка 1998, с. 1058);

- положительная эмоция, возникающая у человека по поводу того, что ему приятно, желательно, что способствует полному удовлетворению актуальных для него потребностей (Немов 2007, с. 352);.

- чувство удовлетворения, возникающее вследствие обладания реальным или воображаемым благом. Радость отличается от простого удовольствия, мгновенного и всецело чувственного (удовольствие от еды); для радости характерна большая полнота, и возникает она обычно в результате личного труда: радость творчества. Однако она отличается от счастья, постоянством и продолжительностью которого она не обладает (Философский словарь: URL);

- наслаждение, внутреннее чувство удовольствия вследствие желанного случая. Возможное проявление – смех, покраснение лица, прыгание, сжатие поднятых вверх рук, жест «на большой палец», громкость голоса (Летягова, с. 287).

При обобщении словарных толкований можно сформулировать следующую дефиницию: РАДОСТЬ – «умеренное позитивное эмоциональное состояние, сопровождаемое ощущением душевного удовлетворения актуальных потребностей, чувством приподнятости и смехом». Соответственно РАДОВАТЬСЯ – это пребывать, находиться, быть в состоянии РАДОСТИ.

Аналогичным образом были проведены обобщения словарных толкований лексических единиц обозначающих негативные душевные переживания, а именно: ВЕСЕЛЬЕ, ЛИКОВАНИЕ, ПЕЧАЛЬ, ТОСКА, УНЫНИЕ, ХАНДРА и др.

Семная интерпретация полученных обобщенных лексикографических описаний лексических единиц проводилась с применением аспектно-структурного подхода с трафаретной моделью семного описания значения слова, который заключается: «в последовательном вычленении и описании денотативных, коннотативных и функциональных аспектов семантики каждой семы; в унификации метаязыкового описания сем; в обязательности приложения полной структурно-функциональной типологии сем того или иного семантического класса (трафаретной модели) к описанию каждого значения ...; в перечислении сем в рамках каждого семантического аспекта в определенном фиксированном порядке» (Маклакова 2013, с.137), например (здесь и далее: Д – денотативный макрокомпонент, К. – коннотативный макрокомпонент, Ф. – функциональный макрокомпонент):

РАДОВАТЬСЯ:

Д: быть в умеренном позитивном эмоциональном состоянии, несовершенный вид / сопровождается ощущением душевного удовлетворения актуальных потребностей, чувством приподнятости и смехом;

К: неоценочное, неэмоциональное;

Ф: межстилевое, общепотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

При описании семной структуры лексических единиц было выявлено, что их семантическая общность определяется наличием семантического ядра (выделено жирным шрифтом), в котором различимы интегральные микрокомпоненты значения, а именно: архисема, видоразличительная сема, доминирующая опорная сема ЛСГ с различными семными конкретизаторами (выделены жирным курсивом), например:

ГОРЕВАТЬ:

Д: **быть в глубоком негативном эмоциональном состоянии, несовершенный вид** / имеет ряд стадий; сопровождается явно выраженными внешними проявлениями (шок, рыдания и др.);

К: неоценочное, неэмоциональное;

Ф: межстилевое, общепотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

РАЗВЛЕКАТЬСЯ:

Д: **быть в легком позитивном эмоциональном состоянии, несовершенный вид** / осуществлять деятельность, доставляющую удовольствие и направленную на переключение внимания;

К: неоценочное, неэмоциональное;

Ф: межстилевое, общепотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

ТОСКОВАТЬ:

Д: **быть в умеренном негативном эмоциональном состоянии, несовершенный вид** / сопровождается несбыточными мечтаниями, думами о былом, безрадостным отношением к жизни;

К: неоценочное, неэмоциональное;

Ф: разговорное, общепотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

Очевидно, что семные конкретизаторы (*глубокое негативное, умеренное негативное, легкое позитивное* и др.) отличают «данную сему от другой, с тем же семантическим признаком» (Стернин 2006, с. 44) и уточняют степень проявления одного и того же базового содержания в семантике исследуемых слов, а именно – градуального семантического признака ЛСГ «интенсивность эмоционального состояния».

В нашем случае было выявлено несколько семных конкретизаторов, которые характеризуют градацию доминантного семантического признака, например:

- *Глубокое позитивное* эмоциональное состояние (самая высокая степень доминантного семантического признака);

- *Умеренное позитивное* эмоциональное состояние;

- *Легкое позитивное* эмоциональное состояние;

- *Легкое негативное* эмоциональное состояние;

- *Умеренное негативное* эмоциональное состояние;

- *Глубокое негативное* эмоциональное состояние (самая низкая степень доминантного семантического признака).

Если принять во внимание, что каждый семный конкретизатор доминантного семантического признака передает определенную степень проявления этого признака как индикатор градуальности, то динамика проявления интенсивности доминантного семантического признака («интенсивность эмоционального состояния») может быть представлена следующей шкалой градаций:

+3 – *Глубокое позитивное* (самая высокая степень доминантного семантического признака);

+2 – *Умеренное позитивное*;
+1 – *Легкое позитивное*;
0 – *Точка Норма*;
– 1 – *Легкое негативное*;
– 2 – *Умеренное негативное*;
– 3 – *Глубокое негативное* (самая низкая степень доминантного семантического признака).

Выявленные в структуре исследуемых лексических единиц семные конкретизаторы позволяют не только описать процесс градации доминантного семантического признака, но и дифференцировать члены ЛСГ по микрогруппам, например:

- «*Глубокое позитивное* эмоциональное состояние»: ВОЗВЕСЕЛЯТЬСЯ, ЛИКОВАТЬ, ТОРЖЕСТВОВАТЬ;

- «*Умеренное позитивное* эмоциональное состояние»: ВЕСЕЛИТЬСЯ, РАДОВАТЬСЯ;

- «*Легкое позитивное* эмоциональное состояние»: ВЕСЕЛЕТЬ, ЗАБАВЛЯТЬСЯ, ПОТЕШАТЬСЯ, РАЗВЛЕКАТЬСЯ, ТЕШИТЬСЯ, УВЕСЕЛЯТЬСЯ;

- «*Легкое негативное* эмоциональное состояние»: ВЗДЫХАТЬ, ВЗГРУСТНУТЬ, ГРУСТИТЬ, ГРУСТНЕТЬ, ЗАСКУЧАТЬ, ЗАГРУСТИТЬ, КИСНУТЬ, КУКСИТЬСЯ, МРАЧНЕТЬ, ОГОРЧАТЬСЯ, ОГОРЧИТЬСЯ, ОМРАЧАТЬСЯ, ОМРАЧИТЬСЯ, ПОГРУСТНЕТЬ, ПРИГОРЮНИТЬСЯ семема-2, ПРИУНЫТЬ семема-2, ПОНИКНУТЬ, РАЗГРУСТИТЬСЯ, РАССТРОИТЬСЯ, СКУЧАТЬ, СМУРЕТЬ, СНИКНУТЬ, УГРЮМИТЬСЯ, УНЫВАТЬ семема-2, ХМУРИТЬСЯ.

- «*Умеренное негативное* эмоциональное состояние»: ГОРЮНИТЬСЯ семема-2, ГРУСТНЕТЬ, ЖУРИТЬСЯ семема-2, ЗАГРУСТИТЬ, ЗАГОРЮНИТЬСЯ семема-2, ЗАЖУРИТЬСЯ семема-2, ЗАКРУЧИНИТЬСЯ семема-2, ЗАПЕЧАЛИТЬСЯ, ЗАТОСКОВАТЬ, ЗАТУЖИТЬ, КРУЧИНИТЬСЯ семема-2, КРУШИТЬСЯ семема-2, ОПЕЧАЛИТЬСЯ, ПЕЧАЛИТЬСЯ, ПРИГОРЮНИТЬСЯ семема-1, ПРИУНЫТЬ семема-1, РАСКРУЧИНИТЬСЯ семема-2, РАСТОСКОВАТЬСЯ, РАСТУЖИТЬСЯ семема-2, ТОСКОВАТЬ, ТУЖИТЬ семема-2, УНЫВАТЬ семема-1;

- «*Глубокое негативное* эмоциональное состояние»: ГОРЕВАТЬ, ГОРЮНИТЬСЯ семема-1, ЖУРИТЬСЯ семема-1, ЗАГОРЕВАТЬ, ЗАГОРЮНИТЬСЯ семема-1, ЗАЖУРИТЬСЯ семема-1, ЗАКРУЧИНИТЬСЯ семема-1, КРУЧИНИТЬСЯ семема-1, КРУШИТЬСЯ семема-1, РАЗГОРЕВАТЬСЯ, РАСКРУЧИНИТЬСЯ семема-1, РАСТУЖИТЬСЯ семема-1, СКОРБЕТЬ, СКОРБИТЬ, СОКРУШАТЬСЯ, ТУЖИТЬ семема-1, УБИВАТЬСЯ, УДРУЧАТЬСЯ.

Как показывают результаты исследования:

- сопоставление лексических единиц по семным конкретизаторам доминантного семантического признака позволяет проследить изменение степени величины данного признака как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения его величины, что является наглядным примером градации – «постепенного и последовательного процесса перехода от одной степени проявления признака к другой с усилением или ослаблением проявления данного градуального признака» (Ермаков 2022, с. 29);

- количество лексических единиц, передающих положительные степени проявления доминантного семантического признака, заметно меньше, чем количество лексических единиц, передающих негативные степени проявления доминантного семантического признака;

- лексические единицы, передающие нейтральную степень проявления доминантного семантического признака в исследуемой ЛСГ не выявлены.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка : А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998.

2. Ермаков С. А. Градуальные оппозиции в ЛСГ «Наименования лиц по уровню профессионального мастерства» (на материале русского, английского и французского языков): дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2022.

3. Кретов А. А. Комплексная методика компонентного анализа ЛСВ // Матеріали міжнародної наукової конференції «Семантика мови і тексту» 13-15 жовтня 1993 року. Частина 1. – Івано-Франківськ, 1993.

4. Летагова Т. В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь. – М.: ФЛИНТА, 2021.

5. Маклакова Е. А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков) : дисс. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2013.

6. Немов Р. С. Психологический словарь. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007.

7. Стернин И. А. Методы исследования семантики слова. – Ярославль: «Истоки», 2013.

8. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М. «Восток-Запад», 2006.

9. Философский словарь [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://philosophy_dictionary.academic.ru/741/ПАДОСТЬ (дата обращения: 07.12.2022).

А.А. Зайцева

Прецедентные феномены в произведениях Сью Таунсенд: типология и функции

На протяжении последних десятилетий явление прецедентности в художественном тексте находится под вниманием современных лингвистов. Благодаря возросшему интересу к прецедентности и

прецедентным феноменам появилось большое количество исследований, изучающих их функционирование и употребление. Мы в нашем исследовании исходим из понимания прецедентных феноменов, вслед за В.В. Красных как «феноменов, хорошо известных всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; актуальных в когнитивном плане; обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» (Красных 1998, с.10). Прецедентные феномены могут использоваться в текстах как стилистический приём с целью создания подтекста, скрытого смысла. Их включение в текст художественного произведения делает его более насыщенным, позволяет автору раскрывать дополнительные смысловые оттенки.

Цель нашего исследования заключается в создании классификации различных типов прецедентных феноменов, используемых в произведениях Сью Таунсенд и определении их основных характеристик и функций.

Британская писательница Сюзан Лилиан Таунсенд (2 апреля 1946 года – 10 апреля 2014 года) – талантливый драматург и прозаик XX века. Своими работами она заслужила уважение критиков и любовь читателей и еще при жизни была объявлена классиком английской литературы. Сью Таунсенд является автором всемирно известного цикла романов про Адриана Моула, который можно без преувеличения считать главным трудом ее жизни. Произведения автора занимают особое место в мировой и британской художественной литературе. Комическое восприятие действительности и юмор можно назвать отличительной чертой всех произведений автора и одной из главных причин их успеха.

Материалом исследования послужили следующие произведения Сью Таунсенд: «Adrian Mole: The Cappuccino Years», «The Woman Who Went to Bed For a Year», «The Secret Diary of Adrian Mole», «The Queen and I», «Adrian Mole and the Weapons of Mass Destruction», «Adrian Mole: The Prostrate Years», «Adrian Mole: The Wilderness Years», «Ghost Children», «Number Ten», «Rebuilding Coventry», «Queen Camilla», «The Growing Pains of Adrian Mole», «The True Confessions of Adrian Albert Mole» общим объемом 4365 страниц. Анализ эмпирического материала производился с помощью методов наблюдения, классификации и категоризации, а также описательного метода. В ходе работы для формирования эмпирического корпуса исследования использовался приём сплошной выборки контекстов, содержащих прецедентные феномены (далее - ПФ) из анализируемых произведений.

Мы в нашем исследовании под ПФ понимаем историческое, культурное или общественное явление, личность или текст, которые широко известны для отдельно взятого лингвокультурного сообщества и к которым регулярно возобновляется обращение в дискурсе.

Сферой-источником ПФ может являться любая сфера общественной жизни лингвокультурного сообщества: политика, экономика, искусство, литература. ПФ выражаются в тексте с помощью различных стилистических приемов, таких как аллюзия, цитата и т.д. *Аллюзия* представляет собой заимствование некоего элемента из другого текста, служащее отсылкой к тексту-источнику, функционирующее и как стилистический элемент, и как одна из форм проявления прецедентности. *Прямая цитация* — «дословное воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своем дискурсе в том виде, в котором этот текст (отрывок текста) сохранился в памяти цитируемого. С помощью прямой цитации в текст чаще всего вводят прецедентные высказывания» (Слышкин 2000, с. 37).

В результате анализа эмпирического материала исследования (14 произведений) нами были выявлены основные сферы-источники ПФ:

1) *Литература* 2) *Кинематограф* 3) *Музыка* 4) *Политика* 5) *Мифология* 6) *Поп-культура* 7) *История*

Ниже представлен количественный подсчет употребления ПФ в романах Сью Таунсенд исходя из их отнесенности к сфере-источнику.

<i>Сфера-источник ПФ</i>	<i>Частота употребления</i>
<i>Литература</i>	<i>24%</i>
<i>Кинематограф</i>	<i>13%</i>
<i>Музыка</i>	<i>10%</i>
<i>Политика</i>	<i>11%</i>
<i>Мифология</i>	<i>16%</i>
<i>Поп-культура</i>	<i>14%</i>
<i>История</i>	<i>12%</i>
<i>Всего</i>	<i>100 %</i>

Полученные результаты классификации выявленных ПФ позволяют заключить, что Сью Таунсенд в своих произведениях чаще всего обращается к сферам литературы (24%), мифологии (16%) и популярной культуры (14%). Чуть менее частотными являются отсылки к реалиям и явлениям из области политики (13%) и кинематографа (11%).

В ходе исследования также были выявлены основные способы реализации ПФ в тексте: аллюзия и цитирование. Ниже представлен количественный подсчет аллюзий и цитат, используемых Сью Таунсенд в анализируемых произведениях:

<i>Способ реализации ПФ</i>	<i>Частота употребления</i>
<i>Аллюзия</i>	89%
<i>Цитата</i>	11%
<i>Всего</i>	100 %

На основе результатов анализа можно сделать вывод о предпочтении Сью Таунсенд использования аллюзий для выражения ПФ. Прямое цитирование используется писательницей значительно в меньшем количестве.

Среди функций ПФ в тексте мы выделяем функцию иронии и создания комического подтекста, экспрессивную, а также оценочно-характеризующую.

Рассмотрим экспрессивную функцию ПФ на примерах:

1) «*She turned to look at him, and saw that his dreadlocks were gone. 'Why have you done that?'*

He said, 'I didn't.'

In the early hours, he allowed Eva to level his remaining locks. When she was finished, he said, 'Now I know how Samson felt. I'm not the same man, Eva. I didn't manage to do that, people I didn't even know humiliated me. My dreads were me. I could face anything with them'» (Townsend S. The Woman Who Went to Bed for a Year).

В разговоре с Евой Александр жалуется на то, что неизвестные люди отрезали его волосы, которыми он гордился и считал своей отличительной чертой. Использование прецедентного имени Самсон отсылает к библейскому повествованию о подвигах Самсона в борьбе с филистимлянами. Герой вырос среди народа израильского колена Дана, страдавшего от порабощения и постоянных унижений. Он носил длинные волосы в семи косах, которые являлись источником его необычайной силы. Влюбившись в филистимлянку Далилу Самсон раскрыл ей секрет своей непобедимости. Далила усыпила Самсона и призвала филистимлян остричь его волосы, вследствие чего он ослабел и был брошен в темницу. Таким образом, читателю сразу становится понятно эмоциональное состояние героя – он унижен, раздавлен и чувствует себя лишенным того, что придавало ему силы.

2) «*Unfortunately, I am still living at home with my parents (and my five-year-old sister Rosie). This ménage à quatre co-exists in a sullen atmosphere. Half the time I feel like somebody in a Chekhov play. We've even got a cherry tree in the front garden»* (Townsend S. The True Confessions of Adrian Albert Mole).

Сью Таунсенд любит обращаться к аллюзиям на русских классиков. Пьеса А. П. Чехова «Вишневый сад» является одной из известнейших работ писателя и, несомненно, богатым источником прецедентности.

Аллюзия в данном примере отсылает на прецедентный текст и прецедентную ситуацию из сюжета пьесы. Одна из главных проблем произведения – конфликт поколений. Так, Адриан, описывая жизнь со своей семьей, сравнивает себя с героем «Вишневого сада», за счет чего читатель понимает эмоциональное состояние героя. Он даже упоминает вишневое дерево в саду, практически цитируя названия пьесы.

Обратимся к примерам для рассмотрения оценочно-характеризующей функции ПФ.

1) «*There is a new girl in our class. She sits next to me in Geography. She is all right. Her name is **Pandora**, but she likes being called '**Box**'. Don't ask me why. I might fall in love with her*» (Townsend S. *The Secret Diary of Adrian Mole Aged 13 ¾*).

В примере функционирует прецедентный феномен из греческой мифологии, отсылающий читателя к мифу о Пандоре – первой женщине, созданной по велению Зевса. Все боги принесли ей дары – от Афродиты она получила красоту, от Гермеса – ум, от Афины – сияющие одежды. Так и переводится её имя – «всем одарённая». Сюю Таунсенд неслучайно называет так свою героиню, ведь по сюжету книги Пандора родилась в богатой семье, обладает выдающейся внешностью и незаурядным умом. При этом сама героиня осознает символизм своего имени. Таким образом, одна из функций прецедентного имени – оценочно-характеризующая. ПФ также прогнозирует сюжет произведения, так как отсылает читателя к раскрытию сюжета мифа о Пандоре – она открыла сосуд, подаренный ей Зевсом (Ящик Пандоры), и многочисленные несчастья и бедствия обрушились на людей. Также и в книге – Пандора принесла много душевных страданий главному герою, который влюблен в нее.

2) «*Luckily, the house had been lived in by a modern-day **Ebenezer Scrooge** who had resisted the 1960s hysteria to modernize. It was intact, with spacious rooms, high ceilings, mouldings, fireplaces and solid oak doors and floors*» (Townsend S. *The Woman Who Went to Bed For a Year*).

В данном примере для описания внутреннего убранства дома, Сюю Таунсенд обращается к прецедентному имени Эбенезер Скрудж. Скрудж – жадный и богатый старик, персонаж повести Чарльза Диккенса «Рождественская история». С помощью характеризующей функции аллюзии читатель понимает, что человек, который жил в доме до этого, был обеспеченным, но в то же время скупым, не захотевшим потратиться на обновление интерьера.

Для рассмотрения функции иронии ПФ в романах также обратимся к примерам.

1) «*'You're such a hypocrite!' yelled Brianne. 'You swear! And you're trying to spoil my relationship with Alex!'*

‘There’s nothing to spoil. You’re not Juliet. This is not a Montague and Capulet situation. Does Alex even know you love him?’» (Townsend S. The Woman Who Went to Bed for a Year).

Для описания ситуации, возникшей между героями, используется отсылка на прецедентную ситуацию из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», рассказывающей о любви девушки и юноши из враждующих между собой родов – Монтекки и Капулетти. Когда героиня обвинила свою мать в том, что та пытается испортить её отношения с молодым человеком, Ева с помощью аллюзии на прецедентный текст высказала свою иронию.

2) *«Perhaps I should put the vowels back in. The world of literature is obviously not ready for another James Joyce»* (Townsend S. The Secret Diary of Adrian Mole).

В данном примере функционирует аллюзия на Джеймса Джойса – ирландского писателя, представителя модернизма и автора всемирно известного произведения «Улисс». Отличительной чертой стиля Джойса является написание романов с помощью метода «потока сознания», набора впечатлений и мыслей. По сюжету Адриан пытается написать свою первую книгу, убрав из слов все гласные буквы. Поэтому он сравнивает себя с Джойсом, а свой авторский стиль – с экспериментальным и модернистским направлением, в котором работал писатель. С помощью аллюзии Таунсенд выражает свою иронию.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были выявлены ПФ из сфер литературы, мифологии, истории, политики и т.д. Для личного мировоззрения и индивидуального стиля Таунсенд наиболее важной является сфера литературы (24%), а также мифологии (16%), популярной культуры (14%) и истории (12%). Также нами были выявлены ПФ из сфер музыки, кинематографа, популярной культуры, отсылающие читателя к реалиям британской и мировой действительности. В произведениях писательницы ПФ выражаются преимущественно в аллюзиях и цитатах, причем Таунсенд отдает предпочтение аллюзиям. Основными функциями ПФ в произведениях Сью Таунсенд являются: 1) экспрессивная функция, выражающая эмоциональное состояние говорящего и его субъективное отношение к явлениям действительности; 2) оценочно-характеризующая функция, выражающая оценку персонажа по признаку внешности, чертам характера, поведению и т.д.; 3) функция создания комического подтекста и иронии.

Литература

1. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003.
2. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Akademia, 2000.

А.В. Кирилова, М.Я. Розенфельд

**Русская традиционная культура и современность в
рекламных текстах музея «Бирюльки» в
лингвостилистическом аспекте**

Музейное дело, являясь важнейшей составляющей российской культуры, после некоторой стагнации девяностых годов сегодня вновь активно развивается. Одним из востребованных способов продвижения организаций культуры является интернет-реклама. Возрастающая популярность рекламы в музейном деле порождает интерес к изучению рекламных текстов новых форматов – размещённых на сайтах организаций и в их социальных сетях. Такие тексты способствуют созданию определённого образа рекламируемого объекта, привлечению внимания целевой аудитории и побуждению её к действию.

В настоящем исследовании предпринимается попытка изучения в лингвостилистическом аспекте рекламных текстов русского музея «Бирюльки». Музей создан сравнительно недавно – в 2014 году, находится в посёлке Рамонь Воронежской области. Основная концепция «Бирюлек» состоит в том, чтобы сделать старинные русские игры востребованными сегодня, повысить интерес к традиционной русской культуре.

Реализация данной концепции осуществляется уже в названии музея. Лексема *бирюльки* знакома носителям русского языка, поскольку прежде всего встречается в составе фразеологизма *играть в бирюльки*, т.е. «бездельничать, заниматься бессмысленными вещами, пустяками, отвлекаться от важных дел» (Ларионова 2014, с. 186). Слово имеет восточнославянские корни и восходит к глаголу *бирать* – брать, выбирать. Бирюльки – традиционная русская настольная игра, «смысл которой заключается в том, чтобы с помощью крючка вытаскивать отдельные предметы (маленькие фигурки) из множества хаотично расположенных фигур» (Ефремова 2000, с. 191). Сегодня игра в бирюльки возрождена и становится всё более популярной: комплекты бирюлек можно купить в магазинах. Получается, что помимо коннотативной, фразеологически связанной семемы, слово вновь обретает семему денотативную. Лексема *бирюльки*, с одной стороны, ассоциируется с бытом восточных славян и традиционной культурой, с другой стороны – входит в лексикон носителей современного русского языка.

Интересен и подзаголовок, сопровождающий номинацию: «Двор полезных забав». В этом подзаголовке соседствуют сразу два архаизма – *двор* и *забавы*. Их употребление также отсылает посетителей музея к прошлому, традиционной культуре.

Нами были проанализированы 48 рекламных сообщений, опубликованных на официальном сайте музея и в его социальных сетях в

период с 2019 по 2022 гг. Отметим, что архаизмы и историзмы часто встречаются в рекламных текстах музея. Устаревшая лексика присутствует в текстах, имеющих разное целевое назначение. Это сообщения, описывающие мероприятия: «Вы можете *отведать* травяной чай»; «Три девицы у станка *вопрошают* мужика»; «В ту же сумму входит освоение ремесла с наглядным обзорением *матерьяла, инструмента, процесса*». Это и названия музейных территорий: «Старинное русское *подворье*». И даже информационные объявления на сайте: «Позвонить по тел. 8(905)655-55-16 и явиться в *означенный час*».

Отдельный интерес представляют историзмы – наименования профессий, частично утраченных и реконструируемых в музеях с целью привлечения внимания туристов: «Из *токарей* в *ложжари*, из *ложжарей* в *печари*. Снег растает, в *печники* пойдем».

Наименования продуктов, предметов быта, игр и реалий прошлого формируют у читателя положительный образ музея: *оладушки, окрошка, самострел, велосипед, резиночки, фильмоскоп, журнал "Огонёк", леденцы, казаки-разбойники, самовар, лото, домино, "Советский спорт", мочёная антоновка, гармошка, классики, свиные отбивные, дрова, квас, подкидной дурак*. Такая лексика отсылает нас не только к явлениям традиционной русской культуры, но и к советским реалиям, т.е. в рекламных текстах музея концептуализируется прошлое в целом, прошлое как таковое.

Помимо устаревших лексем, в исследуемых текстах встречаются устаревшие фразеологизмы или фразеологизмы, стилизованные под архаичные: «А мы в локдауне (*крой его лантем*), а времени вагон; а что до локдауна, так он ему вообще, *как кошачья мята*, то есть чисто фиолетово». Приведённый контекст иллюстрирует ещё одну важную лингвостилистическую особенность анализируемых текстов: совмещение в них лексик и фразеологий разных временных пластов и сфер употребления. Так, слово *локдаун* является английским заимствованием (lockdown), неологизмом. Фразеосочетание *чисто фиолетово* – жаргонизм современного молодёжного жаргона, а фразеологизмы *крой его лантем* и *как кошачья мята* являются устаревшими. Такое совместное использование различных в темпоральном и стилистическом отношении лексических единиц создаёт эффект контраста, являющегося стилистическим приёмом.

Наличие в рекламных сообщениях неологизмов, а также лексем и фразеологизмов молодёжного жаргона указывает на то, что музей нацелен на молодёжную аудиторию: «Настоящему индейцу, как известно, *завсегда везде ништяк*», «*Поняшкать пушистиков* на подворье»; «Мы специально заменили современные *девайсы* на старинную косу»; «*крутой замес*»; «*крутые азартные бирюльки*»; «нам гостей встречать, а мы у кроликов *залипли*»; «помните, мы обещали рассказать про *деревахи*»?

Нередко в рекламных текстах в качестве средства воздействия используются термины, поскольку аудитория относится с доверием к текстам, содержащим профессиональную терминологию (Бернадская 2008). В исследуемых текстах встречаются, с одной стороны, современные популярные термины из области экономики, психологии, математики, с другой стороны, не распространённые широко наименования ремёсел и станков: «Следующие 2 варианта относятся к *бюджетному сегменту* из-за материалов и способа изготовления бирюлек»; «Развивает *мелкую моторику*, реакцию, аккуратность, *чувство равновесия*»; «Ведущие – профессионалы в области *возрастной психологии и педагогики*»; «Поработаете на *лучковом станке*»; «тульский *латунный жаровый самовар*».

Акцентирование читательского внимания на старине проявляется в использовании различных стилистических приёмов и экспрессивных средств при описании и номинации предметов и явлений традиционной культуры. Так, звукопись встречается в названиях игр: «*Бирюлькины люльки*», «*Кошки-мышки*», «*Куча-мала*», «*Блошки в плошке*». Эпитеты формируют тактильные образы, образы аромата, цвета, вкуса, звука, отражая атмосферу спокойствия, устоявшегося патриархального быта: «самая *тёплая и душевная* из наших игр»; «полчаса *тихого спокойного* счастья папе обеспечено»; «и угостим чаем из самовара *со свежим душистым чабрецом*»; «*пушистое* подворье для тех, кто любит зверушек»; «все, кто у нас уже был, помнят этот *волшебный* аромат *соснового* костра и *свежей* стружки»; «наслаждаемся *тихой и уютной* атмосферой старого деревянного дома»; «познакомимся со *старинными, простыми и гениальными* механизмами и ремёслами»; «аромат *свежего* хлеба из печи»; «поиграем в *старинную и любимую с детства* игру "Пекарь"; «*вкусная и ароматная* программа». При этом рядом с перечисленными эпитетами могут встречаться лексемы-заимствования, жаргонизмы и авторские неологизмы, которые используются тоже как эпитеты: «Прибавим ко всему ароматы *свежих сосновых* стружек. Более *аутентичные*, на наш взгляд, более *брутальные*. Ну, то есть, более *бирюльные*. Отведаете *ароматного* чая из *историчной* традиционной рамонской керамической посуды». Об эффекте стилистического контраста речь уже шла выше. В данном случае контраст реализуется не только на уровне лексем, но и тропов.

Сходные с эпитетами лексико-стилистические свойства имеют метафора, метонимия и каламбур: «*кладёзь здоровья* и *амбар удовольствия*»; «именно поэтому наши *игры пахнут костром* и *Новым годом*»; «*пить чай с самоваром*»; «будем *пить чай с дымком и морозцем* в саду»; «*репетируем лето* в "Бирюльках»; «у нас в "Бирюльках" хорошо тем, кто понимает, что детям нужны не *дорогие* игрушки, а куда более

дорогое участие»; «Теперь у нашего блестящего чайника есть не менее блестящий товарищ»; «душевно и душисто».

Образ старины формируют и используемые в текстах сравнения: «Есть место, где уютно и вкусно, *как у бабушки*, весело, как в цирке, интересно, как в кино»; «И избу, *как у бабушки*, и станок, *как у дедушки*, и старинные игры».

В одном тексте могут встречаться не только контрастирующие стилистически и семантически лексемы и тропы, но и синтаксические средства выразительности. Так, в рекламных сообщениях музея одновременно используются относительно архаичные фигуры речи, такие как полисиндетон и анафора, и конструкции современного экспрессивного синтаксиса, например, парцелляции. «*Только в "Трёх сундуках" ещё и блины-игруны, и Пасхальная горка, и гигантские бирюльки*»; «*И вам, и вашим близким, и "Бирюлькам"*»; «*Вот, где азарт! Вот, где победа!*» – с одной стороны, и «*Мы не знали. Пока дети не придумали. Расскажем, что да как. Под чаёк*» – с другой.

Проведённое исследование показало, что образ, создаваемый рекламными текстами рамонского музея «Бирюльки», содержит информацию о традиционной культуре. Идеологическим наполнением рекламной кампании «Бирюлек» является стремление сохранить обычаи прошлого в настоящем. Этот концептуальный аспект рекламы обуславливает появление в ней устаревшей лексики, выполняющей как номинативную функцию – для обозначения реалий старины, так и экспрессивную функцию – в составе тропов и фигур.

Наряду с архаизмами и историзмами в проанализированных текстах активно встречаются неологизмы, жаргонизмы, заимствования. Такое совместное употребление языковых средств различных стилистических пластов и семантических групп усиливает речевое воздействие рекламных текстов, а также указывает на то, что они ориентированы прежде всего на молодёжную аудиторию.

Литература

1. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе: учебное пособие для студентов вузов. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва: Русский язык, 2000. – в 2 т.
3. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка – Москва: «Аделант», 2014.

**Отражение языковой картины мира в диалектных
наименованиях растений
(на материале воронежских говоров)**

Растительный мир неразрывно связан с жизнью и деятельностью человека. «Он вплетён в хозяйственную и трудовую деятельность – земледелие и скотоводство (злаки, огородные и полевые культуры, сенокосы), лесные и речные, озерные промыслы (древесина, орехи и ягоды, водные растения <...> Мир растений пересекается с народной магией и демонологией» (Калиткина 2007, с.130).

Язык в целом, в особенности лексика, представляет собой основную форму объективации языкового сознания многих поколений людей, включает в себе известный жизненный опыт, постепенное накопление знаний, изучение того, что имеется на земле и что на ней происходит: «Любой национальный язык – это не только определённая система обозначений, но и результат своеобразного отражения всей деятельности людей, говорящих на данном национальном языке» (Будагов 1978, с. 49).

Итоги познавательной деятельности человека содержатся в слове, «слове мотивированном, заключающем в себе номинационный признак, который отражает всё разнообразие характеристик разнотравья – лугового и лесного, болотного и озёрного, цветочных растений – диких и домашних, деревьев и кустарников» (Блинова 2008, с. 15). Связь между реалией и звуковым комплексом устанавливается самим человеком на основе определённых закономерностей, слово отражает понимание народом её места в мировоззрении и системе ценностей.

В данной работе проанализированы некоторые наименования растений, зафиксированные на территории Воронежской области. Источником материала послужили Словарь воронежских говоров (Словарь воронежских ... 2004-2019) и Картотека Словаря воронежских говоров (Картотека...). Собранный лексика представляет собой тематическую группу, на основе которой можно создать классификацию по признакам номинации. В основе наименований могут находиться следующие мотивировочные признаки.

1. Цвет растения или отдельных его частей

Голубоце'тник – 'название василька'. Василёк – растение с голубым цветком, следовательно, в основе наименования – цвет растения. *Белая 'земляника'*: слово *белый* встречается в древнерусских памятниках уже с XI в. Древнерусское *бѣлый* восходит к общеславянскому *belъ* и далее – к индоевропейскому корню *bhe*, что значит *сиять, блестеть* (Шанский 1961). Следовательно, народное название земляники – небольшого травянистого растения с многочисленными зелёными листочками и

мелкими красными ягодами – дано, возможно, по будто бы сияющим красным ягодкам среди зелёных зарослей. *Броньца* – 'растение *ScabiosaSuccisaL.*, сем. ворсянковых; сивец луговой'. Представляет собой прямой стебель и цветки серо-розового цвета, объединенные в шаровидные головки, т.е. номинация по цвету соцветий, т.к. *бронеть* – отливать желтоватым, серым, красным цветом (Фасмер 1986, с. 217). *Бурак* 'свёкла', *буркунец* – 'люцерна'. Предположительно, производное от *бурый* – рыже-красный, красно-коричневый, сероватый. Следовательно, номинация по цвету плода и цветка.

2. Внешний вид растения

Бадеp – 'высокая сорная трава, обычно лебеда, чернобыль, полынь, лопух, сухие стебли которых идут на топку, а молодые, зелёные – на корм скоту', 'крупная сорная трава, обычно растущая по лугам и тучным землям', 'вьющееся сорное растение с широкими листьями'; *бадера* 'сухая сорная трава'; *бадерок* – 'уменьш.-ласк. высокая сорная трава, обычно лебеда, чернобыль, полынь, лопух, сухие стебли которых идут на топку, а молодые, зелёные – на корм скоту'. Восходит к праславянской основе **bosti*, болг. *boda* 'колоть', сербохорв. *bosti* 'колоть', русск. *бости* 'бодать' (Трубачёв 1974, с. 222). Перечисленные растения в сухом виде колючие, а некоторые – и в свежем состоянии. Вероятно, в основе номинации внешний вид растения. *Батог*, *будулинка* – 'цикорий'. Цикорий – травянистое растение с длинным стеблем, практически без листьев, с голубыми цветками. В основе номинации схожесть растения с палкой (из-за почти полного отсутствия листьев), так как *бат*, *будыль* означает *палка* (Фасмер 1986, с. 134; 231). *Измельтка* – 'сорт картофеля'. Предположительно, картофель данного сорта имеет маленький размер, т.е. *мелкий*. Следовательно, номинация по внешнему признаку – мелкие клубни картофеля.

3. Вкусовые свойства растения

Бесятина 'очень кислое яблоко из породы диких лесных яблок'. По словарю М. Фасмера, слово *бес* является общеславянским, того же корня, что и лат. *Foedus* – *гадкий, отвратительный* (Фасмер 1986, с. 164). Следовательно, вероятно наименование по неприятному кислому вкусу плода. *Горечишник* – 'растение с широкими листьями (какое?)'. *Гарячишник растёт у поли – листья, как у хряну*. Представленный контекст позволяет сделать вывод о схожести анализируемого растения с хреном. Так как корни хрена имеют горький вкус, то, возможно, какие-то части горечишника тоже обладают горьковатым привкусом, что и легло в основу номинации. *Завязный*. ♡*Завязный корень* – 'растение *Anemone ranunculoides L.*, сем. лютиковых; ветреница лютиковая'. У этого растения мощная корневая система, используемая в лекарственных целях, оказывает вяжущее действие, а также имеет вяжущий вкус.

4. Место произрастания

Будя́к — 'название репья'. Основываясь на данных «Толкового словаря живого великорусского языка», можно предположить, что слово *будяк* произошло от *будинка* 'строение', так как растёт у жилья или на селищах и пустырях (Даль 1880, с. 108). *Землянушка* — 'название картофеля'. Так как непосредственно съедобная часть растения находится в земле, вероятно, этот признак лёг в основу номинации.

5. Общие свойства растения

Верхото́пник — 'сорная трава'. Возможно, в основе номинации свойство растения, пригодное для растапливания печи. *Зябрий* 'вид сорного растения'. *Зябрий* — производное от *зябнуть*, одно из значений которого — *раздирать* (Фасмер 1986, с. 111). Вероятно, в основе номинации лежит способность сорняка к повсеместному активному росту. *Волчок* — 'сорная трава', *волчинный язык* — 'бодяк щетинистый'. Предположительно, слово имеет отрицательную коннотацию, так как *волчий* — «звериный, полный злобы», т.е. соотнесение с активным распространением сорняка (Фасмер 1986, с. 338).

В ряде случаев наименования растений появляются в результате метафоризации и метонимизации.

Метонимию находим в номинации *баклуши* — 'осиновые кусты'. *Баклуша* (ср. *бить баклуши*) связывается с народным кустарным промыслом, распространённым в бывшей Нижегородской губернии. Там изготавливали деревянные ложки, чашки и др. Можно предположить, что произошёл метонимический перенос с изделия на материал, из которого создавалось изделие (Мокиенко 1998, 39). *Веник, веничек* — 'растение, употребляемое на веники'. Перенос наименования с предмета на составляющее его растение.

Метафоризация может происходить на основе сходства по разным признакам:

1. По форме

Бобо́вник — 'сорная трава'. В основе номинации — сходство строения листьев растения с формой бобовых культур. *Брысик* — 'мышей, мелкая сорная трава с соцветиями в виде метёлочек'. В основе номинации — сходство метёлочек с бровями, т.к. *брысик* восходит к *бровь* (Трубачёв 1974, с. 63). *Бобышник* — 'мальва'. Плоды мальвы по форме схожи с маленькими лепёшками — *бабышками* (круглый ситный хлеб из кислого теста) (Даль 1880, с. 38). *Зайчу́к* — 'живокость полевая, сокирки, рогатые васильки, грабельки, рогульки, топорики, комаровы носики'. Наименование по сходству формы лепестков растения с заячьими ушками. *Кала́чик* — 'трава', 'однолетнее травянистое растение с круглыми листьями, по форме напоминающее калач', 'белый клевер'. *Кала́чник* — 'низкорослая трава, из цветов которой появляются плоские ягоды круглой формы'. *Кала́шник* — 'сорняк', 'трава с калачиками'. Номинация по схожести частей растения с калачами.

2. По цвету

Иван-да-Марья – 'сорт картофеля с белыми и розовыми пятнами', 'фиалка трёхцветная, анютины глазки'. Номинация по признаку двух резко отличающихся друг от друга окрасок одного цветка. Это название связывают со сказкой о брате и сестре, которые, не зная о своем родстве, поженились и, чтобы не разлучаться, превратились в этот цветок (Фасмер 1986, с. 114). *Брат* ◊Брат-с-сестрою 'травянистое растение с фиолетовыми цветами, возможно, фиалка'. Номинация по двум контрастным оттенкам цветка – фиолетовые лепестки и жёлтая сердцевина. *Йо́дница* – 'чистотел'. Наименование по сходству йода с жёлтым соком растения.

3. По свойству растения

Жабная трава – 'растение сем. розанных; лапчатка серебристая'. Одно из значений слова *жаба* – ангина (Даль 1880, с. 539). Известно, что лапчатка используется для лечения ангины. Следовательно, произошёл перенос значения по действию. *Злы́ня* – 'крапива'. *Злой*, вероятно, используется в значении *жгучий, жгальщий*, что указывает на реакцию кожи при соприкосновении с растением.

4. По запаху, издаваемому растением

Бу́лочка – 'растение таволга вязолистая'. Таволга имеет приятный пряный миндально-ванильный запах, вероятно, схожий с запахом свежей выпечки.

5. По происхождению

Заморское яблочко – 'помидор'. В основе этой номинации два мотивировочных признака на основе метафоризации – сходство по форме яблока и помидора и происхождение плода – «из-за моря» (видимо, указание на завезённый сорт, ранее не выращиваемый на территории).

6. По внешнему признаку

Аржане́ц – 'пырей ползучий, сорняк, растущий во ржи и внешне похожий на рожь'. В основе номинации – внешнее сходство сорняка и ржи. *Бри́ца* – 'сорное растение семейства злакоцветных; куриное просо'. В основе наименования – внешнее сходство сорняка с пшеном, просом. Известно в болгарском языке *брица* – 'сорт пшеницы', из **бърица*, которое связано с *бор – пшено* (**бъръ*) (Фасмер 1986, с. 193). *Д'ятельник* – 'клевер красный или луговой'. Наименование по сходству цветка и оперения дятла. *Каманика, каменика* – 'ежевика', *каменка* – 'костяника'. Оба растения имеют плоды-костянки, внутренняя часть которых – твёрдая, каменистая косточка – послужила основой для мотивации. *Канёвник* – 'вид сорняка'. Народное название конского щавеля, получено из-за внушительных размеров растения.

Отметим также, что внутренняя форма слов (мотивированность) играет большую роль при описании диалектной картины мира. А.А. Потебня, указывая на роль внутренней формы слова в народном сознании, отмечал, что «внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к

сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» (Потебня 1993, с. 192).

Исследователи О.А. Радченко и Н.А. Закуткина предлагают под картиной мира диалекта понимать «присущее данному диалекту как подсистеме конкретного языка определённое устройство системы понятий, отражающее специфические пути освоения окружающего мира коллективом носителей данного диалекта» (Радченко, Закуткина 2004, с. 38). От общезыковой она отличается естественным характером, поскольку складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности быта, уклада жизни, близость к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется никакой кодификацией, но служит своего рода субстратом для картины мира общеупотребительного языка. Картина мира диалекта проявляется, главным образом, в устной речевой деятельности в определённых сферах коммуникации. Диалектоноситель иначе называет окружающий его мир, рисует иную картину бытия, чем носитель литературного языка, опираясь на возможности своего диалекта, развивая и обогащая их. Так, в воронежских фитонимах обнаруживается «перекрёстное» с литературным языком отражение действительности, которое основывается на сходстве реалий: лексеме *дурман*, существующей в литературном языке, соответствуют диалектные наименования *бешеный*, *водопьянник*, *водопьян*. В воронежских говорах же *дурманом* называют *белену*. Подобные отношения отмечаются в таких наименованиях: *кавун* 'арбуз' – *арбуз* 'тыква'; *бадражання* 'баклажан' – *баклажан* 'помидор'; *буза* 'бузина' – *бюзина* 'белена'; *голубоцве'тник* 'василёк' – *василёк* 'герань'; *глазок* 'гвоздика' – *гвоздика* 'татарское мыло'.

На основании анализа принципов номинации растений в воронежских говорах можно выделить следующие особенности картины мира носителя этих говоров.

1. Подробная детализация или парцеллирование объектов концептуализации. Это явление можно проиллюстрировать с помощью лексико-семантической группы «Названия сорняков». Так, в литературном языке понятие «сорняк» не имеет других обозначений, в то время как в говорах можно выделить следующие наименования: *акули'нка* – 'высокая сорная трава, в сухом виде употребляется на лучины, на растопку', *аржане'ц* – 'сорняк, растущий во ржи и внешне похожий на рожь'. *Белоцве'т* – 'сорное растение с мелкими белыми цветочками с резким запахом, растущее по дорогам и на пустырях'. *Зябрий* – 'сорное растение, растущее и цветущее в августе'. Элементы этой группы отличаются от соответствующих средств литературного языка детализацией цветов, внешней формы и свойств растений.

2. Архаичность. В воронежских диалектных словах можем наблюдать древние корни: например, общеславянский *-бат-* в слове *бато'г* –

'цикорий', праславянский *berza* – береза, общеславянский *-рожь-* в словах *аржаница*, *аржане́ц*, общеславянские *-борон-* и *-волок-* в слове *бороноволок*, общеславянский корень *-ел-* в слове *ёлочка* – от индоевропейского корня **edl* (Шанский 1961, с. 138).

3. Эмоциональная окрашенность. Так, в фитонимах обнаруживаем уменьшительно-ласкательные суффиксы: *землян'ушка* – 'название картофеля', *ба'бушка* – 'сорт яблок', *бара'нчик* – 'первоцвет', *васи'льчик* – 'цветок', *башмачо'к* – 'кривоцвет', *бу'лочка* – 'растение таволга вязолистая', *граммофо'нчики* – 'растение повилика', *кала'чки* – 'белый клевер', *гребешо'к* – 'крестовник луговой', *венчик* – 'злаковое растение', *калабушки* – 'сорная трава', *кажушка* – 'репей', *будулинка* – 'цикорий'.

4. Антропоцентризм. В основе номинации растений нередко лежат имена собственные. Например, *арнаутка* – 'сорт белой пшеницы'. Наименование по имени *арнаут* – турецкое название жителей Албании. *Белоголо'вица* – 'растение *Lychnisdioica* Dc., *Melandrympretense* Röhl., сем. гвоздичных'. Представляет собой прямостоячий слабоветвистый стебель 50-100 см с мелкими продолговатыми и заострёнными листьями и трубчатыми цветками белого цвета, собранными в плотные соцветия полушарообразной формы, которые хорошо видны даже ночью. Вероятно, номинация по цвету соцветий и схожести по форме их с головой. *Ба'бы глаза* – 'название жимолости'. Наименование может быть мотивировано сходством женских глаз с формой ягод жимолости.

5. Утилитарный, прагматический характер. Нами был выделен мотивировочный признак «пригодность в пищу», который обнаруживается во внутренней форме наименований растений, используемых для приготовления каких-либо блюд или служащих кормом для животных: *борц*, *борщавка*, *борцо'ва*, *борцо'вник*, *борцо'вочник*, *борщовый купырь* – 'названия борщевика обыкновенного'. *Винная картоха* – 'сорт картофеля': предназначался для приготовления вина. *Виновка* – 'сорт винных яровых яблок', данный сорт яблок предназначался для вина или сидра, *гусятник* – 'одуванчик'. Одуванчики включают в рацион питания некоторых домашних птиц, в том числе гусей.

6. Гендерные различия. В диалекте обнаруживаем морфологические варианты в рамках одной лексемы, не зафиксированные в литературном языке: *арбуз* – *арбузиха*, *бадер* – *бадера*, *белоголовник* – *белоголовица*, *баклажан* – *баклажана*, *бес* – *бесюка*, *баргамот* – *баргамота*, *карач* – *карачина*, *волах* – *волеха*.

Таким образом, при изучении номинации растений можно открыть «живую картину общественных отношений, быта, национальных знаний и умений, представлений об окружающем мире, закрепившихся в народе социальных оценок и квалификаций» (Шведова 1988, с. 162). Анализ фитонимов позволяет определить некоторые признаки языковой картины мира диалектоносителя, выявить отличительные черты представлений о

мире современного человека. Например, в диалектах Воронежской области распространено деление растений по гендерному признаку, вероятно, на основе вкусовых свойств, скороспелости и скорости произрастания; также воронежским диалектам свойственна высокая детализация окружающей действительности – дробление языковых реалий, исходя из внешнего признака или целей использования в быту.

Литература

1. Блинова О. И. «Словарь фитонимов Среднего Приобья» как источник диалектной мотивологии // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2008. – №2(3). – С. 14-23.
2. Будагов Р. А. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. – М., 1978.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1880.
4. Калиткина Г. В. Словарь фитонимов Среднего Приобья // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2007. – №1. – С. 125-132.
5. Картоотека «Словаря воронежских говоров» Воронежского государственного университета. Собрана студентами в ходе диалектологических экспедиций. Хранится на кафедре славянской филологии филологического факультета Воронежского государственного университета.
6. Мокиенко В. М. Словарь русской этимологии. Историко-этимологический справочник. – СПб., 1998.
7. Потебня А. А. Мысль и язык. – Киев, 1993.
8. Радченко О. А., Закуткина Н. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. – 2004. – №6. – С. 25-48.
9. Словарь воронежских говоров / [под ред. Г.Ф.Ковалева]. – Вып.1-3-. – Воронеж., 2004; Выпуск 2. – Воронеж, 2004-2019.
10. Фасмер. М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. – М.: Прогресс, 1986.
11. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Учпедгиз, 1961.
12. Шведова Н. Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика. Язык: система и ее функционирование. – М.: Наука, 1988.
13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / [под ред. О.Н. Трубачёва]. – М., 1974.

Л.А. Литвинова, Ю.А.Литвинова

Комплексная методика описания значения слова (на материале слова «деревня» в русском языке в словарях 18 века и научных документах)

Считается, что языковой материал представляет собой самодостаточный и, возможно, наиболее весомый источник информации, а также в некотором роде ее «хранилище» о мире и о человеке в нем. Как отмечал А.И. Смирницкий, значение слова – это «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании...». (Смирницкий 1955, с.79).

Исторические словарные издания, а также публикации по истории интересующего нас периода развития общества в России (18 век) представляют несомненный научный интерес для исследования семантики слова «деревня» в русском языке.

На начальном этапе была проведена выборка всей доступной лингвистической информации по исследуемому слову по русским лексикографическим источникам 18 века и современным научным источникам, хронологически соответствующим указанному периоду. Для достижения указанной цели была применена комплексная методика, включающая методику обобщенного лексикографического описания значения слова и методику обобщенного исторического описания значения слова.

Методика обобщенного лексикографического описания предполагает обобщение словарных дефиниций с целью получения максимально полного описания значения исследуемого слова, основываясь на принципе дополнительности словарных дефиниций разных словарей, каждая из которых отражает отдельные существенные признаки значения. (Стернин, Соломатина 2011, с. 22). В качестве словарей русского языка 18 века мы использовали следующие издания: 1) Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, автор Ф.П. Поликарпов-Орлов, 1704, 2) Лексикон Брюса, автор Брюс Я.В., 1717, 3) Словарь русского языка 11-17 вв., 4) Словарь Академии Российской, 1789-1794.

Лексема *деревня* в вышеуказанных словарных источниках имеет следующие толкования: 1) **Лексикон трехязычный..., Ф.П. Поликарпов-Орлов, 1704** – *Деревня* – rus, villa; деревенька – rus, pagum; деревенский – rusticus; 2) **Лексикон Брюса, Брюс Я.В., 1717** – *Деревня* – dorp (сакс.маленькая деревня), avillage (деревня), country-town (городок/поселок в сельской местности) (р.97); 3) **Словарь русского языка XI-XVII вв – Деревня** – 1) поселение в один или несколько дворов с прилагающимися к нему угодьями; 2) единица налогообложения; 3) Бывают разные типы в зависимости от - занятия жителей (бортничья, сокольничья, конюшенная и пр.); - владельца (архимандричья, владычная, великого князя); - отношения к податной системе (белая, оброчная, черная); 4) расчищенное под пахоту место, пашня, угодье;

4) **Словарь Академии Российской, 1789-1794** – *Деревня* – умал. Деревенька, деревушка унич. Деревнишка по славенски - весь; 1) вообще всякое селение ничем неукрепленное, въкоторомъ земледельцы обитають; 2) собственно крестьянское селение, в которомъ неть церкви; 3) Человек грубой в обхождении, неучтивый, незнающій обращения, такъ же дикой, застенчивой.

На основе данных словарных толкований было сформулировано обобщенное лексикографическое описание значения слова *деревня* в русском языке 18 в.:

1. Небольшое по размерам, в один или несколько дворов, неукрепленное селение крестьян без церкви рядом, с пахотными и иными хозяйственными угодьями, жители которого занимались обычно земледелием, но также могли быть сокольниками, конюхами или коневодами, бортниками.

2. Имущественный объект, который может принадлежать духовному лицу или представителю высшего сословия в государстве.

3. Единица налогообложения (белые, черные и оброчные деревни как виды налога и формы его уплаты).

4. Человек грубой в обращении, неучтивый, незнающий обращения, так же дикой, застенчивой.

5. Расчищенное под пахоту место, пашня, угодье.

В качестве научного материала в исследовании были использованы «Очерки русской культуры 18 века» (Власова, Шанский, 1969). Авторы очерка считают, что поселения – города, села, деревни и пр. – являются частью материальной культуры любого общества и вполне могут рассматриваться как «материальные условия и «сосудистая система» функционирования человека во всем многообразии его повседневной жизни» (Власова, Шанский, 1969, с. 72). Как отмечают исследователи, «деревня как комплекс жилых строений и хозяйственных угодий – с дворами, усадьбами, полевой пашней, санными и другими угодьями – создавалась веками (Власова, Шанский, 1969, с. 72).

Начиная с 14 века деревня является самым распространенным типом сельского поселения. Как отмечают И.В.Власова и Д.Н. Шанский (Власова, Шанский, 1969), 18 век для русской деревни характеризуется изменениями по ряду аспектов.

Во-первых, по мнению авторов, в 18 веке русская деревня *увеличилась по количеству дворов*. Этому способствовало не подворное, а подушное налогообложение, в результате чего пошел процесс отпочкования и строительства новых дворов – населенность дворов снижается, но растет их количество.

Во-вторых, у русской деревни отмечены *разные собственники* – государство, духовные лица или духовные же учреждения, а также представители купечества. Если деревня и ее жители принадлежали государству, их называли черными или черносошными. Владельческие крестьяне и соответственно деревня, в которой они проживали, принадлежали помещику. Монастырские крестьяне при Петре I были выведены из управления монастырей и переданы в казенное управление. Деревни, где проживали дворцовые крестьяне, принадлежали лично монарху, подчиняясь ведомству двора. И наконец, владельцы фабрик и

заводов вполне законно могли покупать деревни и крестьян для промышленных нужд.

Деревня представляла собой *самодостаточную аграрную единицу*, т.е. полный комплекс жилых строений и пахотных, луговых и пастбищных угодий, *по размерам крупнее* в сравнении с предыдущими 16 и 17 веками российской истории; здесь обычно *проживали крестьяне и земледельцы* (но также и иные сословия, например, на сравнительно недавно освоенных сибирских территориях проживали *разночинцы, ямщики, ремесленники*), которые занимались *земледелием и его новыми видами* (помимо подсеки крестьянская община стала активно использовать трехполье, чересполосицу), а также *извозом, ямскими перевозками*, могли выполнять *фабричные работы*.

Следует отметить, что деревня всегда являлась *единицей налогообложения* с разными видами налога (барщина как принудительный труд крестьян на земле владельца; оброк как форма ренты или платежа в натуральной форме; подать как прямой налог в пользу государства) и *обязательной единицей собственности* в центральных и южных районах страны: как уже отмечалось, деревня вместе с поселками, угодьями и жителями на вышеуказанных территориях *принадлежала помещику, монарху, монастырю или фабриканту*.

Что касается социальной организации, то в деревне *крестьянская община* всегда была типичной формой бытия с некоторыми особенностями на северных и сибирских территориях России.

Отметим также, что в 18 веке территория государства делилась на *сельские округа*, каждый из которых в свою очередь был представлен уездным воеводой как единственным государственным представителем.

Приведенные факты дополняют обобщенное лексикографическое описание слова *деревня* в русском языке 18 века, которое может быть представлено следующим образом:

1. Небольшое по размерам, в один или несколько дворов, неукрепленное селение крестьян без церкви рядом с пахотными и иными хозяйственными угодьями, жители которого имели типичный общинный уклад жизни и занимались обычно земледелием, но также могли быть сокольниками, конюхами или коневодами, бортниками, ямщиками/извозчиками, ремесленниками, в хозяйственном плане представляя собой самодостаточную аграрную единицу.
2. Имущественный объект, который может принадлежать духовному лицу или монастырю, монарху или представителю высшего сословия в государстве, а также государству или фабриканту.
3. Единица налогообложения (белые, черные и оброчные деревни как виды налога и формы его уплаты).

4. Составная часть сельского округа как крестьянской административно-хозяйственной единицы в Российской империи.
5. Человек грубой в обращении, неучтивый, незнающий обращения, так же дикой, застенчивой.
6. Расчищенное под пахоту место, пашня, угодье.

Подводя итог вышесказанному, заключим, что результаты исследования лексикографических и научно-исторических произведений и применение комплексной методики описания значения слова позволяют получить максимально достоверное и объективное описание его семантики в конкретном синхроническом срезе.

Литература

1. Власова И.В., Шанский Д.Н. Очерки русской культуры 18 века. – Часть 1. – М.: Изд-во МГУ, 1969.
2. Смирницкий А.И. Значение слова // Вопросы языкознания. –1955. – №2. – С. 79-89.
3. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. – Воронеж: Истоки, 2011.

Лексикографические источники

1. Брюс Я.В. Лексикон Брюса. – Санкт-Петербург, 1717.
2. Поликарпов-Орлов Ф.П. Лексикон трезычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. – Москва: Синодальная тип., 1704.
3. Словарь Академии Российской. – Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1789-1794.
4. Словарь русского языка XI-XVII вв.: справочное издание. – Москва: Наука, 1975.

Д.А. Малинина

К вопросу о дифференциации лексических единиц по семантическим признакам (на материале наименований лиц по уровню материального состояния в русском языке)

Семантическая группировка «Наименования лиц по уровню материального состояния» в русском языке состоит из более 700 лексических, фразеологических единиц и устойчивых словосочетаний, выявленных в процессе сплошной выборки из 15 лексикографических изданий. Исследуемые языковые единицы объединены общностью категориально-родовой архисемы *лицо // совокупность лиц* и опорным интегральным семантическим признаком *имеет какое-либо количество материальных средств*.

В работе с данным языковым материалом применялась комплексная методика описания значения слова, основанная на следующих общеизвестных и широко применяемых в семной семасиологии методах:

обобщенного лексикографического описания; анализа контекстов употребления языковых единиц; семной интерпретации обобщенных лексикографических описаний значений слов.

Как показывает практика исследования, семантическая дихотомия группировки представлена двумя антонимо-синонимическими блоками *БОГАТЫЕ – БЕДНЫЕ*. Синонимические оппозиции единиц лексики в каждом из этих блоков позволяют определить градацию уровней благосостояния тех или иных лиц, которые описываются в семной семасиологии посредством семных конкретизаторов опорного интегрального семантического признака (Маклакова, Ермаков 2021, с.20).

При сопоставлении семных структур членов подгруппы *БОГАТЫЕ* по опорному интегральному семантическому признаку *уровень материального состояния* были выявлены следующие семные конкретизаторы (отмечены в примерах подчеркнутым курсивом).

Например, (здесь и далее: Д – денотативный макрокомпонент значения языковой единицы, К – коннотативный макрокомпонент значения языковой единицы, Ф – функциональный макрокомпонент значения языковой единицы):

ГЛОБОКРАТ:

Д: лицо, мужской пол, *обладает огромным количеством материальных средств*, ценностей, имуществом, обладает властью, имеет политическое влияние, принадлежит к имущей мировой элите;

К: неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

Ф: публицистическое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, малочастотное, неполиткорректное, тонально-нейтральное.

МИЛЛИОНЕР:

Д: лицо, мужской пол, *обладает очень большим количеством материальных средств*, имуществом, материальными средствами, оцениваемыми в миллионы каких-либо денежных единиц;

К: неоченочное, неэмоциональное;

Ф: межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

БОГАТЕЙ:

Д: лицо, мужской пол, *обладает большим количеством материальных средств* и ценностей; владеет собственным бизнесом/производством; принадлежит к имущим слоям населения;

К: неоченочное, неэмоциональное;

Ф: разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

БУРЖУЙ

Д: лицо, мужской пол, *обладает материальными средствами с избытком*; владеет собственным бизнесом/производством; отличается скупостью;

К: неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

Ф: разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, неполиткорректное, ироничное.

ЗАЖИТОЧНИК:

Д: лицо, мужской пол, обладает материальными средствами для жизни без нужды, принадлежит к безбедным слоям крестьянского населения;

К: неоценочное, неэмоциональное;

Ф: просторечное, диалектное, устаревшее, на Урале, редкое, политкорректное, тонально-нейтральное.

Согласно выявленным семным конкретизаторам члены подгруппы БОГАТЫЕ были определены в соответствующие определенному уровню материального состояния микрогруппы (по названию семного конкретизатора).

При сопоставлении семных структур членов подгруппы *БЕДНЫЕ* по опорному интегральному семантическому признаку *уровень материального состояния* были выявлены следующие семные конкретизаторы (отмечены в примерах подчеркнутым курсивом).

БОГОРАДНИК:

Д: лицо, мужской пол, не имеет никаких средств к существованию, источником существования является попрошайничество; принадлежит к неимущим слоям населения.

К: неоценочное, неэмоциональное;

Ф: просторечное, диалектное, устаревшее, в Вологде, малочастотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

ГОЛОДРАНЕЦ

Д: лицо, мужской пол, имеет очень мало средств, которых не хватает на самое необходимое, например, на еду и одежду, отличается оборванной одеждой, не имеет никакой собственности, принадлежит к неимущим слоям населения;

К: неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

Ф: просторечное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, малочастотное, непolitкорректное, пренебрежительное/презрительное.

ВОДОХЛЕБ

Д: лицо, мужской пол, имеет очень мало средств, которых едва хватает на самое необходимое; принадлежит к неимущим слоям населения;

К: неоценочное, неэмоциональное;

Ф: разговорное, диалектное, устаревшее, Амурское, редкое, политкорректное, тонально-нейтральное.

МАЛОИМУЩАЯ

Д: лицо, женский пол, имеет мало средств, меньше прожиточного минимума; находится у черты бедности; рассматривается как объект помощи со стороны общества;

К: неоценочное, неэмоциональное;

Ф: разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

ГАСТАРБАЙТЕР

Д: лицо, мужской пол, имеет мало средств, которых не хватает для нормального существования, привлекается из слаборазвитой страны в промышленно развитую; готов работать за меньшую плату по сравнению с отечественными рабочими; принадлежит к малообеспеченной категории рабочих-эмигрантов;

К: неоценочное, отрицательно-эмоциональное;

Ф: межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, малочастотное, непolitкорректное, пренебрежительное.

ГОСБЮДЖЕТНИК

Д: лицо, мужской пол, имеет нормативное количество средств, принятое в данном обществе, не может позволить себе предметов роскоши; работает на предприятиях или в государственных учреждениях; получает заработную плату из государственного бюджета;

К: неоценочное, отрицательно-эмоциональное;

Ф: официальное, социально-ограниченное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

Согласно выявленным семным конкретизаторам члены подгруппы БЕДНЫЕ были определены в соответствующие определенному уровню материального состояния микрогруппы (по названию семного конкретизатора).

Таким образом, полученные в исследовании результаты подтверждают возможности и эффективность выбранной комплексной методики и примененного инструментария семной семасиологии для объективного описания и структурирования семантической группировки «Наименования лиц по уровню материального состояния» в русском языке.

Литература

1. Маклакова Е.А., Ермаков С.А. К вопросу о парадигматических отношениях членов ЛСГ с градуальной семантикой (на материале английского языка) // Язык и национальное сознание. – Вып. 27. – Воронеж, 2021. – С. 18-24.

И.А. Меркулова

Ценностные ориентиры носителей чешского языка

Являясь изначально разделом философии, теория ценностей (аксиология) со второй половины XX века все более широкое распространение получает в лингвистике: предлагаются различные методики аксиологического анализа, составляются аксиологические словари, выходят монографии, создаются лаборатории, появляются новые аксиологически ориентированные дисциплины (этнолингвистика, политическая лингвистика). Это не случайно. Система ценностей, её усвоение и развитие составляют важную сторону культурной традиции того или иного народа, во многом формируют «картину мира» и определяют её специфику.

«В языке как системе номинативных единиц отражаются предпочтения человека, в частности в выборе объектов для номинации: то, что представляет ценности, не номинируется» (Васильева, Ильина 2013, с. 172). Добавим: а то, что представляет исключительную ценность, номинируется многократно (дублируется). И в этом нет ничего удивительного. Любая система для повышения надёжности своей работы

стремится к дублированию важных для её существования элементов и функций. Например, в организме человека много продублированных элементов (два глаза, уха, лёгких и т.д.). Автомобиль, потерявший колесо, перестаёт выполнять свои функции, но при избытке колёс, например, у боевого транспортного средства, потеря одного колеса не лишает машину боеспособности.

Язык, являясь системой, подчиняется тем же самым законам. Механизмом, обеспечивающим надежность лексико-семантической системы, можно считать синонимию. Максимальные по числу синонимов синонимические ряды являются центрами лексической аттракции (притяжения лексем) в языке. Это многократное дублирование на случай «выхода из строя» лексемы-доминанты данного синонимического ряда, является косвенным свидетельством наиболее важных для носителей данной культуры значений. Следовательно, анализируя наиболее многочисленные синонимические ряды, мы можем определить ценностные приоритеты носителей данной лингвокультуры.

Методика исследования аксиосферы языка по данным синонимии была защищена в рамках кандидатской диссертации Е.В. Долбиловой на материале каталанско-русского словаря (Долбилова 2013). В диссертации система ценностей, присущая народу, называется аксиосферой; элементы аксиосферы получили название аксиологем. Заметим, что этот подход отличается от предложенного Е.А. Нахимовой когнитивного понимания аксиологем: «Аксиологему можно охарактеризовать как когнитивный феномен (концепт), включающий аксиологический компонент (позитивный или негативный), который предопределяет особенности использования репрезентантов соответствующей аксиологемы» (Нахимова 2011, с. 179).

Все предыдущие опыты описания аксиосферы опирались на двуязычные словари (Титов 2004; Кретов 2011; Воевудская, Меркулова 2013). Также есть пример описания русской аксиологии (Кретов, Стародубцева 2016).

Объектом исследования в данной работе явился «Словарь чешских синонимов и антонимов» («Slovník českých synonym a antonym» Lingea, 2007) объемом 120000 синонимов и 23000 антонимов. Естественно, что учитывалась только синонимическая часть словаря. Мы благодарим приглашенного профессора университета Св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава) Е.М. Маркову и её коллег за помощь в переводе некоторых чешских лексем.

Стратификация чешского словаря по парадигматике выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Распределение чешской лексики по числу синонимов

Синонимов	Рядов	Накопл.	П-вес
15	1	1	0,99998
14	1	2	0,99996
11	1	3	0,99994
10	4	7	0,99986
9	16	23	0,99953
8	80	103	0,99788
7	518	621	0,98720
6	2818	3439	0,92911
5	6811	10250	0,78871
4	9828	20078	0,58612
3	12606	32684	0,32627
2	15385	48069	0,00913

Из таблицы видно, что синонимических рядов с количеством 15, 14 и 11 синонимов по одному. Десять синонимов включают сразу 4 синонимических ряда. И дальше с уменьшением количества синонимов количество рядов возрастает. В графе «Накопленное» ряды суммируются, с тем, чтобы иметь возможность отличить парадигматическое ядро словаря от периферии. В данном случае ядро составляют 621 ряд. Графа «П-вес» – это вычисляемый по формуле парадигматический вес, который определяется, строго говоря, не для слов, а для значений. Парадигматический вес значения зависит от количества синонимов, объединяемых им.

Проанализируем «верхушку» парадигматического ядра чешского словаря – первую сотню наиболее крупных синонимических рядов. Их размерность составляет от 8 до 15 синонимов в ряду.

Наибольший парадигматический вес имеет синонимический ряд со значением *‘шум, нарушение порядка’*, объединяющий 15 синонимов: *virval, nerořádek, hluk, ramus, lomož, bordel, binec, bugar, brajgl, bengál, kravál, šrumec, čurbes, rachot, rodeo*. Далее следует ряд со значением *‘ругать’* – 14 синонимов: *vypucovat 2, vyhubovat, vyčinit, vynadat, pokárat, vyplísnit, vypeskovat, seřvat, sprdnout, zpucovat, zpérovat, sjet, zmrdat, zjebat*, затем ряд со значением *‘жадина, скряга’* – 11 синонимов: *šetřil, škudlil, skrblík, škrt, hamoun, krkoun, křeček, sysel, hrabivec, lakomec, chamtivec*,

По 10 синонимов объединяет значение *‘шутка, развлечение’*: *kanada, sranda, švanda, šprým, vtip, legrace, prča, prdel, psina, čuryna; ‘негодяй, мерзавец’*: *prezent 2, mizera, ničema, padouch, darebák, bídák, lump, svině, sviňák, hajzl; ‘заметить, увидеть’*: *zmerčit, zpozorovat, postřehnout, zaznamenat, uvidět, všimnout si, povšimnout si, spatřit, zahlédnout, užít, ‘нападать, задевать’*: *gravírovat 1, provokovat, napadat, šít, navážet se, trefovat se, hecovat, rýt, týpat, štengovat;*

По девять синонимов включает 16 рядов со значениями *'обманывать'*: blufovat, tahat za nos, balamutit, napalovat, podvádět, klamat, šidit, mást, obelhávat; *'проститутка'*: courá, běhna, rajda, poběhllice, šlapka, štetka, děvka, prostitutka, kurva; *'воровать'*: čmajznout, otočit, štipnout, seknout, čórnout, lohnout, ukrást, odcizit, sebrat; *'смотреть, глядеть на кого/что'*: dívat se, hledět (z okna), vyhlížet, koukat se, čumět, zírat, zřít, pohlízet, patřit; *'раздражать'*: dožrat 1, dopálit, namíchnout, naštvat, rozčflit, rozhořit, rozzlobit, rozběsnit, rozohnit; *'хитрость, уловка'*: fixl, podraz, podtrh, podfuk, podvod, klam, lest, úskok, trik; *'глухой, тупой'*: hloupý 1, omezený (duševně), nechápvavý, tupý, zaostalý, pošetilý, naivní, zabeďněný, natvrdlý; *'подлый, бесстыжий'*: infámní, mrzký, hanebný, nestoudný, nestydatý, podlý, nízký, nečestný, sprostý; *'ест, кушать'*: jíst 1, pojídat (oběd), požívat, papat, krmit se, baštit, srát se, ládovat se, žrát; *'голова'*: kebule, hlava, škopek, palce, bedna, šiška, makovice, budka, kokos; *'удаление, прекращение'*: likvidace 1, odstranění, zrušení, ukončení, zničení, zabití, zneškodnění, zánik, konec; *'торопиться, спешить'*: mést 3, pádit, uhánět, mazat, upalovat, utíkat, běžet, hnát se, spěchat; *'угрюмый'*: morózní, nevlídný, mrzutý, nepřívětivý, rozmrzelý, nerudný, podrážděný, nabručený, popudlivý; *'подлец'*: zmetek 2, smejd, mizera, sycak, parchant, nerad, nicema, darebak, hajzl.

Многочленные синонимические ряды, как видим, зачастую представлены значениями, связанными с обозначением ненормативных, социально осуждаемых объектов, явлений, действий. Нормально быть добрым, честным и т.д., но зафиксировать отступление от нормы и своё отношение к нему для говорящего всегда актуальнее. «Человек воспринимает мир избирательно, и прежде другого он замечает аномальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания. Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном» – писала Н.Д. Арутюнова (Арутюнова 1987). Поэтому подобные семемы можно трактовать как маркеры соответствующих важных смыслов от противного (например, многократное обозначение *дурака* подчеркивает ценность *ума*, а *бездельника* – важность *труда*).

Кроме этого, отдельные семемы вступают в антонимические отношения (*'временный'* и *'традиционный'*, *'мягкий, нежный, тонкий'* и *'жесткий'*, *'тактичный, деликатный'* и *'оскорбить'*), что также может свидетельствовать о значимости для носителей языка этих смыслов.

Семный анализ значений, входящих в парадигматическое ядро словаря, дает интересные результаты.

Как было отмечено выше, парадигматической доминантой лексики чешского языка по данным словаря-источника является синонимический ряд со значением *'шум, нарушение порядка'*. По общности смысла к нему примыкают ряды *'взрыв, грохот'*, *'взрывать, щёлкать'*. Можно предположить, что носители чешского языка воспринимают окружающую их действительность как нестабильную и изменчивую. Они привыкли к

тому, что привычный порядок и целостность могут быть нарушены ('удаление, прекращение', 'уничтожать', 'конфискация'). Таким образом, спокойствие и стабильность в обществе являются важными элементами аксиосферы носителей чешского языка.

'Спор', 'вражда, раздор', 'оппонент', 'ругать', 'критиковать', 'нападать', 'яростный, агрессивный', 'плакать, рыдать' – эти семемы также маркируют *тишину, спокойствие* и *неконфликтность* от противного.

В неразрывной связи со стабильностью в обществе можно рассматривать и законопослушность, о чём свидетельствуют слова, описывающие нарушение закона (например, 5 синонимов в ряду 'тюрьма').

Ещё одной важной ценностью носителей чешского языка являются правда и честность. Многочленные синонимические ряды со значением 'обманывать' *'хитрость, уловка'*, 'воровать' свидетельствуют об осуждении лжи.

Не одобряют чехи невоздержанность в еде, питье и других удовольствиях. Об этом свидетельствуют синонимические ряды слов со значением 'толстый', 'пьяница', 'напиться', 'трактир', 'пьяный' (представлены все части речи!). Последнее заслуживает особого внимания: в странах, где традиция изготовления алкогольных напитков (пивоварение и виноделие) берёт свои истоки ещё в древности, существует особая «культура питания», поэтому люди всегда относились с порицанием к тем, кто не придерживался этой культуры и не соблюдал меры.

Многие славянские языки, в том числе и чешский, объединяет идея высокой ценности ума и интеллекта. В нашем случае эта идея маркируется от противного и обозначается большим количеством синонимов у слов 'глупый', 'тупой', 'сумасшедший', 'чепуха', а также 'голова', 'обнаружить, понять'. Кстати, аналогичная ситуация в романских языках (значение 'глупый' оказалось самым главным во французском словаре, да и в других романских оно входит в число первых ста парадигматически весомых слов) (Кретов, Титов 2008).

Важнейшей аксиологемой ментальности чехов является также *работа* ('бездельник, лентяй', 'безделье', 'праздность'), которую нужно 'выполнять' с *'аккуратностью'* и *'добросовестностью'*.

И, наконец, последний тип максимально важных семем представлен рядами со значением '*аристократ, дворянин*', '*господствовать*', '*туз, крутой парень*', что можно интерпретировать как '*статусность, лидерство*'.

Подведём итоги. Парадигматика определенным образом организует смысловое пространство языка, обуславливая отбор значимых фактов и устанавливая наличие связи между ними. Парадигматическая характеристика лексики позволяет обнаружить систему ценностных

ориентаций, адекватную потребностям и интересам того или иного общества, а парадигматические доминанты могут стать предметом типологических исследований.

Как показывают данные чешского синонимического словаря, ценностные ориентиры носителей чешского языка – покой, стабильность, здоровый консерватизм, предприимчивость, интеллект, нравственность, культурность во всех её проявлениях, честность, доброжелательность, добросовестность и трудолюбие, щедрость.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой “картины мира”) // Вопросы языкознания. 1987. – № 3. – С. 3-19.
2. Васильева С. П., Ильина А. Г. Эстетические ценности в языковом сознании жителей приенисейской Сибири // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4(46). – С. 172-176.
3. Меркулова И.А., Воеводская О.М. Аксиологические ориентиры славянских и германских народов (по данным парадигматического анализа лексики) // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 193-197.
4. Долбилова Е.В. Квантитативная лексикология каталанского языка на романском фоне: дисс...канд.филол.наук. Воронеж, 2013.
5. Кретов А.А. Аксиологемы греческой ментальности по данным словаря // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: мат-лы VI международ. научно-практич. конф. Воронеж: ВГПУ, 2011. – С. 23-31.
6. Кретов А.А., Стародубцева Ю.А. Русские аксиологемы по данным МАСА-2 // Политическая лингвистика. – 2016. № 2(56). – С. 140-154.
7. Кретов А.А., Титов В.Т. Позиционный анализ парадигматики романско-русских словарей // Проблемы компьютерной лингвистики: сб. научных трудов. – Вып. 3. – Воронеж, 2008. – С. 266-282.
8. Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург, 2011
9. Титов В.Т. Лексико-семантическая парадигматика романских языков // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – №1. – С. 3-10.

А.Р. Мордвинова, А.Г. Садыкова

Билингвизм в национальном сознании квебекцев (на материале интернет-дискурса)

Концепт «*le français*» *французский язык* является одним из ведущих в национальном сознании квебекцев (Усманова 2014, с. 148). Логично будет предположить, что англо-французское двуязычие, являющееся официальной языковой идеологией Канады и непосредственно связанное с данным концептом, также находит отражение в структуре национального

сознания квебекцев (согласно данным переписи населения Канады 2021 года (Statistics Canada), для 77,8% квебекцев родным языком является французский язык – далее ФЯ). Отметим, что в рамках данного исследования под «квебекцами» будут подразумеваться квебекцы-франкофоны. Так как «СМИ является мощным средством производства и воспроизведения идеологических дискурсов о языке и нации» (Vessey 2013, с. 57 – перевод авторов), для исследования отражения двуязычия в национальном сознании квебекцев был отобран материал интернет-дискурса, а именно 100 комментариев подписчиков аккаунта газеты «Le Journal de Montréal» в социальной сети Facebook (Journal de Montréal Facebook) на статьи, центральной темой которых является двуязычие в общеканадском масштабе и в масштабе провинции вопреки официальному утвержденному одноязычию (год публикации статей – 2020). Поясним, почему в качестве материала исследования был выбран именно интернет-дискурс, а не традиционный медиадискурс – контент последнего так или иначе ограничен цензурой, редакционной политикой, официально утвержденными государством языковыми доктринами и др., в то время как интернет-дискурс обладает большей свободой как в плане содержания, так и в плане выражения, и, соответственно, может дать более объективную картину.

Методом исследования послужил контент-анализ, широко использующийся в прагмалингвистических исследованиях, так как его целью является «сделать выводы об особенностях мышления и сознания автора текста – его намерениях, установках, желаниях, ценностных ориентациях» (Баранов 2017, с. 21). Единицей контент-анализа (далее ЕКА) послужила часть комментария или комментарий целиком, выражающий отношение к двуязычию в целом или одному из аспектов его реализации, проблемам двуязычия, преимуществам двуязычия и др. Всего было выделено 115 ЕКА, из них 43 касались билингвизма в общеканадском масштабе и 72 – в масштабе провинции Квебек. Среди двух выделенных категорий нами были дополнительно выделены тематические подкатегории.

Двуязычие в Канаде (43):

1) Несоблюдение двуязычия (22) – «Le bilinguisme canadien: l'anglais et n'importe quelle autre langues sauf le français» *Канадский билингвизм: АЯ и любой другой язык, кроме ФЯ*: а) незаинтересованность канадцев-англофонов в соблюдении политики билингвизма (т.е. в овладении ФЯ) (7) – «les Canadiens ne veulent pas du français» *канадцам не нужен ФЯ* и др.; б) призыв к борьбе за билингвизм в Канаде (5) – «En agissant tous ensemble, nos voix finiront bien par être entendues» *Если действовать все вместе, наши голоса в конце концов будут услышаны* и др.; в) критика действий федерального правительства в аспекте принимаемых мер по соблюдению двуязычия (5), в т.ч. лично премьер-министра, в недостаточной степени

владельца ФЯ (3) – «Justin Trudeau ... est loin d'avoir un français irréprochable» *ФЯ Джастина Трюдо далек от безупречного* и др.; г) видение провинции Квебек единственным гарантом двуязычия и оплотом франкофонии в Канаде, убежденность в обреченности франкофонов, проживающих вне Квебека, на языковую ассимиляцию (5) – «C'est précisément parce que le Québec est français que le Canada est bilingue» *Канада билингвальна только потому, что Квебек франкоязычен*, «ils sont en fait des French Canadians voués à l'assimilation finale à plus ou moins court terme» *на самом деле они франко-канадцы, которые рано или поздно будут полностью ассимилированы* и др. (фигурирование в комментарии английского наименования франко-канадцев усиливает посыл автора), при этом обозначено мнение, что франкофоны вне Квебека сами в этом виноваты – «Ces gens acceptent consciemment l'assimilation» *Эти люди осознанно принимают ассимиляцию*.

2) Политические деятели и их владение государственными языками Канады (5): а) убежденность в обязательности владения обоими государственными языками для политика (2) – «certains postes sont obligatoires» *на некоторых должностях [политических] это обязательно* и др.; б) безразличие к тому, двуязычен политик или нет (2) – «Pour moi qu'il soit bilingue ou non m'importe peu» *Мне все равно, двуязычный он или нет* и др.; в) констатация успеха некоторых политиков в овладении ФЯ (1) – «la prononciation en français de Peter MacKay s'est grandement améliorée» *произношение Питера МакКей на ФЯ значительно улучшилось*.

3) Видение англофонов в негативном ключе ввиду исторического пути Канады (4) – «le mépris anglo-saxon vis-à-vis du Québec» *англосаксонское презрение к Квебеку* и др.

4) Экономические аспекты билингвизма (3) – «les coûts du bilinguisme ne sont pas si terribles» *расходы на билингвизм не столь ужасны* и др. – все комментарии подразумевали, что расходы на поддержание двуязычия в Канаде незначительны, и что это не является оправданием для чиновников, нарушающих права франкофонов.

5) Выражение отношения к формуле Bonjour/Hi (3): а) негативное отношение (2) – «Je trouve ça laid» *я нахожу это уродливым* и др.; б) позитивное отношение (1) – «il y a beaucoup de travail à faire dans les autres provinces pour implanter cet accueil dans les deux langues» *нужно проделать много работы в других провинциях, чтобы этот прием на двух языках прижился*.

6) Языковые аспекты функционирования ФЯ в Канаде (2): а) видение шиака креольским языком, а не разновидностью ФЯ– «c'est une nouvelle langue qui porte son propre nom» *это новый язык, который носит свое собственное имя*; б) требование признания права ФЯ на самостоятельное развитие в Канаде – «Le français n'est pas immuable» *ФЯ не неподвижен*.

7) Пояснение сути двуязычия в Канаде (1) – «Le Canada n'est pas bilingue, le Canada a deux langues officielles. La nuance est importante» *Канада не двуязычна, в Канаде два государственных языка. Нюанс важен.*

8) Понимание консолидирующей функции билингвизма (1) – «Le bilinguisme estompe les différences ... on devient amis, et en devenant amis... les chicanes ... disparaissent» *Двуязычие стирает различия ... мы становимся друзьями, а когда становимся друзьями... исчезают разногласия.*

9) Осознание необходимости билингвизма (1) – «Le bilinguisme étant devenu une nécessité» *билингвизм стал необходимостью.*

10) Неэффективность репрессивных мер для достижения двуязычия (1) – «personne n'aime se faire imposer une langue par la force» *никто не любит, когда язык навязывают силой.*

Двуязычие в масштабах провинции (72):

1) Осознание необходимости билингвизма и признание его феноменом, не несущим угрозы квебекской идентичности (21): а) констатация необходимости владения английским языком, далее АЯ (13) – «nous devons conserver notre langue qui est le français! Par contre l'anglais est langue universelle et nous devrions tous la connaître aussi!» *мы должны беречь наш родной язык – ФЯ! Но АЯ – это мировой язык, и мы должны знать его тоже!.*, в т. ч. для карьерного роста (5) – «quel handicap peut devenir ... sur le marché du travail, le fait de ne pas connaître l'anglais» *не говорить на АЯ – это серьезный недостаток на рынке труда* и др.; б) утверждение необходимости билингвального образования в провинции (8) – «le bilinguisme pour pour chaque enfant, un cadeau pour la vie» *билингвизм для каждого ребенка – это дар для дальнейшей жизни* и др.

2) Несоответствие фактической языковой ситуации официально утвержденному одноязычию (18): а) констатация фактической билингвальности Квебека, регресса франкофонии и квебекской идентичности (15) – «Ce qui m'inquiète le plus c'est que le Québec soit de plus en plus bilingue» *Что меня больше всего волнует, так это то, что Квебек становится все более билингвальным*, в т.ч. обеспокоенность качеством ФЯ в Квебеке (5) – «un français ... qui est plus ou moins un anglais traduit en français» *ФЯ, который в той или иной степени АЯ, переведенный на ФЯ* и др.; б) признание собственной вины в текущей языковой ситуации (3) – «Qu'en est-il des Québécois qui massacrent le français?» *разве не сами квебекцы убивают ФЯ?* и др.

3) Утверждение недопустимости двуязычия в провинции (16) – «Le Québec n'est pas une province bilingue. Mais bel et bien une province française» *Квебек – не билингвальная провинция. Но прекрасная французская* и др., в т.ч. в образовательной системе провинции в частности (1) – «les cegeps anglophones ne devraient accueillir que les enfants des parents anglophones. Les autres ... devraient OBLIGATOIREMENT fréquenter des

segeps francophones» *англюязычные колледжи должны принимать только детей англоязычных родителей. Другие ... должны ОБЯЗАТЕЛЬНО посещать франкоязычные колледжи.* Для решения языкового вопроса предлагаются следующие меры: а) возрождение интереса к ФЯ, чувства гордости от владения ФЯ (5) – «Si la population francophone aime le français cet amour sera contagieux!» *Если франкофонное население полюбит ФЯ, эта любовь окажется заразной!* и др.; б) отсоединение Квебека от Канады (4) – «Faisons du Québec un Etat souverain et indépendant ... Tant que nous resterons dans un Canada qui se veut bilingue mais qui fait du français une langue seconde et secondaire nous aurons des problèmes» *Давайте сделаем Квебек суверенным и независимым государством ... Пока мы останемся в Канаде, которая хочет быть двуязычной, но делает ФЯ вторым и второстепенным, у нас будут проблемы* и др.; в) бойкот заведений, где услуги предоставляются на АЯ (3) – «Le seul moyen c'est de sortir de cet endroit et de ne plus y remettre les pieds» *Единственный способ – уйти оттуда и чтоб большие ноги вашей там не было* и др.; г) усиление законодательных мер (2) – «renforcer la loi 101 dans tout les domaines» *усилить закон 101 во всех сферах* и др.

4) Видение положения англофонов в Квебеке (10): а) признание их права на обслуживание на АЯ, так как АЯ является одним из государственных языков Канады (5) – «Je soutiens les "anglais" dans leurs demandes» *Я поддерживаю «англичан» в их требованиях* и др.; б) требование адаптироваться к монолингвальности провинции (5), при этом ранжируется степень категоричности высказывания, от достаточно вежливого «Le Quebec est une province unilingue francophone alors c'est aux anglos de s'adapter un peu» *Квебек является франкоязычной провинцией, так что это англофоны должны немного адаптироваться* до «tabarnac si tu aime pas ma langue demenage» *блин, если тебе не нравится мой язык – переезжай* и др.

5) Принятие любой позиции относительно билингвизма (3) – «parlez la langue qui vous plaît et soyez heureux» *говорите на языке, которым вам нравится и будьте счастливы* и др., в т.ч. в образовании (1) – «laissons les donc étudier dans la langue de leur choix» *пусть они [студенты] учатся на том языке, который выбрали.*

6) Констатация нежелания мигрантов овладевать ФЯ (2) – «les immigrants veulent pas toujours apprendre le français» *иммигранты не всегда хотят учить ФЯ;* «Le Français et ensuite l'Anglais, sinon peu de travail disponible!» *ФЯ и потом АЯ, иначе никаких рабочих мест!* – свидетельство радикальных языковых настроений.

7) Отрицание регресса франкофонии (1) – «Vous ne trouvez pas que vous poussez un peu là? Il y a près de 9 millions de personnes au Québec, dont la vaste majorité est de souche francophone» *Вам не кажется, что вы немного*

преувеличиваете? В Квебеке около 9 миллионов жителей, из них подавляющее большинство – франкофоны.

8) Историческая недолговечность проблемы двуязычия ввиду технического прогресса (1) – «Dans l'avenir, la technologie est capable de faire un appareil de traduction très rapide ... L'obligatoire des bilingues ... est abandonné ... demain ou bientôt» *В будущем, технологии будут способны сделать очень быстрый перевод ... завтра или скоро быть билингом ... будет необязательно.*

На основе представленных данных можно сделать однозначный вывод о большей обеспокоенности фактическим двуязычием в официально монолингвальной провинции, нежели отсутствием двуязычия в Канаде в целом, при этом оценка последнего более единодушна – это критика, возмущение, призывы к борьбе за соблюдение двуязычия, возложение надежд на Квебек как оплот франкофонии. В случае двуязычия в масштабах провинции мнения неоднозначны: это не только неодобрение (с разной степенью категоричности) и обеспокоенность текущей социолингвистической и языковой ситуацией, но и осознание необходимости двуязычия в образовательном и рабочем процессе, т.к. знание двух языков – конкурентное преимущество. Отмечены и абсолютно противоположные мнения по ряду вопросов: насколько необходимо соблюдение двуязычия в разных сферах, имеют ли англофоны провинции право на обслуживание на АЯ и т.п.

Литература

1. Journal de Montréal Facebook URL: <https://www.facebook.com/jdemontreal/> (дата обращения: 14.07.2021)
2. Statistics Canada URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2021/dp-pd/dv-vd/language-langue/index-en.html> (дата обращения: 20.11.2022).
3. Vessey R. Language ideologies and discourses of national identity in Canadian newspapers: a cross-linguistic corpus-assisted discourse study, 2013 URL: https://qmro.qmul.ac.uk/xmlui/bitstream/handle/123456789/8763/Vessey_R_PhD_final.pdf?isAllowed=y&sequence=1 (дата обращения: 12.06.2020)
4. Баранов А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГУ. – Серия 2: Языкознание. – 2017. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-v-lingvisticheskoy-ekspertize-metod-i-istina> (дата обращения: 20.11.2022).
5. Усманова З. А. Квебекская идентичность сквозь призму лингвокультурной парадигмы: дис... канд. филол. наук. – Москва. 2014.

Названия прудов как часть языковой картины мира (на примере микротопонимии Верхнехавского района Воронежской области)

Языковая картина мира – популярный объект исследования в современной филологической науке: по данным сайта ВАК РФ, лишь за последние 10 лет проводились защиты более 130 диссертаций на эту тему.

Существует множество интерпретаций термина «языковая картина мира»; мы понимаем её как «совокупность представлений народа о действительности на определённом этапе развития народа, зафиксированных в единицах языка» (Попова, Стернин 2002, с. 6).

Названия прудов как элемент топонимии (которая является значимой частью языковой картины мира) выбраны нами в качестве предмета описания по нескольким причинам.

Во-первых, эти микротопонимы нередко имеют давнюю историю, но – в отличие, к примеру, от названий природных объектов (болот, ручьёв, холмов, рощ, оврагов) – находятся в активном употреблении и постепенно обновляются, демонстрируя живые языковые и социокультурные процессы.

Во-вторых, подобные исследования представляют большую лингвокраеведческую ценность.

Многочисленные названия прудов Верхнехавского района ещё не изучались комплексно: значительная их часть отсутствует в картотеке (Картотека ...), а ряд названий, зафиксированных в ней, требует уточнения и пояснения.

Материал для нашего исследования был собран в ходе работы со старинными и современными картами, списками населённых мест Воронежской губернии, интернет-источниками (архивы форумов воронежских рыболовов), а также в ходе опросов местных жителей (диалектологические экспедиции), анализа краеведческой литературы и публикаций в СМИ (в частности, Рыданская 2019).

Выявленные микрогидронимы можно условно разделить на шесть групп в зависимости от происхождения и мотивировочных признаков.

Наиболее многочисленна первая группа – микрогидронимы, образованные от названий сёл. Обнаружено 24 пруда, названных по этому признаку. Рассмотрим несколько примеров.

Кареевский (Большой Кареевский, Бибовский/Бибевский) – пруд возле посёлка Николаевка (ранее посёлок имел второе название – *Кареевка/Кареево*) и села Нижняя Маза (ранее оно также имело второе название – *Бибиковка/Бибевская*). К примеру, в «Списке населённых мест Воронежской губернии» 1900 г. указана «*Николаевка (Кареево)*», а на карте

РККА (1930-е – 1940-е гг.) – «*Нижняя Маза (Бибевская)*». Параллельное существование двух названий одного и того же населённого пункта – нередкое явление: как правило, одно из них использовалось местными жителями, другое было закреплено в качестве официального. В некоторых сёлах Воронежской области это явление сохранилось до сих пор.

Названия *Кареевка* и *Бибиковка* образованы, предположительно, от фамилий владельцев – дворян Кареевых и Бибиковых.

Примечательно, что местные жители называют пруд Большим Кареевским (название *Бибевский/Бибовский* также используется ими как вариант), а на спутниковых картах и в статье, опубликованной на сайте РИА «Воронеж», он обозначен как *Кареевский* без определительного слова.

Рядом с Большим Кареевским расположен другой пруд: местные жители называют его *Малым Кареевским*, а на интернет-форумах воронежских рыболовов он именуется *Николаевским*, или *Николаевкой*.

Здесь наблюдается, во-первых, типичная для топонимии бинарная оппозиция *большой/малый*; во-вторых – постепенное упрощение структуры микропонима (действие закона экономии речевых средств). В случае с *Малым Кареевским* отмечается также замена микропонима на более мотивированный с точки зрения говорящих: для того, кто не является местным жителем, представляется наиболее удобным соотносить небольшой водный объект с близлежащим населённым пунктом. Применительно к более крупным объектам – например, рекам – действует противоположный принцип: так, село Нижняя Маза названо по реке Мазе.

Лантевский (Ланти, Ключ, Ключи) – пруд возле хутора Эртель. В 1968 г. в состав хутора вошла соседняя деревня Васильевка, носившая второе название – *Лантевка* (Березуцкий 2014, с. 426).

Лантевский – общеупотребительное название пруда. Около 2009 г. там открылся спортивно-рыболовный комплекс «Серебряный ключ», и воронежские рыболовы стали периодически именовать пруд «*Ключ*», «*на Ключах*»; название *Лантевский* в их обиходе при этом сохраняется.

Пруд разделяется автотрассой на две части, поэтому рыболовы также называют его *Лантевские пруды* и *Ланти*.

В названии пруда отражено не только действие закона экономии речевых средств, здесь наблюдается адаптация искусственно созданного названия – «Серебряный ключ» – к живой речи. Оно приводится в соответствие с топонимической системой, давно сложившейся в языке: ср. многочисленные названия сёл *Ключик, Ключики, Ключи*. Пруды и озёра в топонимии нередко сопоставляются с предметами одежды и обуви из-за характерной формы: ср. пруд *Чёрный Лапоть* (Донецкая область), пруды и озёра с названием *Штаны* (Воронежская, Липецкая, Белгородская, Тульская области, Краснодарский край и др.). Такая аналогия может прослеживаться и в образовании формы *Ланти*, хотя мотивировочный признак этого микрогидронима был иным – расположение вблизи

населённого пункта. Деревня Лаптевка, судя по типичному суффиксу *-ев-*, названа по фамилии владельца.

Змеёвский – пруд в окрестностях села Нижняя Маза, возле исчезнувшего в 1990-е гг. посёлка Новомихайловка 2-я. Местные жители называли посёлок Змеёвкой (Холоденкова 2016, с. 5) – возможно, это и было его первоначальным наименованием: в списках 1859 г. указано «сельцо Змиевка»; 1900 г. – «сельцо Ново-Михайловское 2-е (Змиевка)». По-видимому, топоним образован от фамилии дворянина-землевладельца (Змиёв).

Название пруда активно используется рыбаками, его вариантов не обнаружено. Подобное непреднамеренное сохранение названий исчезнувших поселений – распространённое явление в микротопонимии.

Вторую условную группу составляют микрогидронимы, образованные от антропонимов без «посредства» названий сёл.

Алимовский – пруд возле с. Верхняя Хава, названный по имени «князя», который «запрудил плотину» (Толбина 2003, с. 151). Балка, где находится пруд, на карте 1989 г. обозначена как *Алимовка*: перенос названия русла на расположенный в нём пруд встречается весьма часто.

Евгешин (возле с. Грушино) – назван в 1900-х гг. или немного раньше по имени владелицы, Евгении Крашенинниковой (Березуцкий 2014, с. 358). «Вот такая легенда бытовала среди местных жителей в 80-е – 90-е годы XX века... [Хозяйка имения якобы] была слепой и часто любила сидеть на берегу этого пруда и плести корзины»; «Жену Антона Николаевича [Крашенинникова] действительно звали *Евгения*. Глядя на многочисленные фотографии, мы видим её в очках» (сведения, собранные учащимися Спасской СОШ под руководством А.Н. Мочаловой).

Жекин/Жекино (возле с. Никоново) – название произошло от имени *Евгений*, причём местные жители соотносят его с разными людьми: «Руководит им *Женя* Лимонов, у них он за огородом. Он и сейчас, этот Женя, правит, порядок наводит»; «*Женька* Локтев был, и он там тонул, в ключике. А потом *Женька* Лимонов его [пруд] стал облагораживать, и дамбу сделали»; «Это *Жека*, как его – вспомнил, Козлов, – открыл там купель [купальное место]» (экспедиционные записи 2013 г.).

Иван Семёныч (в пос. НИИОХ) – назван «в честь приказчика» (Мочалова 2014, с. 39).

Попов (возле с. Верхняя Хава) – находится «на территории, принадлежавшей барину Попову» (Картотека ...).

Пота'мушкины пруды (в с. Марьевка Сухогаёвского сельского поселения) – название образовано от прозвища: «У нас был помещик – его почему-то *Потамушкин*...» (экспедиционная запись 2016 г.). Прозвище, в свою очередь, произведено от фамилии помещика – *Потамошнев*; у него были непростые отношения с крестьянами (Березуцкий 2014, с. 208).

Чуми'нка (в с. Плясоватка) – по словам местных жителей, пруд получил название по дворовому прозвищу семьи, чей дом находился рядом.

Несмотря на немногочисленность гидронимов этой группы (приведён полный список), они наглядно показывают, что в качестве основы микропонима может выступать практически любая разновидность антропонима: личное имя, фамилия, индивидуальное или дворовое прозвище, сочетание имени и отчества. Сведения о людях, которым они принадлежали, утрачиваются довольно быстро, заменяясь преданиями (принцип народной этимологии), но сами микропонимы могут сохраняться в течение нескольких столетий.

В третью группу входят названия, указывающие на принадлежность прудов бывшим колхозам или совхозам:

Колхозка/Колхозный (пруд возле с. Васильевка 1-я), **Колхозный** (в с. Грушино), **Совхозный** (в с. Парижская Коммуна), **Партизанский/Партизанка** (в пос. Верхняя Маза, где существовал колхоз «Красный партизан»), **Правдинский** (возле с. Верхняя Хава, где находился колхоз «Правда»).

Последний из перечисленных онимов иногда употребляется во множественном числе – **Правдинские пруды**, т. к. водоём разделяется плотиной надвое. Воронежские рыболовы называют его части «верхним» и «нижним» прудами, когда требуется объяснить их местоположение; но эти обозначения ещё не закрепились в качестве собственных имён. Наблюдается формирование топонимов по принципу бинарной оппозиции.

В целом данная группа микрогидронимов сопоставима с первой – точнее, с теми её элементами, которые содержат в себе названия исчезнувших сёл. Различие в том, что наименования колхозов представляют собой искусственно созданные, а не возникшие стихийно в народной речи обозначения. Тем не менее они оказываются встроенными в топонимическую систему.

К четвёртой группе относятся названия, указывающие на использование прудов в хозяйстве или на их расположение вблизи предприятий и инфраструктурных объектов:

Аквариум (пруд в пос. НИИОХ) – «назван так, потому что там разводили рыб» (Мочалова 2014, с. 39); **Алюминиевый** (возле д. Семёновка 2-я) – по словам жителей соседних сёл, он «был под контролем Воронежского алюминиевого завода»; **Кирпичный** (возле с. Верхняя Хава) – «вроде раньше около него был кирпичный заводик»; **Курытник** (возле пос. Вишнёвка) – «рядом находилась птицеферма» (Мочалова 2014, с. 39); **Магазинский** (в с. Углянец); **Подсобный** (возле пос. Лукичёвка); **Привокзальный** (в с. Верхняя Хава); **Рыбхоз-64** (возле с. Правая Хава); **Свиной** (в с. Верхняя Хава); **Сельхозтехника** (возле с. Верхняя Хава).

Примечательно значение слова *аквариум* – «место, где выращивают рыб»; возможно, это локальный диалектизм. Также требует уточнения

название *Рыбхоз-64*: в речь воронежских рыболовов официальное обозначение вошло без изменений, но неизвестно, в какой форме его используют жители Правой Хавы.

Относительное разнообразие микрогидронимов данной группы объясняется очевидными причинами: пруды – искусственно созданные водоёмы, предназначавшиеся в основном для хозяйственных нужд.

В пятую группу входят названия, отражающие природные особенности прудов:

Байкал (в посёлке НИИОХ) – «самый чистый и большой» (Мочалова 2014, с. 39); **Берёзки** (возле с. Парижская Коммуна; второе название пруда – *Старый*); **Гнутый** (в с. Углянец); **Закоряженный** (возле пос. Владимировка); **Заросший** (возле с. Парижская Коммуна); **Крутой** (в с. Нижняя Байгора); **Крутой Лог** (возле пос. Приобретёнка); **Яблоневый** (возле пос. Владимировка).

Можно обозначить следующие мотивировочные признаки: *особенности растительности*, в том числе значимые для рыболовства: так, на Закоряженном пруду «коряжник сплошной вдоль противоположного берега... Один раз даже пришлось заплывать, чтоб убрать бревно, которое никак не давало ловить» (Рыболовный форум, 2017); *особенности рельефа*: к примеру, балка, в которой находится пруд Крутой Лог, на карте 1780 г. обозначена как «овраг Крутой»; *характерная форма* (Гнутый); *свойства воды*: в микрогидрониме *Байкал* отражены устойчивые ассоциации, связанные с известным озером.

Шестую группу составляют 18 названий неуточнённого происхождения. Приведём несколько примеров.

Ви'ница – пруд в с. Углянец, появившийся в 1969 г. (Качановская 2016, с. 409). Однако название русла, где он расположен, возникло ещё до Октябрьской революции: в автобиографической повести В.А. Кораблинова, уроженца с. Углянец, упоминается небольшое лесное озеро «со звонким названьем Винница» (Кораблинов 1977). Некоторые жители называют это русло «речкой Винницей»: «Продам дом под снос... На расстоянии 200 метров от дома находится речка Винница» (из объявлений). На карте 1780 г. указано, что в Углянце располагался винокуренный завод, – название могло быть связано с ним.

Грачёв – пруд возле с. Верхняя Хава. На карте 1780 г. балка, в которой он расположен, обозначена как «вершина Грачева», однако не удалось установить, связано ли её название с гнездовьями грачей или фамилией *Грачёв*.

Жирки (Жирные Щи, Помидорный, Новый) – пруд возле с. Парижская Коммуна. Название *Новый* дано по принципу бинарной оппозиции: по словам местных жителей, пруд появился около 1976 года, когда в том же русле уже существовал пруд **Берёзки** (вероятно, тогда пруд *Берёзки* получил своё второе название – *Старый*). Название *Новый* используется

рыболовами соседнего села Никоново, но местные жители и многие воронежские рыболовы называют пруд *Жирками* и *Жирными Щами*. Происхождение этих названий пока не удалось выяснить.

Помидорный – наиболее позднее название, предположительно связанное с тем, что поблизости выращивали томаты; возможно, оно было дано искусственно (ср. «Серебряный ключ»), но кем и когда именно, неизвестно. В 2016 г. участники рыболовного форума, среди которых есть и жители Верхнехавского района, дискутировали о том, какое название пруда считать «официальным»: «Мне, допустим, режет ухо предыдущее название (*Помидорный*), так как с детства помню, что его называли по-другому», «Помидоры на поле рядом с прудом были лет семь назад. Сегодня там кукуруза, в прошлом году картошка. Ну не менять же теперь названия каждый год... Пруд всегда называли Жирные Щи, или, по-другому, Жирки, а второй пруд всегда был Берёзками» (Рыболовный форум, 2016).

Названия прудов Верхнехавского района иллюстрируют следующие особенности языковой картины мира:

– устойчивость: отвержение тех новых названий, которые являются немотивированными с точки зрения говорящих; адаптация «искусственных» названий к сложившейся топонимической системе; формирование новых микрогидронимов по уже существующим моделям; сохранение прежних названий в течение столетий даже при утрате мотивировочных признаков. Устойчивость проявляется несмотря на то, что сами названия прудов – не «застывшая», а во многом динамично развивающаяся группа лексики;

– «встроенность» региональной картины мира в общезыковую: наличие типичных пространственных и временных оппозиций (*нижний/верхний*, *большой/малый*, *старый/новый*); наличие устойчивых ассоциаций и соотносённостей («Байкал» – «чистый»)

– различие между узколокальной и региональной картинами мира: местные жители и те, кто ими не является, используют различные названия одного и того же объекта;

– антропоцентричность: преобладают микрогидронимы, образованные от названий населённых пунктов либо связанные с хозяйственной деятельностью. Если микрогидроним называет природное свойство объекта, оно зачастую тоже является значимым для человеческой деятельности (*Закоряженный* – название-«предупреждение»).

Как и другие топонимы, названия прудов сохраняют множество сведений об истории края, антропонимиконе его жителей, их быте и – в определённой мере – мировосприятии.

Литература

1. Retromap / Старые карты России и зарубежья: <http://retromap.ru/> [Дата обращения: 07.12.2022].
2. Березуцкий В.Д., Зацепин А.А. Очерки истории Верхнехавской земли: факты, события, люди. – Воронеж: «Кварта», 2014.

3. Воронежская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. – СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1865.
4. Картотека «Словаря воронежских говоров» Воронежского государственного университета. Собрана студентами в ходе диалектологических экспедиций. Хранится на кафедре славянской филологии филологического факультета Воронежского государственного университета.
5. Качановская Н. Микропонимия села Углянец Верхнехавского района Воронежской области // Воронежское лингвокраеведение. Вып. 3. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: ВГУ, 2016. – С. 407–409.
6. Кораблинов В.А. Азорские острова. – Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1977.
7. Мочалова Н.А., Павельева О. Микропонимика сёл Спасское сельского поселения // Топонимика Воронежского края. Сборник материалов областной конференции обучающихся «Историческая и «легендарная» топонимика Воронежского края». – Воронеж: Тетра Согу, 2014. – С. 39–42.
8. Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. – Воронеж: Издание Воронежского губернского земства, 1900.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Концептосфера и картина мира // Язык и национальное сознание. – Вып.3. – Воронеж: Истоки, 2002. – С. 4-8.
10. Рыболовный форум: рыбалка в Воронеже и Воронежской области // Воронежский рыболовный клуб Minnow.ru: <https://minnow.ru/> [Дата обращения: 05.12.2022].
11. Рыданская Е. Нетихий омут. Как жители Воронежской области не отдали федеральный пруд под рыбхоз // РИА «Воронеж». – 27 сентября 2019. – <https://riavrn.ru/districts/verhnehavsky/> [Дата обращения: 07.12.2022].
12. Тонбина Т.В. Микропонимия Воронежской области: особенности номинации: дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 2003.
13. Холоденкова Е. Жители исчезнувшего села собрались спустя много лет // Верхнехавские рубежи. – № 75 (100238). – 11 октября 2016 г. – С. 5.
14. ЭтоМесто» – старые карты России и мира онлайн: <http://www.etomesto.ru/> [Дата обращения: 07.12.2022].

Е.А. Пляскова

Репрезентация глупости в русских и немецких компаративных фразеологизмах

Национальная специфика фразеологических единиц постоянно привлекает внимание исследователей. Почему русские говорят *тупой как валенок*, а немцы – *глуп как бобовая солома*? Почему для нас олицетворением глупости является *сивый мерин* и *баран*, для немцев – *бык* и *корова*, для болгар – *гусь* или *гусыня*, а для вьетнамцев – *собака* и *свинья* и т.д.?

«Лексика и фразеология, номинирующая простофиль и невеж, обезумевших временно и сумасшедших постоянно, юродивых и шутов, тугодумов и «просто дураков», составляет огромный массив в экспрессивном фоне любого языка в каждой форме его существования:

пожалуй, никакая другая семантическая область не имеет столько словесных репрезентаций на единицу смысла» (Березович 2007, с. 137).

Как утверждает Е.Л. Березович, оценка «глупости как феномена человеческого сознания и самих дураков <...> гораздо меньше зависит от каких-либо «культурных обстоятельств», чем представления о прочих характеристиках человека «духовного» и «социального». <...> целый ряд базовых метафор <...> встречается в разных языковых культурах и в разные эпохи» (Березович 2007, с. 138).

Рассмотрим универсальность и национальную специфику репрезентации глупости в русском и немецком языках на примере компаративных фразеологизмов, характеризующих интеллектуальные качества человека.

Для описания интеллектуальных качеств (глупости) созданы «множество вторичных (образных номинаций, обнаруживающих круг значимых для номинатора (в данное время в данном пространстве и в данном социуме) реалий и явлений, отражающихся в метафорах» (Березович 2007, с. 138).

Для фразеологии характерно сравнение человека с другими объектами в целях определения его интеллектуальных способностей.

В разных культурах эталоном глупости являются разные животные: *мерин, бык, козел, корова, гусь* и др. В русском языке одним из самых распространенных выражений является просторечное *глуп как сивый мерин*. Образ фразеологизма мотивирован распространённым в народе поверьем, что сивая лошадь (прилагательное *сивый* «светло-серый, седой» указывает на старость животного) – глупая. «Крестьяне никогда не прокладывали первую борозду на сивом мерине, т.к. считалось, что он обязательно ошибётся» (Большой фразеологический словарь 2006, с. 311).

Глупым, бестолковым считается в русской культуре и *баран*. Ср.: *глуп как баран; стадо баранов* «о тех, кто, не имея собственного мнения, слепо следует за кем-нибудь, чем-нибудь»; *как баран на новые ворота (смотреть, уставиться)* «с недоумением, ничего не понимая, не соображая ничего; растерянно, глуповато (уставиться, смотреть и т. п.)». Образ фразеологизма объясняется некоторыми поведенческими особенностями данных животных. Овцы пользуются несколькими простыми рефлексам, изменить которые очень трудно. В новой обстановке они осваиваются очень медленно (Энциклопедия животных, URL). «Такое свойство человека, как неумение разобраться в неожиданно возникшей ситуации, уподоблено свойствам, которые человек "приписал" барану, – тупости, ограниченности» (Большой фразеологический словарь 2006, с. 290). Баран и овца издавна служат символом глупости. Это сравнение употребляли еще древние греки (Бирих 1998, с. 42). Сейчас оно известно многим языкам, см., например, польск. *jak stado baranów*, чешск. *hloupý jako beran* и др.

В немецкой культуре глупость ассоциируется с быком: *dumm wie ein Ochse* (глуп как бык); *wie der Ochse am Berge stehen* (стоять как бык на горе) «в недоумении, в растерянности, глуповато». Есть и другие варианты этого фразеологизма: *dastehen wie ein Ochse vorm neuen (Scheunen) Tor / vor der Apotheke / vor dem Berg* (стоять, как бык / вол перед новыми (красивыми) воротами / перед аптекой / перед горой).

Также для характеристики глупого человека в немецкой культуре служат осёл и козёл: *dumm wie ein Bock* (глупый как козел); *dastehen wie der Esel vor der Schmiede* (стоять, как осел перед кузницей); *wie ein Esel am Berg / vor dem Berg stehen* (стоять, как осёл на горе / перед горой) Ср. также многочисленные неомпаративные фразеологизмы и пословицы: *du bist ein Esel, ein dummer Esel* (глупый осёл); *das würde ein Esel begreifen* (это и осёл поймёт); *j-m einen Esel bohren* (намекнуть кому-л., что его считают дураком); *das hieß den Esel Griechisch lehren* разг. (это всё равно, что осла учить греческому языку) «это напрасный труд»; *den Esel erkennt man an den Ohren* (осла узнают по ушам) «глупость трудно скрыть»; *Was man dem Esel predigt, ist verloren* (Проповедывать ослу – время потерять); *Als Esel geboren, als Esel gestorben* (Родился ослом и умрёт ослом); *Ein Esel bleibt ein Esel, und käm' er nach Rom* (Осёл останется ослом, даже если придёт в Рим) (Буренкова 2008, с. 35). Образ осла для обозначения глупого человека, употреблялся уже у римлян (Das Wörterbuch der Idiome: URL).

Глупые женщины в немецком сравниваются с гусём / гусыней (слово *Gans* в немецком языке женского рода): *eine dumme / alberne Gans* (глупая гусыня) «дура, дуреха». См. также следующие фразеологизмы: *dastehen wie die Gans / die Gänse, wenn's donnert* (стоять как гусь / гуси, когда грохочет гром) «быть в недоумении, в растерянности» (чаще о женщинах); *aussehen / das Gesicht machen wie die Gans, wenn's wetterleuchtet / donnert* (выглядеть, как гусь, когда сверкает молния / гремит гром) «иметь глупый вид» и его варианты *wie eine Ente, wenn's wetterleuchtet* (как утка, когда сверкает молния), *ein Gesicht machen, wie die Katze, wenn's donnert* (как кошка, когда гремит гром) «ничего не понимать в чём-либо». Здесь уже эталоном глупости является не само животное (как видим, варианты могут быть разные), а ситуация, в которую они попадают.

Также одним из эталонов глупости в немецкой культуре является корова: *dastehen wie die Kuh vorm neuen Tor / etwas ansehen wie die Kuh das neue Tor* (стоять как корова перед новыми воротами / смотреть на что-либо как корова на новые ворота). Образ коровы используется во многих немецких пословицах и фразеологизмах, например: *dumme Kuh* (бран.) «дура»; *einen Geschmack wie eine Kuh haben* (иметь вкус, как у коровы) «плохой вкус».

Образы некоторых фразеологизмов основаны на ироничном совмещении животной и человеческой ипостасей: животные не разбираются в бытовых вопросах человеческой жизни. Рус. *разбираться как свинья в апельсинах*;

нем. *verstehen wie die Kuh vom Sonntag* (иметь представление о чем-либо, как корова о воскресенье); *verstehen wie die Kuh vom Radfahren* (иметь представление о чём-либо как корова в езде на велосипеде); *verstehen wie die Kuh vom Schachspielen* (иметь представление о чем-либо как корова об игре в шахматы); *etw. wissen / verstehen wie ein Nashorn vom Zitherspiel* (разбираться в чем-либо / знать, понимать что-либо, как носорог в игре на цитре; лексема *Nashorn* имеет также в немецком языке переносное значение «дурак» (*бран.*)); *Wie ein Schwein ins Uhrwerk schauen / dasitzen* (смотреть как свинья на часовой механизм / сидеть как свинья перед часовым механизмом) и др.

Некоторые немецкие фразеологизмы основаны на ироничном смешении функций разных животных: *so viel von etw. verstehen / reden wie die Kuh vom Eierlegen* (иметь представление о чём-либо / говорить о чём-либо как корова о том, как надо откладывать яйца); *so viel Ahnung von etwas haben / verstehen wie der Hahn vom Eierlegen* (иметь представление о чём-либо / понимать что-либо, как петух о том, как откладывать яйца).

Интересен фразеологизм *dumm wie Bettelmanns Katze* – глуп, как кошка нищего, потому что она остается с ним, хотя ему нечем ее кормить.

Многочисленны также сравнения глупого человека с объектами растительного мира: *глуп как бревно, глуп как пень, дубина стоеросовая, пенёк с ушами, тупой как дуб* (обычно о мужчине, крайне глупом) и др. Вариант фразеологизма *глуп как пробка* восходит к пословице *Глуп как пробка, куда воткнёшь – там и торчит*. «Непонимание глупым человеком происходящего, неумение осознать простейшую ситуацию осмысливается в русской культуре как его инаковость, которая выражается в образах не только «деревянного», но и другого, не свойственного человеческой природе материала, из которого он оказался «сделан»» (Ковшова 2012, с. 192-193).

Аналогичные фразеологизмы есть и в немецком языке: *dumm wie ein Bohnenstroh* (глупый как бобовая солома) / *dumm wie ein Bund Stroh* (глуп как пучок соломы). Ср. также: *Stroh im Kopf haben* (иметь солому в голове), *ein Strohkopf sein* (быть соломенной головой). Образ фразеологизма мотивирован крестьянским бытом. Бедняки раньше из-за отсутствия соломы использовали в качестве подстилки для сна сплетения из сухих бобовых усиков, которые ничего не стоили (Das Wörterbuch der Idiome, URL). Эта «бесценность» соломы затем была перенесена на интеллектуальные качества человека.

Для описания глупости создаётся множество образных номинаций, связанных не только с растительным и животным миром, но и с предметами быта. *Тупой как (сибирский) валенок*: округлая (тупая) форма валенка во фразеологизме метафорически переосмысливается как интеллектуальная недалёкость человека. В прилагательном *тупой* наблюдается развитие значения от формы – к содержанию. Аналогичное

развитие значения наблюдается в немецком фразеологизме *dumm wie Brot* (тупой / глупый как хлеб).

Что касается «обувных» эталонов, то в немецком языке используется фразеологизм *dumm wie ein Stiefel* (глупый как сапог). Как выражение глупости, бессмыслицы *canog* широко используется в устной речи *einen Stiefel zusammenreden*, т.е. наговорить глупостей (Das Wörterbuch der Idiome, URL).

В русских диалектах используются и другие названия обуви (лапти, опорина – «поношенная обувь» и др.). «Вовлечение «обувной» метафоры в сферу переносных обозначений интеллекта человека вполне естественно: в семантической структуре слов, обозначающих виды обуви, потенциально присутствует сема низа, контакта с землёй, которая может дать негативные коннотации. В данном случае этот «низменный» смысл усиливается и конкретизируется тем, что обувь наиболее «удалена» от головы и является своеобразным антиподом последней. «Обувная» метафора имеет ещё и сильную социальную привязку, поскольку большая часть представленных наименований дурака содержит отсылку именно к крестьянской обуви, а с образом деревенского жителя в языке «низовой культуры» связаны коннотации «темноты», необразованности, неграмотности, невежественности» (Березович 2007, с. 141). Автор также подчёркивает, что в говорах используются большей частью названия старой, поношенной обуви, а «модель „глупый человек ← обувь“ обнаруживает взаимодействие с моделью „глупый человек ← мусор“» (Березович 2007, с. 142).

Использование «мусорной» метафоры автор объясняет «общим прагматизмом традиционной картины мира, для которой плохое может концептуализироваться как негодное в хозяйстве» (Березович 2007, с. 141).

В качестве эталона глупости в немецких фразеологизмах может выступать собственное имя, например: *wie sich s der kleine Moritz vorstellt* (как это представляет себе маленький Мориц) «наивное обывательское представление о чём-либо». В основе образа фразеологизма лежит серия рисунков известного немецкого карикатуриста XIX в. А. Оберлендера под названием «*Heimliche Randzeichnungen aus dem Schreibhefte des kleinen Moritz*» («Зарисовки из записной книжки малыша Морица»), на которых десятилетний мальчик Мориц изображает окружающий его мир так, как он его понимает и воспринимает. В современном немецком языке *der kleine Moritz* стал символизировать наивного, недалёкого человек (Das Wörterbuch der Idiome, URL).

Таким образом, анализ русских и немецких компаративных фразеологизмов, характеризующих интеллектуальные качества человека, позволяет выделить универсальное и национально специфическое в репрезентации глупости в разных культурах. При общем совпадении в сравнении интеллектуального потенциала человека с животными,

объектами растительного мира, предметами быта, основанном на сходстве мышления, конкретный набор образов-эталонов значительно различается, что отражает особенности восприятия окружающего мира разными народами, их социально-бытовые, географические и проч. условия.

Литература

1. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М.: Индрик, 2007.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб: Фолио-Пресс, 1998.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / [под ред. В. Н. Телия]. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
4. Буренкова С.В. Зооморфные образы немецкой и русской фразеологии // Вестник Челябинского государственного ун-та. – 2008. – № 30 (131). – С. 29-40.
5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
6. Энциклопедия животных [Электронный ресурс] – <http://www.animalsglobe.ru/ovtsy/> (Дата обращения: 6.12.2022)
7. Das Wörterbuch der Idiome [Электронный ресурс]. – <http://idiome.de-academic.com> (Дата обращения: 6.12.2022)

Е.Н. Подтележникова

Потусторонний язык «Розы мира» Даниила Андреева: русский или хинди?

Даниил Андреев — русский поэт, писатель, визионер, создатель мистического сочинения «Роза мира» (Андреев 1992), которое ставят в один ряд с такими произведениями, как «Тайная доктрина» Е.П. Блаватской, «Живая этика» Е. Рерих и «Две жизни» К. Антаровой. Как отмечает А.И. Палей, ««Розу Мира» писал не холодный, расчетливый, сильный ум, а страстный, живой, искренне верующий, возможно в чем-то и заблуждающийся, но вдохновленный своими озарениями мистик и поэт» (Палей 2001, с. 311). В этом смысле роман сближается с трилогией К. Антаровой «Две жизни», лингвистический анализ которого позволил выделить «семь ликов радости» (Подтележникова, Тютюнникова 2021).

Объектом данного исследования является потусторонний язык, явившийся в видениях Д. Андрееву и характеризующий различные явления потустороннего мира, описанного в романе. В предыдущих работах (Шмальц, Подтележникова 2017; Шмальц, Подтележникова 2018) представлена методика выделения этого языка и идеографический словарь, созданный на его основе. Типологическая классификация потустороннего языка Д. Андреева предполагает обращение к лингвоконструированию, в рамках которого выделяются такие искусственные языки, как ауксланги

(языки международного общения), логланги (логические языки), энджланги (философские языки), артланги (языки, созданные для вымышленных миров) (Кликушина, Мутулова 2021). Очевидно, что потусторонний язык Д. Андреева занимает особое место среди других искусственных языков и может быть выделен в отдельный тип, близкий, но не сводимый, к артлангам, т.к. это не просто язык художественной литературы, а язык, услышанный автором во время видений и представленный в романе.

В данной работе предпринимается попытка классификации потустороннего языка Д. Андреева с учётом фонетических закономерностей и с опорой на анализ звуковых цепей, изложенный В.В. Шеворошкиным в книге «Звуковые цепи в языках мира» (Шеворошкин 2004). Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что язык Д. Андреева может в какой-то мере соответствовать одному из языков Индии ввиду определенного формального сходства. На первом этапе исследования (проведенным совместно с Р.В. Шмальцем) необходимо было определить такие параметры, как соотношение согласных звуков к гласным и типичную структуру слога.

Как известно, «звуковая картина языка сильно зависит от частоты встречаемости согласных и гласных. Соотношение частоты встречаемости согласных к частоте встречаемости гласных называется консонантным коэффициентом» (Тамбовцев 2010, с. 109). К языкам консонантного типа относятся языки с высоким показателем консонантного коэффициента и, соответственно, языки с низким его показателем относятся к языкам вокалического типа (Тамбовцев 1987). Считается, что в мире больше языков именно с первым типом слога. К звуковым цепям начала слова относятся: C-; CC-; CCC- (CCCC-); TR-, SR-, CR-, TS-, TT-, TSC-, где C – консонант, T – смычный, R – сонорный, S – спирант. Самая многочисленная группа – это следования элементов в корне слова: -CC-, -CCC-, -RC-, -CR-, -SC-, -CS-, -NC-, -TT-, -ST-, -NT-, -RT-, -RR-, -TST-, -VV-, -VVV-, где N- носовой. В конце слова встречаются следующие звуковые цепи: -C, -CC, -CCC, -NC, -R, -V. Структура слога бывает разной: от самых простых - CV, CVC, VCV), до сложных - (C)VCCV(C), где звуки в скобках могут быть не выражены.

Для анализа звуковых цепей слов потустороннего языка Д. Андреева был проведён фонетический разбор всех 239 лемм потустороннего языка, выявлена типичная структура слога и определены наиболее частотные звуковые цепи. Для этого все слова потусторонней лексики были транскрибированы вручную, так как программные платформы, к сожалению, не давали желаемого качественного результата. В зависимости от положения звуковой цепи высчитывалась встречаемость каждой цепи в словах потусторонней лексики, затем встречаемость всех звуковых цепей для данной позиции в слове суммировалась, и вычислялось среднее

арифметическое. Так как количество звуковых цепей для каждой части слова и их встречаемость разные, описанным способом была достигнута определенная объективность.

В качестве примера рассмотрим слово *Аримойя* [ар'имойа] – 'ныне создаваемый затомис (небесная страна) общечеловеческой культуры и новой, общечеловеческой религии Розы Мира'. Фонетическая структура слова - *vcvcvcv*, где видна чёткая закономерность повторяющейся структуры слога *vc*. Так мы получили фонетическую структуру слога всех слов потусторонней лексики.

Количественный анализ позволил выделить 857 консонантов и 577 вокалов в словах потустороннего языка; соотношение С:V равняется 1.485. Таким образом, полученные результаты позволяют отнести потустороннюю лексику к языкам консонантного типа.

Анализ структуры слога показал, что наиболее частотной является структура *cv* – 43.9%: *Дэван* – 'шрастр доисламской метакультуры Ирана'; *Лигея* - 'мир сакуалы инвольтаций Ориона'; *Затомис* – 'высшие слои всех метакультур человечества, их небесные страны, опора народоводительствующих сил, обители синклитов'; *Нигойда* – 'мир коллективных душ насекомых и простейших'. Следующая по встречаемости структура *сvc* – 24.8%: *Бубгиш* - 'шрастр Гондваны'; *Витреч* – 'планетарная ночь, дрящящаяся от начала формирования Шаданакара до конца существования нашей планеты в Энрофе, то есть до истечения второго (будущего) зона'; *Шатриттва* – 'один из миров, наивысший аспект индуистского трансмифа, обиталище многих иерархий индуистского пантеона'. Встречаемость остальных структур колеблется от десятых долей до 9%.

Средняя длина слова потустороннего языка составляет всего 4.3 буквы. Самое длинное слово *Арунгильта-прана* (безличная, бессознательная тонкоматериальная субстанция, разлитая в Энрофе и мирах эфирной материальности, переливающаяся из тела в тело и обеспечивающая возможность индивидуальных органических существований; чувство присутствия арунгильты-праны было осью душевной жизни праанимистического человечества и являлось, по-видимому, древнейшим из откровений) состоит из 16 букв. Индекс эвфонии или благозвучия звуковой цепочки потустороннего языка программные алгоритмы текстового редактора определили как 88.2 из 100.

Следует отметить, что труд В.В. Шеворошкина, к сожалению, не даёт нам исчерпывающий ответ на вопрос, выражена ли данная универсалия непосредственно в каждом из языков мира или нет, поэтому очень многие ячейки таблицы остались после анализа книги пустыми. Однако с данной проблемой в некоторой степени помог справиться такой лингвистический интернет ресурс как *Ethnologue: Languages of the World*, в котором есть некоторые данные по языкам мира, а также *The World Atlas of Language*

Structures, где в формализованном виде имеется значительный объем данных по языкам мира, как по морфологии, так и по фонетике.

Наибольшее количество совпадений наблюдается у потустороннего языка с на-дене и индо-европейскими языками. Следует отметить, что хотя палеоазиатские и афразийские языки имеют 63% совпадений с потусторонним языком, они слишком сильно отличаются по соотношению C:V от потусторонней лексики: 1.7 и 1.1.5 соответственно, в то время как у потусторонней лексики этот коэффициент составляет 1.485. Это позволяет исключить палеоазиатские и афразийские языки из рассмотрения.

В результате исследования мы пришли к выводу о том, что исходная гипотеза о связи потустороннего языка Д. Андреева и языков Индии не оправдалась, поскольку он имеет наибольшие сходства с консонантными индейскими языками Северной Америки, а именно на-дене и салишскими. Кроме того, потусторонний язык Д. Андреева более чем наполовину совпадает с индоевропейскими языками, а значит, тяготеет к русскому языку.

Литература

1. Андреев Д.Л. Роза Мира. – М.: Иной мир, 1992.
2. Кликушина Т.Г., Мугулова О.А. Роль, значение и классификация искусственных языков, используемых для оздания вымышленных миров // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова, 2021. – С. 167-172.
3. Палей А.И. Идейное наследие Даниила Андреева (proetcontra): постановка проблемы // Континент. – 2001. – Вып. 109. – С. 290 – 340.
4. Подтележникова Е.Н., Тютюнникова Д.Ю. Семь ликов радости (лексико-синтаксический анализ романа К. Антаровой «Две жизни») // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 19. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. – С. 124-132.
5. Тамбовцев Ю.А. Консонантный коэффициент в языках разных семей: дисс. канд. филол. наук. – Новосибирск, 1987.
6. Тамбовцев Ю.А. Эвфония звуковой цепочки языка // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 108-115.
7. Шеворошкин В.В. Звуковые цепи в языках мира. – М.: Эдиториал УРСС, 2004.
8. Шмальц Р.В., Подтележникова Е.Н. Идеографический словарь потустороннего языка «Розы мира» Д. Андреева // Информатика: проблемы, методология, технологии: материалы XVII международной научно-методической конференции (9-10 февраля 2017 г.). – Воронеж, 2017. – С. 269-272.
9. Шмальц Р.В., Подтележникова Е.Н. Protege как способ визуализации лексикографической информации // Информатика: проблемы, методология, технологии: сборник материалов XVII международной научно-методической конференции: в 6 т. – Воронеж, 2018. – Т. 6. – С. 40-43.

М.Л. Пришельцева

Языковые тенденции российского ютуб-интервью (на материале выпусков программы «Скажи Гордеевой»)

Интервью в видеоформате, размещаемые на платформе YouTube, пользуются большой популярностью. На сегодняшний день существуют десятки ютуб-каналов, основным типом контента которых является интервью. Специфика YouTube позволяет журналистам и блогерам отвечать на актуальные информационные запросы аудитории, затрагивая сложные для обсуждения темы. YouTube-интервью обладают большим потенциалом воздействия на общественное мнение, но в то же время, будучи явлением сравнительно новым, изучены недостаточно.

Для анализа нами были выбраны интервью Катерины Гордеевой – российского журналиста, в прошлом корреспондента НТВ и создателя документальных фильмов. Катерина Гордеева – также известный публицист, автор книг «Победить рак», «Время колоть лед». О популярности Гордеевой как интервьюера свидетельствует тот факт, что в 2019 году некоторые её интервью вышли отдельной книгой – «Человек раздетый».

Авторский проект «Скажи Гордеевой» запущен в сентябре 2020 года. Его участниками являются российские деятели культуры, учёные, политики, педагоги, социальные активисты, причём преимущественно женщины. Среди гостей передачи – Лариса Долина, Лариса Гузеева, Людмила Петрушевская, Юлия Высоцкая, Нюта Федермессер. Канал Гордеевой имеет описание, которое отражает стиль ведения программы и нацеленность журналиста на всестороннее раскрытие личности респондента: «Здесь говорят с человеком. Бережно».

Ютуб-канал «Скажи Гордеевой» является одним из самых крупных каналов, где интервью – основной формат. В этой связи для выявления актуальных языковых тенденций современного российского ютуб-интервью нами был выбран именно он. Популярность программы «Скажи Гордеевой» стремительно растёт: увеличение числа подписчиков и просмотров отражено в Таблице 1.

*Таблица 1. Число подписчиков и просмотров ютуб-канала
«Скажи Гордеевой» в 2021 и в 2022 годах*

	Количество подписчиков	Количество просмотров самого популярного выпуска	Суммарное количество просмотров
По состоянию на 01.11.2021	360 тыс.	3,2 млн	31 827 291
По состоянию на 01.11.2022	1,43 млн	8,4 млн	172 887 066

Материалом нашего исследования послужили выпуски передачи, имеющие максимальное количество просмотров: «Лариса Гузеева: “Лучше пару годков в тюрьме, чем мне снова 24”» от 22.09.2021; «Екатерина Шульман: “Пропаганда – это второе ядерное оружие» от 06.07.2021; «Линор Горалик: “Я не могу поверить, что у меня такая потрясающая жизнь”» от 08.02.2022. В фокусе нашего внимания находится речь ведущего – Катерины Гордеевой.

Языковые особенности интервью определяются рядом факторов: языковой личностью интервьюера и собеседника, обсуждаемой темой, общем стилем ведения программы, а также жанровой спецификой текста.

Одной из характерных особенностей языка СМИ является аллюзивность, цитатность – настроенность на фоновые знания читателя. По мнению Т.Г. Добросклонской, тексты СМИ «содержат значительное количество словосочетаний, обладающих свойством культуроспецифичности» (Добросклонская 2014, с. 100). Отметим, что это общее свойство публицистики особенно ярко проявляется в ютуб-интервью, заведомо ориентированном на эрудированную аудиторию.

В речи Катерины Гордеевой присутствует большое количество отсылок к культуроспецифичной информации. *Рок-н-рольный Ленинград, конец восьмидесятых. Вы – королева этого рок-н-рольного Ленинграда, «Сайгона», и все эти люди, на которых сейчас даже молятся, это все люди, которые были вокруг вас и вами восхищались* (Из интервью с Ларисой Гузеевой). «Сайгон» – ленинградское кафе, в котором собирались представители российского андеграунда. Название этого кафе упоминается в песнях Бориса Гребенщикова, Александра Розенбаума. *Как похорошели новости при Дмитрие Киселеве и Маргарите Симоньян* (Из интервью с Екатериной Шульман). Здесь мы имеем дело с отсылкой к популярной в интернет-коммуникации фразе «Как похорошела Москва при Собянине», впервые появившейся в предвыборных роликах Собянина и впоследствии ставшей интернет-мемом. *Урфин Джюс и его деревянные избиратели* (Из интервью с Екатериной Шульман). В данном случае наблюдается трансформация имени собственного: «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» – названия сказочной повести А.М. Волкова.

Помимо цитатности, язык СМИ характеризуется высокой степенью функционально-стилевой разнородности. Причём многообразие стилистических средств наблюдается главным образом в интернет-журналистике. Для языка интервью, проводимого в видеоформате, характерно сочетание черт публицистического и разговорного стилей. Наличие языковых особенностей последнего обусловливается в том числе устной формой речи видеоинтервью.

Разговорность проявляется прежде всего на фонетическом и лексическом языковых уровнях. Так, в речи Гордеевой присутствуют жаргонные фонетические варианты слов. *Щас еще можно говорить: мой*

дядя – *толерант* (из интервью с Екатериной Шульман). *А чё-б вы поехали в больницу-то* (из интервью с Ларисой Гузеевой). *Вы здесь были **еще** когда-нибудь?* (из интервью с Линор Горалик).

Реплики ведущей могут содержать разговорную и сниженную лексику (отметим, что в целом Катерине Гордеевой присущ высокий уровень культуры речи). *Это такой дефицит **мужиков**?* (*разг.*) (из интервью с Ларисой Гузеевой). *То есть вы очень много **тусуетесь*** (*сленг*) *с молодёжью, общаетесь* (из интервью с Ларисой Гузеевой). *В девяносто девятом году работать в РИА Новостях с вашим устройством головы – не **заиквар**?* (*жарг.*) (из интервью с Екатериной Шульман). В большинстве случаев такая лексика появляется в речи в качестве реакции на слова собеседника.

Лариса Гузеева: ...И мне один очень великий режиссер <...> сказал:

“Ну зачем тебе опять костюмная роль, зачем опять играть красавицу, надо на сопротивление.”

*Катерина Гордеева: **блин, нет!*** (из интервью с Ларисой Гузеевой).

Катерина Гордеева: это вы в каком возрасте сделали?

Лариса Гузеева: недавно

*Катерина Гордеева: **во вы даете!*** (из интервью с Ларисой Гузеевой)

Разговорные элементы в речи Катерины Гордеевой сочетаются с книжными, среди последних преобладают научные термины и общественно-политическая лексика. *Вы или, потому что вам было интересно как устроена изнутри политика или вы хотели стать **субъектом политической деятельности**?* (из интервью с Екатериной Шульман). *Сейчас в моде **ревизии девиантного** или просто **грубого поведения** или просто **принятого поведения** двадцати, а то и тридцати-сорокалетней давности, и вот тут как бы еще раз, получается, страдания и **ретравматизация** и извинения за то, что было давно, чему свидетелями были не все участники нынешнего конфликта* (из интервью с Линор Горалик).

Одной из черт публицистического стиля является его экспрессивность: СМИ присущи открытая оценочность и выразительность речи. Демократичность формата позволяет проявиться этим чертам в ютуб-интервью особенно ярко. Так, речь Катерины Гордеевой содержит большое количество слов с коннотативным компонентом значения, включающих эмоциональные и оценочные семы. *Мне всегда кажется, что русская женщина **чрезвычайно жертвенна*** (из интервью с Ларисой Гузеевой). *Почему у людей творческих профессий такое **брезгливое** отношение к своему народу?* (из интервью с Ларисой Гузеевой). *А тогда, между прочим, **очень хорошо** писал Проханов, у него же такой стиль – **невероятный*** (из интервью с Екатериной Шульман). *Ну не будем же мы идти вслед за авторами тоже **блестящего** заголовка «Страдающее Средневековье»* (из интервью с Линор Горалик).

В то же время Катерина Гордеева в своих вопросах часто прибегает к противопоставлению, используя стилистический приём контраста, и строит фразу таким образом, что в одном контексте встречаются слова с противоположной коннотацией. *Вы оказались в самом своем расцвете в девяностые годы, когда **ничего путного** не снималось* (из интервью с Ларисой Гузеевой). *В девяностые все государственное выглядело **очень бедненько, очень несчастненько, очень серенько***. А сейчас мы знаем, что все государственное **в высшей степени великолепно** как МФЦ, как РИА Новости, как ТАСС (из интервью с Екатериной Шульман).

Помимо контраста, как стилистический приём в интервью Гордеевой нередко используется языковая игра. Преимущественно это игра словообразовательного типа. В употреблении авторских неологизмов реализуется, по выражению М.Н. Кожиной, «эффект новизны» (Кожина 2008, с. 47), присущий публицистическому стилю в целом. *Вы же можете попросить там: вот это давайте вырежем, а вот это **врежем?*** (из интервью с Ларисой Гузеевой) *А вы бы хотели участвовать в принятии или формировании решений судьбоносных, которые происходят в Администрации ли президента или в каких-то других **судьбопринимательных** решениях о гранах?* (из интервью с Екатериной Шульман).

Среди средств выразительности речи в интервью Гордеевой главным образом используются повторы. *Нет, это вот эти политологи, которых мы раньше знали как политологов **ужасно либерально настроенных***. потом мы знали их как политологов **ужасно демократически настроенных**, а сейчас мы знаем их как политологов **ужасно провластно настроенных** (из интервью с Екатериной Шульман). *Можно ли поменять вот там война, олигархи, преемник на **свободу, свободу и свободу?** Стоит ли оно того?* (из интервью с Екатериной Шульман). *С одной стороны, страной, в руководстве страны есть люди, которые вам **глубоко отврагительны**, а с другой стороны, в стране живут люди, которые глубоко <...> **глубоко** вам **небезразличны**, вот* (из интервью с Линор Горалик).

Отметим, что в речевые партии ведущей может вводиться дополнительная точка зрения на сообщаемое за счёт несобственно-прямой и прямой речи. *И когда оно делится, ты до сих пор не можешь в это поверить, будучи даже человеком очень широких взглядов. **Почему это нужно обсуждать Крым? Крым мой, я же туда ездил в детстве*** (из интервью с Линор Горалик). *Очень часто в критике говорится о том, что после “Жестокое романса” вы были абсолютно неизбирательны в том, в каких фильмах сниматься. Если бы рядом с вами был кто-то, кто вам бы сказал, “**вот тут не снимайся, не играй этих спортсменов, блин, строителей метро, подожди**”, то сложилось бы все иначе. Вы согласны с этим?* (из интервью с Ларисой Гузеевой). Такое введение

дополнительных «голосов» в предполагаемый и так жанром интервью диалог увеличивает его воздействующий потенциал.

Проанализированный материал показывает, что речь Катерины Гордеевой отражает одну из ключевых тенденций современного российского ютуб-интервью – ориентацию на образованную аудиторию. Эта аудитория знакома с новой интернет-фразеологией, способна распознать языковую игру, ориентируется в научной терминологии. В то же время среди языковых особенностей ютуб-интервью наблюдаются традиционно присущие публицистическому стилю экспрессивность и разговорность.

Литература

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь [Электронный ресурс]: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2014.
2. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник. – М.: Флинта: Наука, 2008.

Г.Я. Селезнёва

Русские антропимы в лингвострановедческом аспекте

В русской лексике существуют разряды слов, несущих важную национально-культурную информацию. Среди них лексемы, называющие одежду, обувь, еду, музыкальные инструменты русских и т.д. В ряду подобных лексем особое место принадлежит русским антропимам.

С необходимостью обращаться к русским по имени сталкивается в России любой иностранец, и зачастую это, казалось бы, простое для носителя русского языка действие вызывает большие затруднения. Русская антропимическая система специфична и отличается от большинства подобных систем восточных и западноевропейских языков. Как отмечает А.В. Суперанская, «каждый этнос в каждую эпоху имеет свой антропимикон – реестр личных имён» (Суперанская 1973, с. 45).

В данной работе будут рассмотрены антропимы, несущие особый лингвострановедческий смысл и вызывающие затруднения при обучении русскому языку как иностранному.

Больше всего проблем возникает у иностранцев с использованием имени. Для человека, владеющего русским языком как родным, имя несёт обширную информацию. Например, это сведения о возрасте носителя имени. Так, женские имена *Галина*, *Раиса*, *Зинаида*, *Клавдия*, которыми активно называли девочек в 40-50-е годы 20-го века, почти отсутствуют у современных девушек. Есть женские имена, популярные в России 19 века: *Прасковья*, *Пелагея*, *Дарья* (сегодня их частотность вновь растёт). В

настоящее время частотны женские имена *Эльвира, Алина, Карина, Кристина*. Онимы *Фома, Макар, Маланья* и по сей день осмысляются русскими как «крестьянские». Имя может многое сказать и о национальности человека (сравним, например, имена *Андраник* и *Андрей, Эскендер* и *Егор, Оксана* и *Ксения, Лейла* и *Анна*).

Значимы в лингвострановедческом аспекте и фамилии. Они могут содержать информацию об именах (*Романов, Сергеев, Некрасов*), о роде занятий лица (*Колесников, Попов, Печников*), его социальном статусе (*Иванов* и *Ванюшкин, Богачев* и *Голов*), чертах характера и внешности (*Кудряшов, Умников, Горбачев, Чёрная*).

Антропонимы могут иметь культурные коннотации. Так, для современных носителей русского языка имена *Татьяна* и *Евгений* ассоциируются с героями «Евгения Онегина», а имя *Родион* может восприниматься в контексте «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского. Иностранцы, приступающие к изучению русского языка, обычно не знакомы с этой информацией.

Сложна для понимания трёхчастная система русских наименований: наличие отчества является характерной чертой именно отечественной антропонимики. Иностранные студенты нередко допускают коммуникативную ошибку, обращаясь к преподавателю без отчества – по полному имени или по полному имени и фамилии, только по фамилии, а иногда и по функции: «преподаватель». Нужно объяснять, что при обращении к старшим, а также к людям, стоящим выше на социальной лестнице, в русской коммуникации используются полное имя и отчество.

Сопряжено с проблемами для иностранцев и обращение к сверстникам. Эти проблемы создаёт наличие в русском языке полных и уменьшительных имён, причём уменьшительные имена могут существенно отличаться от полных: *Александр* – *Саша, Шура, Саня*; *Елена* – *Лена, Леля, Леся, Алёна*. Кроме того, русское уменьшительное имя часто образуется с помощью суффиксов, придающих ему разнообразные смысловые оттенки: ласкательные (*Сашенька, Шулочка, Димочка*), уменьшительные (*Сашок, Димок*), фамильярные (*Шурец, Диман, Леха*). Суффиксальные формы имени отражают богатую гамму человеческих отношений, подвижны и во многом определяются контекстом и интонацией. Стремясь разнообразить своё обращение, иностранцы часто ошибаются, выбирая уменьшительные имена, не связанные с полным, искажают уменьшительные имена или неправоммерно используют их по отношению к людям, старшим по возрасту, не выдерживая необходимую социальную дистанцию.

Вызывает недоумение иностранных студентов обращение близких людей друг к другу по фамилии. Иностранцы не распознают в таком обращении иронию или фамильярность. В то же время принятое на Западе обращение по фамилии в рабочем коллективе в России не приветствуется.

К сослуживцам предпочтительно обращаться по имени и отчеству, что является проявлением уважения к ним, а также показателем их авторитета в коллективе.

Иностранные учащиеся довольно легко различают мужские и женские имена – по окончанию (*Евгений, Владимир, Григорий – Татьяна, Ольга, Полина*), но не всегда правильно склоняют их. Особенно часто они пытаются изменять несклоняемые иностранные имена («Он был у княжны Мэри»).

Особого педагогического мастерства требует изучение с иностранными студентами художественных текстов, включающих значимые имена собственные, в частности, «говорящие» фамилии:

– Погодите, вы ещё успеете дать показание, говорит мировой, – а теперь пусть Пришибеев продолжает. Продолжайте, Пришибеев! (Чехов. Унтер Пришибеев).

Стоит пояснить, что фамилия Пришибеев – «говорящая», она образована от глагола «пришибать». Фамилия персонажа имплицитно указывает на то, что в произведении речь пойдёт о грубом, деспотичном и невежественном человеке.

Читая произведения русской литературы, иностранцы не всегда чувствуют и те стилистические и эмоциональные оттенки, которые придают именам русские суффиксы. Так, в рассказе Чехова «Ванька» в качестве заглавия используется уменьшительная форма имени *Иван*. Эта форма при использовании в качестве обращения считается стилистически сниженной, указывающей на низкий социальный статус носителя имени и неуважительное отношение к нему. В данном тексте оним *Ванька* говорит об униженном положении мальчика – ученика, а на самом деле работника в доме сапожника, его деревенском происхождении и полной власти хозяина над сиротой. Такое восприятие обуславливает и тот факт, что только в 18-м веке было отменено использование уменьшительного имени с суффиксом -к- в качестве полуимени, для самоуничижения при обращении к лицу из привилегированного сословия.

Говоря об использовании формы уменьшительного имени с суффиксом -к-, Ю.А. Рылов пишет: «Один из ранних рассказов М. Булгакова называется «Лидка»; в этом ониме заложена особая модальность, совмещающая тёплое, «свойское» отношение к девочке и низкий социальный статус крестьянской дочери: если бы героиней рассказа была девочка более высокого происхождения, то форма «Лидка» вряд ли была возможной» (Рылов 1973, с.7).

Отдельного внимания с лингвострановедческой точки зрения требуют русские фразеологизмы и пословицы, включающие в свой состав антропонимы (*филькина грамота, потемкинские деревни, приготовить на Маланьину свадьбу* и др.).

В целом русские антропонимы представляют собой достаточно сложную систему, требующую обширного лингвострановедческого комментирования.

Литература

1. Рылов Ю. А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006
2. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973.

С.Е. Тихонов

Язык рекламы и элементы национального сознания

В русском (российском) национальном сознании, а также в сознании и самоосознании отдельного русскоязычного человека издавна присутствовал концепт потребления, как, впрочем, и в сознании других народов, поскольку без разумного потребления человеческая жизнь невозможна. Но при этом в русском сознании и в самоосознании большинства русских людей, вероятно, никогда не было явственно выраженного концепта потребительства. Можем предположить, что в русском (российском) человеке как некоей особой, национальной сущности не был заложен код безудержного и неразумного потребления.

Однако в последние 30-35 лет становления отечественной рыночной экономики самыми разнообразными способами усиленно возвращается, а также активно внедряется в преимущественно некапитализированное или недокапитализированное сознание рядового и нерядового россиянина специфический код потребительства.

Одним из активнейших «внедрителей» кода потребительства, на наш взгляд, безусловно, является реклама – всепроникающая и всеохватывающая. Несомненно, реклама – двигатель торговли. Это общеизвестно и бесспорно. Вместе с тем возникает закономерный *вопрос*: к чему ещё, кроме конкретной покупки или получения товаров и/или услуг и – как следствие – наращивания их производства, ассортимента, развития соответствующих отраслей промышленности, а также – тем самым – увеличения доходов их производителей, торговых сетей и т.д., призывает та или иная реклама, к чему подвигает человека, как может сказаться и как сказывается на его сознании и психике в целом?

Реклама всегда и в любом случае имеет дело с людьми, но как мыслят заказчики, рекламодатели, а также авторы-создатели рекламы, как оформляются с помощью русского языка разнообразные рекламные продукты (и для чего именно так, такими способами в каждом конкретном случае воплощаются в речи) и как они могут влиять (и в конечном итоге влияют) на сознание человека, а, возможно, и национальное сознание?

Считаем необходимым пояснить, что применительно к объекту нашего внимания (в разговоре о рекламе) терминологическое слово *язык* мы трактуем несколько расширительно – в качестве некоего комплексного обозначения: язык (в данном конкретном случае) понимается *не только* как знаковая система, «система словесного выражения мыслей, обладающая определённым звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей» (Словарь русского языка 1984, с. 780), а речь – *не только* в качестве способа его воплощения для обеспечения потребностей человеческого общения, *но и как* некая метафоризированная сущность – язык телевидения (телеязык), язык радио, язык искусства. Это следует принимать во внимание в связи с тем и потому, что немалое число профессионалов считают рекламу как таковую особым видом искусства; и в этом некоторые образцы рекламы могут, конечно, многих убедить. Помимо этого, словосочетания *язык искусства, язык телевидения* нередко используются в обиходе и в литературе (в том числе научно-популярной, учебной, публицистической), а также в СМИ.

Отметим также, что и в словаре русского языка наряду с другими приводятся и следующие значения, которые в той или иной степени соотносятся с тем пониманием, о котором было упомянуто выше: «**ЯЗЫК** ... 4. Разновидность речи, обладающая теми или иными характерными признаками; стиль, слог. *Литературный язык. Разговорный язык. Поэтический язык. Газетный язык...* 5. ... Средство бессловесного общения. *Язык формул. Язык музыки...*» (Словарь русского языка 1984, с. 780); а также: «... Любая знаковая система, например. Язык математики, кино. Язык жестов...» (Советский энциклопедический словарь 1981, с. 1586).

Обратимся к конкретным примерам современной рекламы.

1). «*Если после шести часов танцев, Вы не готовы лечь спать без любимой картошки, то мы не можем Вас подвести, поэтому на пути к вам наш картофель проходит более 300 (трёхсот) проверок...*» [Реклама сети заведений быстрого питания «Вкусно – и точка!»]

Описание-напоминание телекартинки: группа очень довольных собой и жизнью счастливых молодых людей с явным аппетитом ест картофель за столиком уличного, видимо, круглосуточно работающего кафе; и всё это на фоне слабо пробивающихся, робких предрассветных лучей собравшегося восходить солнечного диска...

Возникает вопрос: почему очень значительная (если едва ли не большая!) часть реклам демонстрирует вечный – безмятежный и порой безудержный – отдых, как правило, неплохо обеспеченных людей и призывает к нему?

Рождается предположение: молодые люди протанцевали, возможно, всю ночь, и теперь – по пути домой – у них нелёгкий ранний завтрак («голод не тётка!»), затем, когда, скорее всего, родители уже уйдут на работу, у

каждого из этих юных граждан будет здоровый сон, и потом (с большой долей вероятности) подготовка и очередной вечер психофизически весьма энергозатратного отдохновения...

Когда же при этом великовозрастные недоросли работают или учатся, совершенно непонятно. При этом в российском медиапространстве нет и не может быть (во всяком случае пока что), например, такой альтернативной рекламы: *«Если после вдохновенного восьмичасового труда за станком на заводе, или одухотворённой работы в поле, или многочасовой напряжённой учёбы, вы ещё не готовы лечь спать, с удовольствием поешьте дома жареной картошечки, затем помогите маме с уборкой квартиры! А потом можно и на танцы!»*

2). *«А теперь о главном! В Воронеже в субботу, 3-го декабря. одновременно в ДК Железнодорожников и ... заканчивается... распродажа белорусской обуви на осень и зиму ... 3 декабря! Суббота! Последний День!»* [Реклама о распродаже обуви по приемлемым ценам в определённые сроки в 2022 г. (в тексте этой рекламы, появляющейся периодически на региональном телевидении, даты меняются в зависимости от того, в какие именно дни эта выставка-распродажа будет действовать и действует в городе)].

В этом случае вызывает удивление не только языковое и словесно-речевое оформление этого рекламного продукта, но и тот ритмомелодический рисунок, та интонация, которые выбрали авторы и исполнительница для донесения своего объявления до телезрителя-слушателя. Самоуверенный молодой женский голос очень напористо и достаточно безапелляционно, с немалой долей агрессии и надрыва произносит: *«А теперь о главном! ...»* И далее продолжает произносить текст столь же твёрдо и призывно на фоне видеоряда со зданиями, где будет происходить это «главное» действие, а также полками с обувью, спокойными продавцами, помогающими пришедшим с выбором, и самими скромными покупателями-пенсионерами. И в завершающей части рекламы с интонацией надвигающейся катастрофы и неминуемого конца света звучит непоколебимо уверенный в близком апокалипсисе женский глас: *«... 3 декабря! Суббота! Последний день!»*.

Видимо, и заказчик, и авторы, и исполнитель одной из основных своих задач считают следующую: дать понять потенциальным посетителям распродажи, что сегодня важнее покупки сезонной обуви по приемлемой цене ничего ни в стране, ни в мире нет.

Бесспорно, для любого покупателя очень важна цена товара, который он намеревается приобрести. Однако способ и манера воплощения и подачи данной рекламы вызывают, мягко говоря, некоторое недоумение: если, с одной стороны, заказчики и создатели сего рекламного продукта в нынешней ситуации (а это реклама появилась на Воронежском телевидении осенью и зимой 2022 года) в самом деле глубоко убеждены,

что для россиянина (в частности, воронежца) покупка обуви по сходной цене – сегодня главное, то за кого они нас принимают, а с другой стороны, что главное для вас, господа рекламодатели и рекламоподатели?

3). «... Вообще не вставая с дивана, выбрала сыр и бананы...» [Телереклама торговой сети «Лента»]

Отметим, что такой способ приобретения, безусловно, удобен и хорош. Но вместе с тем нельзя не вспомнить: «лень матушка вперёд меня родилась», «без труда не вынешь и рыбку из пруда», «как потопаешь, так и полопаешь», и, конечно же, пророческое:

«Ты всё пела? Это дело:

Так пойдёшь же, попляши!»

4). «Честные 50% (скидки – С.Т.) на украшения «Покровски» в сети «Серебряный слон» ...»

5). «Огромный выбор шуб. Честная рассрочка...»

Можно предположить, что эти рекламы «от противного» убеждают потенциального потребителя в мысли о том, что изначально и скидки, и рассрочки могут быть нечестными. Непонятно при этом, насколько сможет такая реклама вызвать доверие потенциальных покупателей и к торговой сети «Серебряный слон», и к фирменным магазинам Пятигорской меховой фабрики.

6). «Правильная проктология в Воронеже...»

7). «... и правильная детская обувь «Юничел» ...»

Представляется странным, что проктология может осознаваться как правильная и неправильная. Правильная – это «как», с помощью чего?.. А неправильная?.. Да и обувь (тем более детская) как-то не осмысливается как правильная.

После «потребления» подобных рекламных продуктов становится очевидным, что и проктология (а также и иные области медицинской практики), и обувь (а также одежда...) детская (и не только) во многих случаях являются неправильными.

8). «Защитесь на приём в стоматологию «Так, как надо» ...».

В этом случае вопрос, скорее, не к авторам рекламы, а к хозяевам и сотрудникам клиники. Конечно, такое наименование не может не привлечь внимание. Однако, опять-таки, повышает ли это степень доверия к качеству оказываемых медицинских услуг? Предполагаем, что, помимо этого, такое название может привести к выводу о том, что в других стоматологических кабинетах, центрах и т.п. заведениях (во всяком случае в значительной их части) зубы и ротовую полость лечат не так, как было бы необходимо – не очень качественно или вообще так, как не надо...

9). «Вспомни, что тебе говорили. Когда ты решил открыть бизнес: «Капсульные украшения?! Да кто это купит?! Но ты не слушал, ведь ты всё делаешь не так! Продолжай! ...» (Реклама бесплатного счёта для ведения бизнеса в «Альфа-Банке»)

Заметим, что на телеэкране регулярно появляются и иные вариации подобной рекламы с мотивацией к организации своего дела и к занятиям иными видами частного предпринимательства.

Конечно, это яркий пример призыва к решительности, к самостоятельности, к смелости на пути к достижению цели. Вместе с тем, сама конструкция и её «подсознательное» смыслонасыщение, как представляется, могут подводить и к умозаключениям, а также напрямую и привлекать совсем к иному: молодой человек, начавший заниматься не известным тебе делом и идущий в бизнес, ты не слушал других и ... не слушай, ты всегда делал не так... Продолжай не слушать, продолжай делать не так..., не ориентируйся на опыт других (возможно, многих поколений мастеров и в том числе непосредственно тех, кто тебя пытается научить чему-то, подсказать что-либо)... И всё у тебя будет, по мнению авторов, намного лучше, чем у окружающих людей и возможных конкурентов.

Зададимся вопросом: могут ли при частотном (а иногда, прямо скажем, и сверхчастотном), нередко назойливом повторении в теле- и/или радиоэфире, а также посредством многократных изображений на огромных рекламных щитах и/или небольших по размеру листовках те или иные рекламные продукты значимо изменять сознание, самосознание и самоосознание конкретных людей, а также с течением времени в какой-то степени влиять и на национальное сознание? Вопрос, по нашему мнению, не праздный. Точного ответа (во всяком случае, с точки зрения языка и речи), вероятно, пока быть не может. Однако исподволь вводить в сознание отдельного человека и/или групп людей не свойственные национальному сознанию изначально и не всегда положительно на него влияющие концепты (и таким образом, возможно, частично расшатывать его) у современной отечественной рекламы, очевидно, может получаться. Вспомним известную поговорку: вода камень точит. Что уж говорить о сознании индивида... Реклама в силах его в какой-то мере и «оттачивать», и «затачивать». Вопрос в том, зачем, в какую сторону и на что...

Литература

1. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981 – 1984. – Т.4.
2. Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1981.

Контрастивный анализ лексем «жена» и «муж» в русском и английском языках

Целью данного исследования является контрастивный анализ лексем *жена* и *муж* в русском и английских языках, которые входят в группу наименований родственных лиц на основе брачных отношений.

Контрастивный анализ проводился на материале толковых и переводных словарей русского и английского языков (Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, Частотный словарь русского языка С.А. Шарова, Новый большой англо-русский словарь под редакцией Ю.Д. Апресяна, Longman Dictionary of English Language and Culture, Collins COBUILD English Dictionary, Cambridge International Dictionary of English).

В ходе исследования было обнаружено, что русской лексеме *жена* соответствует 14 английских лексем (*better half, ball and chain, feme, good wife, the little woman, marriage partner, missis, old lady, partner, wife, woman, squaw, sultana, spouse*), для лексемы *муж* было выявлено 10 соответствий (*bed fellow, good man, husband, lord, man, mate, marriage partner, old man, partner, spouse*).

Для анализа контрастивных пар нами были использованы следующие формализованные параметры, введенные Л.В. Лукиной:

индекс денотативной идентичности лексем – соотношение совпадающих денотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре;

индекс коннотативной идентичности лексем – соотношение совпадающих коннотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре;

индекс функциональной идентичности лексем – соотношение совпадающих коннотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре;

интегральный индекс идентичности лексем – среднее арифметическое индексов денотативной, индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности. (Лукина 2008).

Для определения типа переводных соответствий была использована разработанная Д.В. Козельской шкала, согласно которой выделяется 6 категорий возможных переводных соответствий: при значении интегрального индекса идентичности 100% соответствие считается эквивалентным, при значении индекса от 76% до 99% – оптимальным, от 51% до 75% – подходящим, от 26% до 50% – приемлемым. При значении индекса меньше 25% соответствия признаются неподходящими. Полное несовпадение индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем, ведущее к нулевому значению интегрального

индекса, свидетельствует об отсутствии соответствия (Козельская, Стернина 2018, с. 3 – 4).

Как показал анализ исследуемых лексем, у них были выявлены эквивалентные, оптимальные, подходящие и приемлемые соответствия.

В качестве примера эквивалентного соответствия приведем контрастивную пару *муж – husband*, интегральный индекс которой составил 100%.

Муж – Husband²

• лицо	• лицо
• мужского пола	• мужского пола
• состоящее в официальном семейном союзе	• состоящее в официальном семейном союзе
• по отношению к своей жене	• по отношению к своей жене
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

Как видно из приведенного описания, у данной контрастивной пары совпадают все семы, в результате чего мы можем говорить, что лексемы, составляющие контрастивную пару, являются эквивалентными.

В качестве примера оптимального соответствия приведем контрастивную пару *муж – old man*:

Муж – Old man

• лицо	• лицо
• мужского пола	• мужского пола
• состоящее в официальном семейном союзе	• состоящее в официальном семейном союзе
• по отношению к своей жене	• по отношению к своей жене
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>неформальное</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>

² При анализе национальной специфики контрастивных пар семное описание проводится в следующем порядке: денотативные, коннотативные и функциональные семы. Для удобства и наглядности семы приводятся разным шрифтом (денотативные семы графически не маркированы, коннотативные семы выделяются прописными буквами, функциональные семы приводятся курсивом). При описании сем в контрастивных парах параллельно перечню сем русской лексемы дается семный набор каждого отдельного переводного соответствия, где каждой семе русского слова соответствует та или иная сема английского языка. При этом несовпадающие семы в целях большей наглядности выделяются жирным шрифтом. При отсутствии семы в одном из языков и при наличии ее в другом ставится знак 0, что означает, что сема безэквивалентна.

- современное
- общераспространенное
- высокоупотребительное
- современное
- общераспространенное
- редкое

Интегральный индекс идентичности лексем рассматриваемой пары составил 93%, что позволяет признать их оптимальными соответствиями.

В качестве примера подходящего соответствия приведем контрастивную пару *жена – missis*:

Жена – Missis

• лицо	• лицо
• женского пола	• женского пола
• состоящее в официальном семейном союзе	• состоящее в официальном семейном союзе
• по отношению к мужу	• по отношению к мужу
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• ШУТЛИВОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>просторечное</i>
• общенародное	• общенародное
• современное	• <i>устаревающее</i>
• общераспространенное	• <i>диалектное</i>
• высокоупотребительное	• редкое

Интегральный индекс идентичности лексем рассматриваемой пары составил 57%, что позволяет признать их подходящими соответствиями.

В исследуемой группе также был выявлен пример приемлемого соответствия *жена – squaw* со значением интегрального индекса идентичности лексем 40%:

Жена – Squaw

• лицо	• лицо
• женского пола	• женского пола
• 0	• принадлежащее к племени североамериканских индейцев
• состоящее в официальном семейном союзе	• состоящее в официальном семейном союзе
• по отношению к мужу	• по отношению к мужу
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕГАТИВНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• ОСКОРБИТЕЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>жаргонное</i>
• общенародное	• общенародное
• современное	• современное
• общераспространенное	• американское
• высокоупотребительное	• редкое

В целом у лексем *жена* и *муж* в русском и английских языках было выявлено 2 эквивалентных, 8 оптимальных, 11 подходящих соответствий и одно приемлемое соответствие, что свидетельствует о выраженной национальной специфике данных лексем.

Литература

1. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
2. Козельская Д.В., Стернина М.А. Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках. – Воронеж: «Ритм», 2018.

К.М. Шилихина, И.А. Жилина **Семантическая структура лексемы *красота* по данным толковых словарей русского языка и Национального корпуса русского языка**

Красота спасет мир.
Ф.М. Достоевский
Beauty is in the eye of the beholder.
Margaret Wolfe Hungerford

Антропоцентрическая модель современного общества позволяет представителям различных наук, в том числе и лингвистам, изучать взаимосвязи между человеком, культурой и языком и моделировать языковую картину мира – совокупность представлений о мире, выражаемых в семантике языковых единиц (Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005). Современные лингвистические исследования сосредоточены преимущественно на изучении так называемой лингвоспецифичной лексики (см., например, работы А. Вежбицкой), однако лингвистический анализ может быть распространен и на понятия, которые существуют во многих культурах и могут считаться в значительной степени универсальными.

Для понимания человеческой культуры в целом чрезвычайно важным оказывается изучение культурных ценностей и их отражения в языке и речи. По мнению В.И. Карасика, «Моделирование ценностей – высших ориентиров поведения – нацелено на объяснение мотивации этих ценностей (почему тот или иной тип поведения является приоритетным в данной культуре), на освещение специфической комбинаторики ценностей (именно их комбинаторика в значительной мере объясняет особенности мировосприятия, свойственного определенному индивиду или определенной группе; случаи полного отсутствия той или иной ценности сравнительно редки), на выявление динамики таких ориентиров поведения (эта динамика обусловлена социально-историческими факторами), на определение способов их выражения (существуют определенные семиотические механизмы кодирования и декодирования ценностей)»

(Карасик 2013, с. 6).

Одной из таких общечеловеческих ценностей является красота. Понятием *красота* оперирует множество наук: культурология, история искусств, философия, искусствоведение, психология, эстетика и лингвистика. Несмотря на востребованность этого понятия, его определение оказывается достаточно нетривиальной задачей, поскольку, несмотря на то, что представления о красоте существуют в любую эпоху и в любой культуре, и с этой точки зрения могут считаться универсальными, критерии красоты в разных культурах могут значительно отличаться и быть достаточно субъективными.

Лексика является одним из важнейших уровней языка, в котором отражается как окружающая человека действительность, так и его внутренний мир. Многие исследователи говорят о важности изучения семантики языковых знаков (Апресян 1995, с. 56; Степанов 2004, с. 74; Попова, Стернин 2007, с. 12). Лексикографическое описание играет важную роль в изучении сложной структуры парадигматических, синтагматических и ассоциативных связей исследуемого слова (Кубрякова 2002, с. 15).

Цель данного исследования – проанализировать семантическую структуру лексемы *красота* в русском языке в хронологическом аспекте. Источниками данных являются толковые словари русского языка и конкордансы контекстов, в которых употребляется слово *красота*, извлеченные из Национального корпуса русского языка.

В целом процедура анализа лексемы состоит в следующем (Клименко 2018, с. 40):

- 1) установление этимологии слова;
- 2) семный анализ слова с использованием словарных статей;
- 3) построение иерархии значений;
- 4) выявление основных смысловых компонентов лексемы.

Данный алгоритм, по нашему мнению, необходимо дополнить анализом контекстов, в которых употребляется лексема, причем этот анализ должен быть диахроническим, поскольку это позволит увидеть динамику изменений в семантической структуре лексемы. Кроме того, если анализ контекстов будет проводиться на объемном конкордансе, станет возможно соотнести выделенные словарями значения слова с его реальными употреблениями и оценить точность словарных дефиниций.

Этимологический словарь М. Фасмера (Фасмер 1986) не фиксирует лексему *красота*, однако содержит словарную статью для слова *краса*, от которого образовано слово *красота*. По мнению М. Фасмера, существительное *краса* происходит от старославянского *краса*, а оно в свою очередь от древнегреческого *κόσμος*.

Этимологический словарь русского языка (Шанский, Боброва 1994) сообщает, что происхождение этого общеславянского слова не известно,

предположительно трактовка *краса* как родственного *кресить* «блестеть, сверкать», «выбивать огонь».

Таким образом, существующие данные об этимологии слова *красота* нельзя считать удовлетворительными – они не проливают свет на семантическое развитие слова и не объясняют его многозначности.

Далее мы рассмотрим дефиниции этого слова в толковых словарях и контексты его употребления.

***Красота* в словарях и текстах XIX века**

Семантическая структура данной лексемы в период с XIX по XVII вв. подробно представлена в Словаре древнерусского языка И.И. Срезневского (Срезневский 1989), где даются следующие лексико-семантические варианты:

1. Красота
2. Терпнотис *терпнѡтѣс* – сладость, блаженство (церковно-славянское)
3. Великолепие
4. Украшение
5. Изящество

Интересно, что первое значение фактически повторяет заглавное слово словарной статьи, а остальные значения толкуются максимально кратко. Каждое значение далее объясняется через примеры употребления с указанием текста-источника или через древнегреческие слова с их переводами.

Словарь русского языка под редакцией Ф.П. Филина (Словарь древнерусского языка 1981) приводит следующие значения:

1. Красота, прелесть.
2. То, что украшает кого-либо или что-либо.
3. То, что красиво, прекрасное.
4. Радость, наслаждение.

Кроме того, в словарной статье приведено устойчивое выражение *царствие красоты* со значением *царствие небесное*.

В словаре В.И. Даля (Даль 1998) о красоте сказано следующее:

Красота ж. свойство прекрасного, отвлеченное понятие красивого, изящество. *Соединение истины и добра рождает премудрость, во образе красоты. Красота лица, пригожество. Красота слова, изящество выражения.*

Таким образом, в словарных статьях выделяются семы *прекрасное, украшение*. Эталонами красоты считаются красивое лицо, красивая речь.

В текстах XIX века в НКРЯ лексема *красота* встречается 9157 раз, ее относительная частота в первой половине столетия составляла около 150 вхождений на 1 млн. словоформ, во второй половине – около 100 вхождений. Чаше других писателей это слово употребляли И.А. Гончаров (291 контекст), А.В. Дружинин (266 контекстов), Ф.М. Достоевский (217

контекстов). Преимущественно данное слово употребляется в художественных (4752 контекстов) и публицистических текстах (3353 контекстов). С точки зрения жанрового разнообразия текстов, в которых встретилась лексема *красота*, лидером оказались романы (2333 контекста), повести (1270 контекстов) и очерки (1049 контекстов).

В ближайшем окружении лексемы *красота* в сочинительных конструкциях встречаются существительные *истина*, *добро*, *светлость*, в подчинительных конструкциях, в которых *красота* является главным словом – *чувство*, *идеал*, в конструкциях, где *красота* является зависимым словом – *слог*, *природа*, *слово*, *речь*. Наиболее частыми определениями являются *женская*, *замечательная*, *поразительная*, *необыкновенная*, *прежняя*, *нравственная*.

Приведем несколько примеров:

Истина есть добро, мыслимое человеческим умом; красота есть то же добро и та же истина, телесно воплощённая в живой конкретной форме (В.С. Соловьев. Три речи в память Достоевского. 1881-1883).

Одно еще доставляло ему утешение и удовлетворяло прирожденное чувство красоты и изящества, но оно ничего не стоило (П.И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая).

Таким образом, piano pianissimo вы достигнете совершенства в языке и начнете чувствовать гомерические красоты слога «Мертвых Душ», который уже есть высшая, недостижимая степень идеальности русского слова [Ф.И. Буслаев. Мои воспоминания. 1897].

Как соотносятся данные о синтагматическом поведении слова *красота* с его словарными дефинициями? В целом можно говорить о том, что эталоном красоты являются не только внешность человека или его речь, но и природа. Красота – это чувство, которое может испытывать человек, созерцающая или слыша то, что доставляет удовольствие.

Красота в словарях и текстах XX века

Рассмотрим значение лексемы «красота» в современных толковых словарях.

Современные толковые словари (Ушаков, Ожегов, Шведова, СРЯ под ред. Евгеньевой, БТСРЯ под ред. Кузнецова) дают следующие толкования лексеме «красота»:

1. Отвлеч. суц. к красивый.
2. Красивое, прекрасное.
3. Красивые места; то, что производит художественное впечатление.
4. Красивая, привлекательная наружность.
5. Красавица.
6. в знач. междометия. Очень красиво, хорошо, ловко

Если сравнивать объем дефиниций по отдельным словарям, то стоит обратить внимание, что в толковом словаре под редакцией С.И. Ожегова и

Н.Ю. Шведовой представлено всего лишь 3 значения (2, 3 и 6). В большом толковом словаре русского языка представлены все значения, кроме того, которое указывает на красивые места. Наиболее полное описание лексемы представлены в толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова и словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой, в данных источниках присутствуют все 6 значений.

Большая часть лексикографических толкований лексемы *красота* – перифразы с прилагательным «красивый»: являющийся красивым, красивые места, красивая наружность.

Данные основного подкорпуса НКРЯ позволяют видеть, что относительная частота слова *красота* в XX веке не была постоянной: после пика в 1911 году (173 вхождения на 1 млн. словоформ) следует спад до 77 вхождений в 1938 году, а затем наблюдается подъем до 100 вхождений.

Среди авторов, в текстах которых чаще, чем у других, встречается слово *красота* – митрополит Антоний (Блум), И.А. Ефремов, Б.Н. Абрамов и М. Горький. С точки зрения сферы функционирования лидирует художественная литература (8485 контекстов) и публицистика (6804 контекста). Чаще всего слово *красота* употребляется в романах (3995 контекстов), дневниках (3393 контекстов), статьях (2166 контекстов), мемуарах (2078 контекстов).

Сочетаемость слова *красота* в XX веке отличается от сочетаемости, которую мы наблюдаем в текстах XIX века. В именных группах, где слово *красота* является главным, наиболее частыми коллокатами являются существительные *природа, жизнь, мир*. В конструкциях, где *красота* является зависимым словом, наиболее частотным являются словосочетания *чувство красоты, идеал красоты, конкурс красоты*. Наиболее частотными определениями к существительному *красота* являются *женская, истинная, божественная, вечная, своеобразная, духовная, необыкновенная*.

Приведем в качестве примеров:

*Но **красота** не принесла ей счастья, и в ее чуткой памяти хранилось не так много вещей, которые бы хотелось вспоминать (А. Варламов. Сплав. 1999).*

*На первый взгляд они одинаковы: **обоих** обложила со всех сторон провинциальная глушь, **оба** не видят ни малейшей надежды выбраться отсюда и зажить иначе, **обоих** одинаково пленила ненадолго озарившая их **женская красота** (Л. Кабо. Наедине с другом. Беседы. 1985).*

*Но я слышал, как поэт, провожавший гостя, спросил его на лестнице, почему христианские писатели мало обращают внимания на **красоту слога**, пишут грубым языком и употребляют даже площадные выражения (А.П. Ладинский. В дни Каракаллы. 1959).*

Изменения в сочетаемом поведении лексемы *красота* заключаются в следующем: в ее окружении практически перестают употребляться существительные, называющие другие ценности (*добро, истина*). Также гораздо реже речь идет о *красоте слога* или *слова*. В XX веке чаще говорят о наблюдаемой красоте – красоте природы, мира, женской красоте.

Как мы видим, лексема «красота» является сложным и полисемантическим понятием. Сравнение объема значения лексемы XIX века и XX веков показывает, что ее объем увеличился. Так, более пристальный анализ позволяет утверждать, что значение, связанное с красивой внешностью, распадается на два: 1) привлекательная наружность вообще; 2) красивая женщина / девушка. Появляется дополнительное значение, отсылающее к природе, пейзажу и т.д., а также стоит отметить появление у данной лексемы значения в качестве междометия.

Несмотря на увеличение объема семантемы лексемы *красота* в XX веке, тем не менее, было утрачено значение, связанное с религией и церковью. Как видим, употребление лексемы в значении наслаждения не дошло до наших дней. Кроме того, было утрачено значение, обозначающее украшение.

Ядерным значением лексемы является значение «красота, то, что называют красивым». Такое значение является результатом переноса качеств объекта на эстетическое восприятие человека, который видит данный объект. Это значение отражается и в сочетаемости лексемы *красота*.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. – Т. I. – М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – Москва: Языки славянской культуры, 2005.
3. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – Москва: Гнозис, 2013.
4. Клименко Г.В. Средства объективации концепта «лицо» в русском и английских языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 12. – С. 39-53.
5. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия Российской академии наук. Сер. «Лит. и яз.». – 2002. – Т. 61. – № 1. – С. 13-24.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004.

Лексикографические источники

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – Москва: Цитадель, 1998.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999.

4. Словарь древнерусского языка XI-XVII вв. – Вып. 8/ гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 2. – М.: Рус. яз., 1986.
6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. – Т.2. – Москва: Книга, 1989.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 2. – М.: Русские словари, 1994.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. – Т. 2 / Пер. с нем. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986.
9. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – Москва: Прозерпина: Школа, 1994.

Rabeeakh Safaa Khalid Breesam

The Sumerian, Akkadian and Aramic effect on Iraqi Dialect

Many words in the Arabic language share similarities with words in the Akkadian language, which has two dialects (Babylonian and Assyrian). Many words are shared by the family of languages known as the Semitic languages, which includes Arabic, Akkadian, Aramaic, and Hebrew, among others. Before their long-distance historical migrations split them apart in different parts of the world and marked the beginning of their historical existence, all of these peoples had a single language (Майзель 1983).

The Sumerian language is one of the earliest Iraqi languages in Mesopotamia. Between the Sumerians and the Akkadians, a symbiotic cultural evolution occurred during the third millennium BC. The spread of bilingualism was one aspect of this evolution. From widespread lexical borrowing through syntax, morphology, and even phonetic convergence, Sumerian had a significant influence on Akkadian (and vice versa). Due to this, despite the lack of tangible historical evidence, historians have pointed out that a linguistic merger occurred in the third millennium BC, and this merger could not have occurred if the Sumerian and Akkadian languages were not from one source. For the Iraqis, it only serves as factual proof of the historical interconnectedness of the various dialects and languages spoken there.

Sumerian remained a literary, scientific, and even theological language in Mesopotamia until the first century AD, despite the fact that the word Sumer is an Akkadian word and is pronounced differently. It is uncertain whether Sumerian was gradually replaced by Akkadian between the third and second millennia (Iraq in History).

Since no one had been able to fully decipher the Sumerian and Akkadian languages until the 19th century AD, when Assyrian scholars deciphered the cuneiform symbols and excavated the monuments left by the speakers of these ancient languages, the development of languages and dialects became a neglected aspect of history.

Cuneiform writing is a rich record of the ideas, beliefs, sciences, and knowledge of many ancient Iraqis, and like other types of writing is a means of conveying and preserving the language for future generations. Many ancient languages, including those of Mesopotamia's Sumerians and Akkadian in its Assyrian and Babylonian dialects, as well as those spoken by the ancient civilizations that developed in Iran used this kind of writing. The fact that Sumerian is the earliest written language in Iraq is not surprising, but academics did not discover who the Sumerians were who spoke it until a very late date in the late nineteenth century AD.

Despite the waves of political and social events that the nation experienced, some words from the Iraqi vernacular have persisted. They are passed about among Iraqis in various social circles and geographic areas and are so obscure to outsiders that have effectively replaced a passport as proof of a person's Iraqi citizenship. The Assyrian, Babylonian, Akkadian, and Sumerian civilizations, which predominated in Iraq thousands of years ago, are specifically credited by linguists for creating these words.

(Shako mako- شكو ماکو): one of the most used phrase in Iraqi daily communication which means *How are things? Or what's the latest news in your life?* It is said when two acquaintances meet and is taken from the Akkadian "Akamako", which means *God is present or the neighborhood is present* and was used as a greeting among the inhabitants of Iraq in ancient civilizations. This common social expression (**Shako mako**) is used to inquire about the news of others which sometimes needs an answer.

(Temble- تمبل): this Sumerian word is very common in Iraqi dialect which means *very lazy* or someone is *dull*. As for the Sumerian period, it meant *unemployed*.

(Augruga- عُرگرة): It is an Akkadian word that means *frog*; Iraqi people use this word as an alternative to Arabic word (**Dhifda- ضفدع**).

(Sarifa- صريفة): Iraqi people use the word *Sarifa* to refer to any poor place for living (*a hut*), a Sumerian *Sarifa* was used for the reed hut at that time.

(Mashah- ماشه): It is one of the women's accessories which means *hairpin*. The word is Sumerian in origin and means *headband*.

(Charekh- جرخ): It means *a cylinder, a wheel, or a rounded shape*, and it is Sumerian in origin, from which the word Karkh is derived to express Baghdad in Abbasid period.

(Kaffah or (Al-Qofah) (كفة القفة): is a Sumerian-Akkadian designation, and it was used to denote a means of transportation since the Sumerian era.

Al-Qofah: It is a means of transporting along a river of circular shape and section, made of straw or tree fibers and coated with asphalt and tar to prevent water from leaking into the basket. In Iraq, gabions are made of wicker palm fronds and then coated with bitumen.

(Kebab- كباب): An Akkadian word that is very common and which is used in many countries, meaning grilled meat.

(**Sukan-سكان**): *the rudder of the ship*, pronounced in Akkadian (skanu) and in Sumerian (zi-kan).

(**Sarsari-سرسري**): An Aramaic word that means one with bad manners or a pimp. It has the same meaning in Persian as well.

(**Sagla-صغله**): A game which is played by children in Iraq. It is an Aramaic word that means *forming pebbles*.

(**Oud or Ouden -عود أو عودين**): an Aramaic adverb of time which means *then*.

Not all words in use today are verbatim copies of words having Sumerian or Akkadian origins in both word form and meaning. Words frequently change their pronunciations or meanings over time, and this is normal. Some words that sound same or have similar meanings can have this happen to them. The huge Mesopotamian civilization left behind linguistic contributions to following ancient civilizations. Sumerian and Akkadian lexicon was utilized in regional Arabic, particularly in Iraq.

Sumerian and Akkadian were the official languages of Iraq, so it stands to reason that the Iraqi dialect, in all of its varieties, is nothing more than the remains of Sumerian, Akkadian, and Aramaic, three ancient Iraqi languages that survived after Arabic took over as the dominant tongue. It retains a vast array of vocabulary, idioms, melodic devices, pronunciation patterns, and linguistic imagery from these languages: Sumerian, Akkadian and Aramaic.

References

1. Майзель С.С. Пути развития корневого фонда семитских языков. – М.: Изд-во «Наука», 1983.
2. Iraq in History. URL: <https://www.iraqinhistory.com/%D8%AF-%D8%A8%D9%87%D9%86%D8%A7%D9%85-%D8%A7%D8%A8%D9%88-%D8%A7%D9%84%D8%B5%D9%88%D9%81/2017-03-20-19-25-41> (дата обращения: 12.12.2022).

Раздел 3. Коммуникативное сознание

У.Д. Камбаралиева

Образ идеального собеседника в коммуникативном сознании русских и киргизов

Данная статья посвящена рассмотрению результатов психолингвистического эксперимента, направленного на изучение образа идеального собеседника в коммуникативном сознании представителей русской и киргизской национальности.

Процесс общения состоит из нескольких этапов и фаз, которые характеризуются использованием определенных наборов механизмов, участвующих в реализации каждого из составляющих коммуникативного акта. В осуществлении результативной коммуникации важная роль отводится ее участникам, которые, взаимодействуя в коммуникативном акте, выступают как языковые личности с прогнозируемым иллокутивным потенциалом речевых действий и соответствующим набором тем для общения. На современном этапе концепция диалога между разными этнокультурами является одной из самых важных проблем, поэтому изучению особенностей поведения субъектов в процессе общения уделяется особое внимание.

Поведение члена какого-либо социума в процессе общения зависит от его коммуникативного сознания, под которым, по определению И.А. Стернина, в самом общем виде следует понимать «совокупность механизмов сознания человека, которые обеспечивают его коммуникативную деятельность. Коммуникативное сознание может быть возрастным, гендерным, профессиональным, национальным» (Стернин 2002, с. 87). Это явление, как отмечено в труде И.А. Стернина, состоит из совокупности принятых в обществе ментальных коммуникативных категорий, способных определять нормы и правила коммуникации. Как отмечает И.А. Стернин, коммуникативные категории отражают самые общие понятия, которые упорядочивают знания человека об общении и нормах его осуществления (Стернин 2002, с. 88). Одной из универсальных и релевантных для русского и киргизского коммуникативного сознания является категория коммуникативного идеала (Камбаралиева, Стернин 2021, с. 185).

Как отмечают Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин, «коммуникативный идеал – это совокупность признаков собеседника, которые люди, принадлежащие к определенной коммуникативной культуре, рассматривают как желательные, приятные, обеспечивающие положительное отношение к собеседнику и желание вступать с ним в коммуникативный контакт, поддерживать коммуникативные отношения» (Прохоров, Стернин 2007, с. 128).

Следовательно, коммуникативный идеал – это обобщенный образ представителя определенной коммуникативной культуры, в котором отражаются имеющиеся в сознании народа стереотипные представления.

Как отмечает И.А. Стернин, коммуникативный идеал может быть определен экспериментально (Стернин 2001). Русский коммуникативный идеал по данным опроса 103 испытуемых (Идеальный собеседник – какой?) выглядит следующим образом (реакции даются с указанием количества упоминаний данного признака всеми испытуемыми): умеет слушать (111), умный, образованный, компетентный, эрудированный (103), веселый, с чувством юмора, оптимист (56), вежливый, воспитанный,

с хорошими манерами, негрубый, тактичный (43), культурно, красиво говорит, грамотный, хороший русский язык (41), понимающий, способный понять (28), дружелюбный, доброжелательный (27), общительный, легкий в общении (22), умеет не спорить, соглашаться, ищет консенсус, не навязывает свою точку зрения (15), интересный, с разносторонними интересами (12), откровенный, открытый, искренний (12), спокойный, сдержанный (12), умеет дать совет (7), физически опрятный, аккуратный, приятно одет (7), интеллигентный (7), умеет убедить, владеет способами доказательства (6) (Стернин 2001).

Для выявления основных признаков коммуникативного идеала в сознании представителей киргизской культуры, был проведен аналогичный эксперимент с участием 200 человек (Камбаралиева, Стернин 2021, с. 186).

Проанализировав полученные ответы, образ идеального собеседника в киргизском коммуникативном сознании по рекуррентности признаков можно представить в следующем виде (ответы участников переведены на русский язык): умный, мудрый (200), начитанный (эрудированный), грамотный, имеющий широкий кругозор (190), доброжелательный (183), воспитанный (178), спокойный, тактичный, интеллигентный (175), искренний (172), умеющий слушать (167), умеющий дать дельный совет (157), умеющий справедливо решать проблемы (124), вежливый, культурный, деликатный (103), не любящий спорить (97), не навязывает всем своего мнения (80), позитивный (78), придающий значение словам (64), понимающий шутку (с чувством юмора) (41), веселый (28), общительный (25), открытый (20), красиво изъясняется на литературном языке, умеет излагать мысли (17), имеет опрятный и приятный внешний вид (10), умеет поддерживать необходимый зрительный контакт в зависимости от гендерных и геронтологических особенностей (5).

По результатам эксперимента можно сделать вывод о том, что для респондентов киргизской национальности в коммуникативном идеале наиболее важными являются личные качества. Самые многочисленные реакции характеризуют идеального собеседника как рассказчика, что, на наш взгляд, эксплицирует отношение респондентов к распределению функций в коммуникативном акте. Как показали результаты исследования, все информанты киргизы, независимо от пола и возраста, подсознательно еще до начала коммуникации представляют себя в роли потенциального слушателя, поэтому они большое значение придают интеллектуальным способностям собеседника, выполняющего роль рассказчика. Благодаря своему уму, мудрости, опыту, эрудированности и личным качествам, этот идеализированный собеседник в коммуникации может адекватно реагировать на высказанное, а также умеет вести содержательную беседу, не спорит, изъясняется грамотно, выглядит хорошо и умеет поддерживать

зрительный контакт с говорящим в соответствии с существующими в киргизском обществе коммуникативными правилами.

Как видно из приведенного списка, качество «умение слушать» стоит после личных качеств потенциального рассказчика, далее расположились качества «умение давать дельные советы» и «способность справедливо решать проблемы» (Камбаралиева, Стернин 2021, с. 187).

Из указанного следует, что для представителей киргизской национальности идеальный собеседник в коммуникативном акте – это тот, в беседе с которым для себя можно почерпнуть ранее неизвестную, новую и интересную информацию. А по ответам представителей русской культуры можно увидеть, что самое большее количество реакций – это «умеющий слушать». Видимо, для коммуникантов русской национальности очень важно высказаться в момент коммуникации, быть выслушанным.

Как отмечает И.А. Стернин, в русском коммуникативном поведении в собеседнике в первую очередь ценится толерантность. «Они стремятся найти спокойного, внимательного слушателя, так как сами очень темпераментны, эмоциональны и азартны. Для русских также важно, что их собеседник образованный» (Стернин 2001, с. 12).

Для представителей киргизской национальности более важными считаются такие качества, как ум и мудрость, которыми наделены, по их мнению, люди старшего поколения.

На основе полученных результатов выявлено психолингвистическое – «психологически реальное значение» (И. А. Стернин) образа идеального собеседника. Согласно существующему в коммуникативном сознании русских и киргизов образу, идеальный собеседник, обладая всеми вышеприведенными качествами, в содержании общения – в передаче информации (в коммуникации), во взаимодействии (в интеракции), а также в познании друг друга (в перцепции) (Андреева 2001, с. 64): умеет искренне выражать свой интерес к предмету, соблюдает взаимоприемлемую для всех тональность общения, адекватно, вербально и невербально осуществляет коммуникативные установки, с пониманием и эмпатией воспринимает психолого-поведенческие и этнокультурные особенности участников коммуникативного акта, и благодаря своим качествам может достигнуть в процессе коммуникации поставленной цели или же добиться частичного взаимопонимания и согласия даже непримиримых оппонентов.

Приведенные выше коммуникативные признаки образа идеального собеседника являются динамичными и часто в зависимости от «языкового вкуса эпохи» (по В.Г. Костомарову) могут быть дополнены новыми элементами, но содержательная часть, относящаяся к наднациональным морально-этическим ценностям, всегда будет присутствовать в коммуникативном сознании.

Как показали результаты проведенного нами исследования коммуникативного поведения русских и киргизов, в отличие от русских, у киргизов наиболее важным критерием в описании особенностей коммуникативного акта является возраст коммуникантов (Камбаралиева, Стернин 2021, с. 188).

Следовательно, все составляющие коммуникативного поведения киргизского народа в целом имеют в своем содержании ярко выраженную вертикальную иерархию (термин Стернина И.А.) по геронтологическим и гендерным параметрам. В русском коммуникативном поведении, по сравнению с киргизским, указанные параметры эксплицируются не ярко, хотя в коммуникативной традиции можно выявить определенные нормы, регулирующие отношения между коммуникантами по возрасту и полу.

Еще одним заметным отличием коммуникативного поведения представителей киргизского народа от русских является очень сильная зависимость от мнения социума. Часто из-за страха остракизма со стороны других, киргизы в коммуникативных актах выполняют функцию «социальной маски», что также отразилось в характеристике идеального собеседника.

В целом в коммуникативном сознании представителей русского и киргизского народов образ идеального собеседника, несмотря на различие культур, имеет много сходных элементов, что объясняется общностью истории, интеграцией культур, продолжающейся со времен Советского Союза, социально-экономическими отношениями между киргизским и русским народами на протяжении нескольких веков, а также универсальностью логико-психологических основ и механизмов акта общения.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2001.
2. Камбаралиева У.Д., Стернин И.А. Русское и киргизское коммуникативное поведение. – Воронеж: изд-во «Ритм», 2021.
3. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение: 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007.
4. Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании //Лингвистический вестник. – Вып. 4. –Ижевск, 2002. – С. 87-94.
5. Стернин И.А. Русский коммуникативный идеал (экспериментальное исследование) //Русское и финское коммуникативное поведение. – Вып. 2. – С.-Петербург, 2001. – С. 9-13.

Оценка природы в коммуникативном поведении А.П. Чехова

Коммуникативное поведение выдающихся личностей, в том числе и личностей прошлого, представляют несомненный интерес. Объектом исследования в данной статье является вербальное коммуникативное поведение А.П. Чехова. Предметом изучения предстают признаки параметра «Оценочность в общении», иллюстрирующие такой фрагмент коммуникативного поведения писателя, как оценка природы. Природа в речевом поведении А.П. Чехова является одним из доминирующих объектов оценки в ряду таких объектов, как человек (мужчина, женщина, группа лиц), погода, города, художественные произведения, творческая деятельность. Материалом исследования послужили письма писателя с 1875 по 1904 гг.

В данном исследовании мы пользуемся рабочими понятиями «параметр коммуникативного поведения» и «коммуникативный признак», разработанные профессором И.А. Стерниным для описания группового коммуникативного поведения. Согласно его концепции, «параметр коммуникативного поведения – совокупность однородных, однотипных коммуникативных признаков, характеризующих коммуникативное поведение народа. Коммуникативный признак – отдельная черта (характеристика) коммуникативного поведения (коммуникативное действие или коммуникативный факт)», выделяющаяся как релевантная для описания в условиях сопоставления культур» (Стернин, Камбаралиева 2018, с.23). Данные понятия были нами адаптированы для описания коммуникативного поведения личности.

Представим коммуникативные признаки личности А.П. Чехова, иллюстрирующие оценивание им природы.

1. Малая доля негативных оценок природы и их исключительно экспрессивный характер

Негативных оценок природы у А.П. Чехова намного меньше, чем позитивных. Негативно писатель оценивает чаще всего природу Крыма (в основном Ялты), Баку и Каспийское море. Все эти оценки имеют экспрессивную окраску:

«С 5-го марта живу я в Ялте, откуда хочу в начале апреля бежать домой. Поехал в Крым только для того, чтобы хотя немножко удовлетворить свою страсть к передвижениям. Тут уже весна, тепло, но скучно; люди нудные, скучные, **природа кладбищенская**» (Я.А. Корнееву) – (Письма, т.5, с.280)

«Растительность в Ялте жалкая. Хваленые кипарисы не растут выше того тополя, который стоит в маленьком лингваревском саду налево от крыльца; они темны, жестки и пыльны» (М.П. Чеховой) – (Письма, т.3, с.232)

«Дорога же от Тифлиса до Баку – это мерзость запустения, лысина, покрытая песком и созданная для жилья персов, тарантулов и фаланг; ни одного дерева, травы нет... скука адская. Сам Баку и Каспийское море – такая дрянь, что я и за миллион не согласился бы жить там» (Н.А. Лейкину) – (Письма, т.2, с.310).

2. Преобладание восторженных оценок природы

В структуре общения А.П. Чехова в основном находим положительные оценки природы. Самую высокую оценку писатель дает природе средней полосы России, Украины, Кавказа, Амура и Забайкалья. Все положительные оценки восторженные и имеют яркую экспрессивную окраску.

Рассказывая о природе своему собеседнику, А.П. Чехов стремится создать в его сознании такие яркие образы, чтобы адресат мгновенно представил созданную им картину. В одном из писем А.П. Чехов советует брату, как лучше в рассказах делать описание природы:

«В описаниях природы надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы по прочтении, когда закроешь глаза, давалась картина. Например, у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тень собаки или волка и т.д. **Природа является одушевленной, если ты не брезгуешь употреблять сравнения явлений ее с человеческими действиями и т.д.»** (Ал.П.Чехову) – (Письма, т.1, с.242).

Когда А.П. Чехов делится с адресатом своими впечатлениями о природе, в его речи присутствуют многочисленные **перечисления и повторы**, что свидетельствует об эмоциональном состоянии писателя:

«Всё ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное – горы, горы, и горы без конца и краю...» (неустановленному лицу) – (Письма, т.2, с.302)

«Видел я море во всю его ширь, кавказский берег, горы, горы, горы, эвкалипты, чайные кусты, водопады, свиней с длинными острыми мордами, деревья, окутанные лианами, как вуалью, тучки, ночующие на груди утесов-великанов, дельфинов, нефтяные фонтаны, подземные огни, храм огнепоклонников, горы, горы, горы...» (К.С.Баранцевичу) – (Письма, т.2, с.308)

Особенностью коммуникативного поведения А.П. Чехова при оценке природы является также частое употребление писателем разнообразных **интенсификаторов экспрессивности**:

– **какое...**:

«**Какие** овраги, **какие** скалы!» (Чеховым) – (Письма, т.4, с.117); «Удивительная природа. **А как жарко! Какие теплые ночи!**» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.125]; «Я был и в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т. е. на острове Цейлоне. **Какие** бабочки, букашки, **какие** мушки, таракашки!» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – (Письма, т.4, с.143)

– **чрезвычайно**

– **до чёртиков**:

«Амур чрезвычайно интересный край. **До чёртиков** оригинален» (Чеховым) – (Письма, т.4, с.124)

– **до бешенства и отчаяния**:

«Я в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня сижу в Сухуме. **Природа удивительная до бешенства и отчаяния**» (неустановленному лицу) – (Письма, т.2, с.302)

– **хоть караул кричи от возжеления:**

«...природа величественна, река широка, рыбы много, и на мельнице живет такая Мухá, что просто **хоть караул кричи от возжеления**» (А.С. Киселеву) – (Письма, т.2, с.273)

– **до какой степени:**

«Вы не поверите, голубчик, **до какой степени вкусны** здесь (в Абхазии – А.К.) персики! Величиной с большой яблок, бархатистые, сочные... Ешь, а нутро так и ползет по пальцам...» (неустановленному лицу) – (Письма, т.2, с.302)

– **до такой степени, что...:**

«Был я в Крыму, в Новом Афоне, в Сухуме, Батуме, Тифлисе, Баку... Видел я чудеса в решетке... **Впечатления до такой степени новы и резки, что всё пережитое представляется мне сновидением и я не верю себе**» (К.С. Баранцевичу) – (Письма, т.2, с.308)

– **умер бы от удовольствия:**

«Видел я такой утес, что если бы у его подножия Гундасова вздумала окисляться, то **она бы умерла от удовольствия**, и если бы мы с Софьей Петровной Кувшинниковой во главе устроили здесь пикник, то могли бы сказать друг другу: умри, Денис, лучше не напишешь. Удивительная природа» (Чеховым) – (Письма, т.4, с.124-125)

– **так хорошо, что...:**

«Здесь на Афоне **так хорошо, что и описать нельзя:** водопады, эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, маслины, а главное – море и горы, горы, горы...» (Н.А. Лейкину) – (Письма, т.2, с.310)

В письмах А.П. Чехов часто признается адресатам, что не способен выразить всю красоту природы словами. Однако даже эти признания косвенно выражают экспрессию:

«Амур очень хорошая река; я получил от него больше, чем мог ожидать, и давно уже хотел поделиться с Вами своими восторгами, но каналский пароход дрожал все семь дней и мешал писать. **К тому же еще описывать такие красоты, как амурские берега, я совсем не умею; пасую перед ними и признаю себя нищим. Ну как их опишешь?»** (А.С. Суворину) – (Письма, т.4, с.126)

Часто А.П. Чехов восторженную оценку природе дает с помощью фразы-пожелания самому себе: **«Вот бы где дачу нанять!»**:

«**Удивительная природа. А как жарко! Какие теплые ночи!** Утром бывает туман, но теплый! Я осматриваю берега в бинокль и вижу чёртову пропасть уток, гусей, гагар, цапель и всяких бестий с длинными носами. **Вот бы где дачу нанять!**» (Чеховым) – (Письма, т.4, с.125)

Выражая свое восхищение природой А.П. Чехов нередко использует слово **каналья**:

«Ах, как не хочется уезжать отсюда! **Каналья** Псёл, как нарочно, с каждым днем становится всё красивее, погода прекрасная; с поля возят хлеб...» (А.Н. Плещееву) – (Письма, т.2, с.312).

3. Частотность ссылок на художественные образы и художественные произведения при оценке природы

Красоту природы в своих письмах А.П. Чехов часто сравнивает с поэзией:

«Погода чудесная. Виды восхитительные. **Напоэтился** по самое горло: на 5 лет хватит» (М.П. Чеховой) – (Письма, т.2, с.80)

«Нахожусь под впечатлением Забайкалья, которое я проехал: превосходный край. Вообще говоря, **от Байкала начинается сибирская поэзия, до Байкала же была проза**» (А.Н. Плещееву) – (Письма, т.4, с.121)

Рассказывая своим адресатам о природе Кавказа и давая ей самую высокую оценку, Антон Павлович часто делает ссылку на поэтические образы, созданные М.Ю. Лермонтовым:

«Пережил я Военно-грузинскую дорогу. **Это не дорога, а поэзия, чудный фантастический рассказ, написанный демоном и посвященный Тамаре...**» (К.С. Баранцевичу) – (Письма, т.2, с.308)

«Видел я море во всю его ширь, кавказский берег, горы, горы, горы, эвкалипты, чайные кусты, водопады, свиней с длинными острыми мордами, деревья, окутанные лианами, как вуалью, **тучки, ночующие на груди утесов-великанов, дельфинов, нефтяные фонтаны, подземные огни, храм огнепоклонников, горы, горы, горы...**» (К.С. Баранцевичу) – (Письма, т.2, с.308)

Негативно оценивая природу, А.П. Чехов также прибегает к авторским сравнениям с литературными произведениями или живописными полотнами. Вот как, например, писатель характеризует природу Крыма:

«Таврическая степь уныла, однотонна, лишена дали, бесколоритна, **как рассказы Иваненко**, и в общем похожа на тундру» (М.П. Чеховой) – (Письма, т.2, с.294)

«У нас природа грустнее, лиричнее, **левитанистее**, здесь же она – **ни то ни сё, точно хорошие, звучные, но холодные стихи**» (Л.С. Мизиновой) – (Письма, т.5, с.282)

4. Многократность призывов к собеседнику вообразить уголок природы по описаниям адресанта

«Вообразите **Вы** себя на высоте 8000 футов... Вообразили? Теперь извольте **пойти мысленно к краю пропасти и заглянуть вниз**; далеко, далеко Вы видите узкое дно, по которому вьется белая ленточка – это седая, ворчливая Арагва; по пути к ней Ваш взгляд встречает тучки, лески, овраги, скалы... **Теперь поднимите немножко глаза и глядите вперед себя**: горы, горы, горы, а на них насекомые – это коровы и люди... **Поглядите вверх** – там страшно глубокое небо. Дует свежий горный ветерок... **Вообразите две высокие стены и между ними длинный, длинный коридор**; потолок – небо, пол – дно Терека; по дну вьется змея пепельного цвета» (К.С. Баранцевичу) – (Письма, т.2, с.294)

5. Частотность выражения сожаления в адрес собеседника или третьего лица, что он не может разделить с адресантом наслаждения от красоты природы

«Какие свадьбы попадались нам на пути, какая чудная музыка слышалась в вечерней тишине и как густо пахло сеном! **То есть душу можно отдать нечистому за удовольствие поглядеть на теплое вечернее небо, на речки и лужицы, отражающие в себе томный, грустный закат...** Жаль, что Вас не было! **В коляске Вы чувствовали бы себя, как в постели**. Ели мы и пили каждые полчаса, не отказывали себе ни в чем, смеялись до колик...» (А.Н. Плещееву) – (Письма, т.2, с.289-290)

Нередко А.П. Чехов выражает в письмах адресатам заочное сожаление в адрес И.И. Левитана, который, если бы видел такие красоты природы, какие видел адресант, то обязательно запечатлел бы их на картине. Писатель выражает свои сожаления настолько эмоционально, что переходит на снижение стиля и в шутку называет Левитана *скотиной* и *болваном*:

«В Ключеве сторож взялся довести наш багаж до станции; он ехал; а мы шли позади телеги пешком по живописнейшему берегу. **Скотина Левитан, что не поехал со мной.** Дорога лесная: направо лес, идущий на гору, налево лес, спускающийся вниз к Байкалу. Какие овраги, какие скалы! Тон у Байкала нежный, теплый. Было, кстати сказать, очень тепло» (Чеховым) – (Письма, т.4, с.117);

«И горы и Енисей подарили меня такими ощущениями, которые сторицею вознаградили меня за все пережитые кувырколлегии и **которые заставили меня обругать Левитана болваном за то, что он имел глупость не поехать со мной**» (Чеховым) – (Письма, т.4, с.106-107)

Желание А.П. Чехова запечатлеть красоту природы на картине и показать ее собеседнику настолько велико, что он в шутку ругает и себя за то, что не имеет таланта художника:

«Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов. **Подлец я за то, что не умею рисовать**» (неустановленному лицу) – (Письма, т.2, с.302)

Представленные выше признаки демонстрируют ярко выраженную эмоциональность речевого поведения А.П. Чехова, стремление писателя к гиперболизации позитивной эмоциональной реакции при оценивании природы в письмах адресатам. Такое оценивание, на наш взгляд, является коммуникативной тактикой, позволяющей писателю продемонстрировать кооперативный тип коммуникативного поведения, когда собеседник стремится сблизиться с адресатом, «заразить» его своими эмоциями, стимулировать максимальную включенность адресата в чувства, образы и мысли адресанта.

Литература

1. Стернин И.А., Камбаралиева У.Д. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. –2018. –№ 2 (16). – С. 20-34.
2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / под ред. Н.Ф. Бельчикова. – Т.1-12: 1875-1904.– М.: Наука, 1974-1983.

А.М. Шестерина

Вербальные средства активизации интерактивной коммуникации в видеоблогинге (на материале анализа русскоязычного сектора YouTube)

«Прототипом интерактивного процесса является обычный разговор между двумя людьми. Каждый его участник может перебить другого,

изменить свою точку зрения, высказать новую идею. Это отличает интерактивные СМИ от традиционных, не интерактивных», – так писал Рассел Ньюман Neuman (1993, с. 46). Сегодня, в ситуации усиления информационного обмена, интерактивная коммуникация становится всё более и более востребованной в среде блогинга вообще и видеоблогинга в частности. Это связано, прежде всего, с ростом конкуренции за внимание аудитории в среде публикаторов. В такой ситуации именно интерактивность позволяет получить преимущества по нескольким причинам. Во-первых, интерактивное взаимодействие формирует своего рода комьюнити вокруг какого-либо автора или канала, что способствует переводу аудитории из категории случайной в группу постоянных подписчиков. Во-вторых, практически все рекомендательные алгоритмы социальных медиа учитывают активность пользователей относительно опубликованного медиапроизведения и, при прочих равных условиях, будут продвигать в ленте предложенный контент с комментариями активнее, чем без таковых. Учитывая эти обстоятельства, видеоблогеры, несомненно, стремятся к активизации интерактивного взаимодействия со своими зрителями. Однако, не смотря на техническую возможность оставлять комментарии под едва ли не каждым постом, аудитория далеко не всегда предрасположена к вступлению в интерактивное взаимодействие с автором, что заставляет блогеров предпринимать активные попытки по поиску средств стимулирования пользовательской активности. Все вышеперечисленное делает актуальным вопрос о том, какие средства активизации интерактивности могут быть эффективными в современных сетевых коммуникативных практиках. Мы в нашем исследовании предпринимаем попытку конкретизировать эти средства на вербальном уровне медиатекстов. Материалом исследования стали наиболее популярные каналы русскоязычного сектора YouTube: «Wylsacom», «Лапенко», «Чикен Карри», «АкадемеG». На каждом канале методом случайной выборки были отобраны 16 выпусков, которые сформировали эмпирическую базу исследования. Хронологические рамки исследования – 2021-2022 годы. В настоящей работе будут приведены сообщения блогеров и их комментаторов с полным сохранением авторской орфографии и пунктуации.

В ходе анализа медиаконтента удалось установить, что едва ли не все блогеры на вербальном уровне стремятся к формированию ситуации речевого взаимодействия. Безусловно, речевое взаимодействие отличается от ситуации простого диалога по многим параметрам, ключевым из которых можно считать стремление выстроить стратегию общения между всеми участниками коммуникации. «Новейший философский словарь» определяет «общение» как «понятие, описывающее взаимодействие между людьми (субъект-субъектное отношение) и характеризующее базовую потребность человека – быть включенным в социум и культуру»

(Новейший философский словарь 2022). В этом же словаре подчеркивается, что общение «предполагает не только информационную, но и личностно-экзистенциальную связь между людьми, что обеспечивает нелинейное движение информационных потоков в системе общения и приток личностно значимой информации, конституирующей членов общения как общность». Такой подход к определению общения даёт понимание причин, по которым видеоблогеры стремятся к формированию открытого коммуникативного пространства: это является хорошей предпосылкой для интериоризации транслируемых ими знаний в создании зрителя и для развития общности, создания «своей аудитории», которая будет поддерживать коммуникацию с блогером на протяжении значительного отрезка времени и будет разделять с ним его интересы.

С целью формирования речевого взаимодействия видеоблогеры в тексте предпринимают ряд усилий. Остановимся на основных.

1. Вовлеченное реагирование на реплики зрителей в комментариях. Такие реакции не звучат поверхностно и формально. Напротив, они содержат явно выраженную эмоциональную оценку комментариев подписчиков. Например: «Вы пишете стабильно классные комментарии и мёд из экрана течет. Формат вам заходит, и мне от этого очень приятно. Если вы новенький – объясняю...» (канал «Wylsacom»). Подобная вовлеченность и эмоциональность провоцирует аудиторию на ответную реакцию. В комментариях под этим видео читаем: «Валя, продолжай, пожалуйста, в том же формате! У тебя отлично получается!».

2. Цель речевого взаимодействия постоянно держится в фокусе внимания блогера (тогда как при простом диалоге мы можем утрачивать общую цель разговора и реагировать сиюминутно). Блогеры часто стремятся вернуть аудиторию к основной теме общения и корректируют попытки уйти от темы, каким-либо образом исказить взаимодействие или помешать участию в коммуникации других зрителей. Например: «Друзья, с наступающим всех Новым годом! БОЛЬШАЯ ПРОСЬБА – не пишите в комментариях спойлеры, чтобы оставить удовольствие от просмотра тем, кто только присоединился. Спасибо большое! Пишите поздравления с Новым годом всем друзьям, родным и знакомым!» (канал «Лапенко»). Реакция в комментариях полностью соответствует тексту: «Спасибо за видео, Антош! Сами из Зеленограда. Поздравляем тебя и твою семью с наступающим!»; «Спасибо за видео! Это шикарно! С Новым годом»; «С Наступающим! Ждем 4-й сезон!».

3. Формируется открытый текст. Под открытым текстом мы понимаем такое построение высказывания, которое провоцирует аудиторию на вовлечение в процесс его создания.

Такой текст, как правило, включает элементы подтекста. Например: «Я бы вам всё как есть сказал, но вы же и так понимаете, что я имею в виду» (канал «Чикен Карри»). Реакция в комментариях – либо прямое

предположение, что именно подразумевал автор, либо утвердительный ответ: «Да конечно все всё поняли!»

Также в открытом тексте автор может предугадывать реакцию аудитории. Например: «Я вот думаю, может зря мы такой формат затеяли? Вдруг вам скучно на все это смотреть, а?» (канал «АкадемеС»). Реакция в комментариях: «С тех пор, как вы начали строить ауди, четверг стал моим любимым днем!»; «КАК МОЖЕТ БЫТЬ СКУЧНО СМОТРЕТЬ НА ЭТИ ВЫПУСКИ. Я БЫ ИХ СМОТРЕЛ ГОДАМИ. ВИДОСЫ КРУТЬ. ТРЕКИ ТОЖЕ КРУТЫЕ!!!».

4. Нередко видеоблогеры персонифицируют свои видеоролики, что находит отражение, прежде всего, в повышенной модальности текста. Так, в текстах часто встречаются местоимения «я», «мне», «моё».

Всё вышесказанное позволяет авторам реализовать одну из ключевых потребностей аудитории – потребность в соавторстве. По мнению многих исследователей современной коммуникации, архетип пользователя давно уже сменился на архетип творца. Зритель хочет сам участвовать в создании контента (предлагать темы или, напротив, просить переключиться на что-то новое, рекомендовать развить какую-то мысль, пригласить в эфир каких-то конкретных гостей и т.п.). Ярче всего мы наблюдаем этот процесс в формате стримов, когда ведущий прямой трансляции прямо в эфире реагирует на реплики зрителей (жанр «таг»). Но и в других форматах такая реакция возможна, пусть и в отложенной форме. Она позволяет дать аудитории уверенность в том, что её голос будет услышан, а комментарии не будут напрасными.

Также практически все топовые видеоблогеры в той или иной степени соблюдают ключевые параметры интерактивного взаимодействия:

- социально-ориентированное общение доминирует над личностно-ориентированным (то есть автор обсуждает темы, интересные в первую очередь его подписчикам);

- ситуация общения затмевает фон общения, что позволяет сохранить психологическую динамику. Блогеры опираются на известные им характеристики аудитории, но при этом стремятся скорректировать или трансформировать их;

- средства, знаковые системы, которые используют в общении блогеры, всегда шире, чем в линейной коммуникации (например, в комментариях используются эмоджи, авторская пунктуация, а в самом видео ведётся активная работа с суперсегментными элементами текста);

- социальная дистанция сокращается (например, часто используется прямое обращение к конкретному зрителю. Используется местоимение «ты»);

- формируется ощущение уникальности партнеров по общению (преимущественно за счёт подчеркивания оригинальности их точек зрения

и важности их участия в работе канала: «Оставляйте комментарии! Нам важно мнение каждого из вас!»).

К наиболее распространенным моделям интерактивной коммуникации отнесём:

– заражение – то есть трансляция конкретного эмоционального состояния. Зритель не ощущает преднамеренного давления, а скорее неосознанно усваивает образцы поведения блогера. Такая модель обнаружена как доминирующая в 72% проанализированных выпусков. Блогеры транслируют своё эмоциональное состояние в тексте, подкрепляют его видеорядом, а аудитория подражает ему в комментариях;

– внушение – неаргументированное, эмоциональное воздействие вербальными средствами при отсутствии логической аргументации. Встречается заметно реже (21% выпусков). Так, блогеры иногда используют уговоры, повторы одной и той же мысли. Особенно часто мы встречаем такую модель в ситуации интеграции, когда очевидна коллаборация с брендами и скрытое рекламирование каких-то товаров или услуг;

– подражание – воспроизведение черт и образцов поведения другого человека. Наиболее редкая модель 7% выпусков. Как правило, опирается на работу метапрограммы «сходство» и механизм отождествления. В этом случае сам блогер начинает копировать доминирующую реакцию аудитории.

Также блогеры используют различные формы обратной связи. По содержанию ответной реакции она может быть соглашательской или полемической. На проанализированных нами каналах доминировал первый подход. По полноте выражения ответные комментарии блогеров могут быть явными и порционными. В первом случае автор в одном ответном комментарии выражает свое отношение к позиции аудитории, а во втором – делает много постов. По моментальности реагирования обратная связь может быть спонтанной (сразу после опубликования выпуска) или отложенной. По форме выражения – вербальной и невербальной (эмоджи).

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что видеоблогеры имеют точное представление о важности интерактивной коммуникации и используют широкую палитру как внутритекстовых, так и затекстовых средств ее активизации.

Литература

1. Новейший философский словарь. – URL: <https://slovar.cc/fil/slovar/2480596.html> (дата обращения: 05.12.2022).
2. Neuman W.R. The Psychology of the New Media // Television for the 21st Century. The Next Wave. Washington, 1993. – P.44-53.

Раздел 4. Психолингвистическое описание семантики

Н.В. Акованцева

Национальная специфика семантики лексем *отдых*, *отдыхать* по экспериментальным данным

Анализ семантики реакций ассоциативного поля ОТДЫХ позволяет выявить национальную специфику этого понятия. В данном аспекте исследования мы, вслед за Е.А. Маклаковой и И.А. Стерниным, разграничиваем национальную специфику языка и национальную специфику семантики (Маклакова, Стернин 2014). Национальная специфика языка – это те особенности, которые отличают его от других языков. Национальная специфика семантики представляет собой отражение неповторимости национальной действительности в значениях лексических единиц и находит выражение в безэквивалентных лексемах, семемах и семах. Национальная специфика семантики является одной из составляющих национальной специфики языка.

В качестве одного из видов национальной специфики семантики выступает национально-культурная специфика семантики языка, проявляющаяся в наличии культурно обусловленных сем и семем. Национально-культурная специфика семантики, в свою очередь, проявляет себя как ментальная культурная специфика, так и как опредмеченная культурная специфика. Их изучением, как подчеркивают Е.А. Маклакова и И.А. Стернин, должны заниматься две смежные, но разные науки: лингвокультурология и лингвострановедение. Опредмеченная культурная специфика (наименования материальных предметов, социальных институтов, учреждений, должностей и под.) является предметом *лингвострановедения*, что в отечественной лингвистической и методической традиции обосновано и разработано в трудах Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.Т. Листровой-Правды и др. Ментальная культурная специфика (культурные концепты, явления художественной культуры и под.) входит в сферу изучения лингвокультурологии (Красных 2002, с. 12).

В ассоциативном поле ОТДЫХ (Акованцева 2022) нами были выявлены как лингвокультурные особенности русской лексики, номинирующей сферу отдыха, так и её лингвострановедческая специфика.

Лингвокультурная специфика лексики сферы ОТДЫХ в русском языке

В словах ОТДЫХ и ОТДЫХАТЬ были выделены следующие лингвокультурные семы:

Дома 237, на диване 18 (лежать на диване 4), лениться 3 – выражена стереотипная черта характера русского человека, часто упоминаемая в фольклоре.

На море 411 – море как основное место отдыха.

На даче 52, на участке 1 – городские жители предпочитают на время отдыха выехать за город. В 80–90-е годы стали массово появляться приусадебные участки. За неимением возможности поехать «на море», люди отдыхали «на даче».

Гулять 51, гулять по улицам без цели 1, гулять сколько влезет 1 – для детей и молодежи традиционным оказывается проведение времени на улице, во дворе. Там компания, там совместные игры, общение.

За границей 47, за рубежом 5 – желаемое место проведения отдыха.

Летом 47 – время каникул у детей в школе, у молодежи – в вузе, взрослые тоже предпочитают брать отпуск в летний период, что также связано с предпочтением русских людей отдыхать *на море*.

Отпуск 19 – официальное название отдыха, период времени, когда человек не работает. Отпуск может быть оплачиваемый или без содержания.

В деревне 26, у бабушки в деревне 1 – многие городские жители имеют родственников в сельской местности. В России обычная практика – отправлять детей на лето «к бабушке в деревню».

Общение 18, общение с друзьями 9, спор 1 – для русского человека очень важно общение, разговор с близкими людьми, обсуждение существующего положения дел в разных сферах и даже спор.

С кружечкой чая 1 – традиционные чаепития.

Вылазка 1 – поездка за город с целью отдыха, развлечения.

Есть шашлыки 2 – традиционно предполагается выехать на город (на озеро, в лес, на дачу и т.п.). Часто так проводят выходные и праздничные дни многие русские люди.

Сидеть у костра 2, костер в кругу друзей 1, петь песни 1, гитара 1, играть на гитаре 1, палатка 2, поход 3 – традиционны среди людей старшего поколения (во времена их молодости) походы на природу, ночевки в палатках, костры и песни под гитару.

Пить пиво на природе 1, пить что-нибудь алкогольно-расслабляющее 2, с бутылкой 1 – часто отдых на природе сопровождается употреблением алкогольных напитков.

Рыбачить 4, быть на охоте 3 – активный отдых.

Собирать ягоды 1, ходить за грибами 1 – ранее жизненно необходимый традиционный навык сегодня является способом проведения свободного времени.

На турбазе 6, в санатории 6, в доме отдыха 1, оздоровительный 5 – вероятно, данные семы получены в ходе интерпретации ассоциативных

реакций людей старшего поколения, которые озабочены состоянием своего здоровья.

Думать 8, размышлять 2, в собственных грезам 1, грустить 16 – если предыдущие ряды сем указывали на такой компонент отдыха, как активность, то в данном ряду отражена иная составляющая отдыха – созерцательное, пассивное времяпрепровождение.

Читать книги 4, чтение и беседа 1 – достаточно часто русские люди представляют отдых за чтением книг.

Заниматься рукоделием 1, шить 1 – девочек с детства обучают рукоделию, это русская традиция. Навык, приобретенный в детстве, становится хобби взрослых людей.

Национальной спецификой обладает и обозначение людей, в компании которых проводится свободное время. Обращает на себя внимание сема «близкий по духу» – *с одноклассниками 2, с одноклассниками 1, с однокурсниками 1, люди сходные по духу 1, с духовно близкими любимыми людьми 1, с братьями 1* (разг.), *с корешами 1* (прост.), *с соратниками 1*.

Большое количество ассоциатов поля – слова с коннотативным компонентом значения. Такие слова выражают национальную специфику черт характера русского человека и способов проведения отдыха: *без оглядки 1* (разг.), *без комплексов 1, безмятежный 1, безнравственный 1, безрассудно 1, беспечность 1, беспредельно 1, бешено 1, буйный 1, вверх ногами 1* (разг.), *гигантский 1, глубокий 1, грандиозно 1, привольно 1, непредсказуемо 1, непринужденно 1, обалдеть 1* (прост.), *озорной 1, опасный 1, орать 1* (разг.), *оттопыриваться по полной как в последний раз!!! 1* (разг.), *по полной программе 1* (жарг.), *вечный 1, внезапный 1, всегда мало 1, делать что-то из ряда вон выходящее 1, тратить деньги 1, благодать 1, блаженство 1, угорать 1* (жарг.), *халява 1* (прост.), *широко 1*.

Ещё одна национально значимая сема, выявленная в ходе анализа ассоциативного поля «Отдых» – «свобода»: *свободно 4, свободное время провождение 4, свободный 4, свобода действий 1, свобода мыслей 1, свободное времяпрепровождение которое можно потратить на интересующую деятельность 1, свободное времяпровождение где захочешь и когда захочешь 1*.

Интерпретация ассоциативных реакций указывает на то, что в русском национальном сознании отдых часто ассоциируется с игрой: *играть в футбол 4, футбольное поле 1, играть в шахматы 1*.

Есть семы, указывающие на специфику отдыха в сельской местности: *в поле 1* – во время работы в поле можно устроить перерыв (отдых) прямо на поле;

с семечками 1 – в сельской местности традиционно после полевых работ люди отдыхали на улице, общались и грызли семечки. Традиция грызть семечки на улице сегодня наблюдается и в городах.

Устойчивые сочетания:

С душой 8 (разг.), от души 1 (разг.), с размахом 4, с огоньком 1 (разг.), по полной программе 1 (жарг.), делать что-то из ряда вон выходящее 1, со вкусом 1 – в значении очень хорошо, качественно, душевно, достойно отдыхать.

Душой и телом 1 (разг.), отдыхать должны душа и тело 1, расслабляться душой и телом 1 – отдых должен быть физический и эмоциональный.

На свежем воздухе 7 – т.е. вне помещения.

Сменить обстановку 1 – под обстановкой подразумевают привычное окружение, которое рекомендуют поменять, чтобы отдохнуть.

Пузом кверху 1 (прост.) – означает пассивное времяпрепровождение, безделье.

Фразеологические единицы:

На всю катушку 1 – отдыхать до предела, максимально отдаваясь этому занятию.

В дрова 1 – находиться в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Проведя лингвокультурный анализ специфики лексики, входящей в ассоциативное поле ОТДЫХ в русском языке и учитывая частотность реакций на слова-стимулы ОТДЫХ и ОТДЫХАТЬ, можно сделать вывод о том, что типичным отдыхом для русского человека является проведение *отпуска летом на море, на даче или в деревне*. Также предпочтительным оказывается проведение *свободного времени дома, общение с друзьями, близкими по духу людьми*. Отдых в целом вызывает у реципиентов положительные эмоции, которые они выражают разнообразными эмоционально и экспрессивно окрашенными реакциями.

Интересны единичные реакции, которые также выражают лингвокультурную специфику исследуемой лексической единицы. Например, *собирать ягоды; ходить за грибами; заниматься рукоделием, шить; вылазка; в доме отдыха; с кружечкой чая; играть в шахматы; с семечками*.

Из выделенных Ю.Е. Прохоровым и И.А. Стерниным основных коммуникативно-релевантных черт русского менталитета (Прохоров, Стернин 2006) в исследуемом ассоциативном поле актуализированы следующие:

– **Соборность.** В АП ОТДЫХ отмечается высокая частотность реакций, называющих компаньона отдыха (*с друзьями 349, с родными 142, с семьей 120, с родителями 67*). Русскому человеку привычно проводить время в компании людей. Естественное желание людей уединиться, остаться в одиночестве скорее вызывает недоумение в русском обществе.

– **Душевность социальных отношений.** Компонент значения лексемы ОТДЫХ «душевность» обнаруживается в исследуемом АП в разных реакциях (*с душой 8, от души 1, душой и телом 1, общаться 11, общаться*

с друзьями 9, общение 6, беседа 1, душевный 2, душевно 1, душу радует 1 и др.).

– **Созерцательность мышления.** Русскому человеку свойственно проводить отдых, размышляя, созерцая, и исследуемый материал это доказывает (*думать 8, мечтать 8, размышлять 2, созерцание 2, смотреть 2, в собственных грезх 1, время грез 1, время чтобы поразмыслить 1, один на один с мыслями, приводит мысли в порядок 1*).

– **Бытовая импульсивность.** Русскому человеку свойственны эмоциональные всплески, увлеченность процессом, азартность. Этим объясняется большое число экспрессивных, эмоционально-окрашенных реакций в исследовании (*безрассудно 1, бешено 1 (разг.), буйный 1, вверх ногами 1 (разг.), непредсказуемо 1, внезапный 1, озорной 1, опасный 1, орать 1 (разг.), делать что-то из ряда вон выходящее 1, с огоньком 1, с эмоциями 1, с энтузиазмом 1, обалдеть 1 (прост.), угорать 1 (жарг.), драйв 1 (жарг.), резвиться 1*).

– **Неосмотрительность,** которая тесно связана с импульсивностью, с установкой надеяться «на авось». Отмечается некоторая беспечность в действиях и поступках русского человека (*безбашенный 5, без оглядки 1, беспечность 1, тратить деньги 1*).

– **Нелюбовь к среднему.** Русскому человеку свойственно «бросаться в крайности», он не принимает «полумер», что находит отражение в исследуемом ассоциативном поле (*с размахом 4, гигантский 1, глубокий 1, грандиозно 1, оттопыриваться по полной как в последний раз!!! 1 (разг.), по полной программе 1 (жарг.), вечный 1, широко 1, всегда мало 1, беспредельно 1*).

– **Законопренебрежение.** Русский человек пренебрегает законами, что подтверждается существованием расхожей фразы «правила существуют, чтобы их нарушать». Законы пишут для всех, но могут быть исключения, уверен русский человек (*безнравственный 1, без комплексов 1, без милиции 1, безмятежный 1, привольно 1, непринужденно 1*).

– **Потребность в идеалах.** Русский человек стремится идеализировать ситуацию, часто выдавая желаемое за действительное (*за границей 47, за рубежом 5, благодать 1, блаженство 1*).

– **Второстепенность материального.** Русский человек относится к материальному как к не главному в жизни. Русские положительно оценивают неприхотливость в быту, часто предпочитают виды отдыха, которые не требуют существенных материальных затрат (*дешево 1, бесплатно 1, халыва 1 (прост.), собирать ягоды 1, ходить за грибами 1, на природе 155, гулять 51, гулять по улицам без цели 1, гулять сколько влезет 1*).

Перечисленные черты не исчерпывают всю многогранность национального характера русских людей, но характеризуют наиболее существенные, релевантные, наиболее часто обсуждаемые в обществе.

Наиболее коммуникативно-релевантными среди них оказываются соборность, душевность социальных отношений, бытовая импульсивность и второстепенность материального.

Лингвострановедческая специфика лексики сферы ОТДЫХ в русском языке

В АП ОТДЫХ представлены:

– доступные места отдыха на морском побережье: *на Юге 27, в Сочи 8, в Анапе 3, в Крыму 2, в Ялте 2, в Алуште 1, в Геленджике 1, Евпатория 1, Массандра 1;*

– красивые природные места России: *в Дивногорье 1, в Карелии 1, в Сибири 1, на Севере 1, озеро Селигер 1.*

– города России, предпочитаемые для посещения с познавательной целью: *в Москве 1, в Питере 1, в Воронеже 1, Норильск (родной город) 1.*

Перечисленные лексемы следует давать с лингвострановедческим комментарием, если иметь в виду их использование в обучении иностранцев.

Анализ семантики реакций ассоциативного поля ОТДЫХ позволяет выявить национальную специфику этого концепта. Как видим, в АП ОТДЫХ единицы, отражающие ментальную культурную специфику, представлены намного многочисленнее и разнообразнее по выражаемым значениям, чем единицы, отражающие опредмеченную культурную специфику. Полученные результаты могут служить основой для описания особенностей русского отдыха в различных учебных изданиях и лингвострановедческих словарях.

Литература

1. Акованцева Н.В. Ассоциативное поле как особый вид лексической группировки (на материале экспериментального исследования ассоциативного поля «отдых/отдыхать»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2022.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М., 2002.
3. Маклакова Е.А., Стернин И.А. Национальная специфика языка и лингвокультурология // Сопоставительные исследования 2014. – Воронеж: Истоки, 2014.
4. Прохоров Ю. Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта, Наука, 2006.

Т.И. Баястанова, У.Д. Камбаралиева

Значение слова «политика» в сознании носителей русского и киргизского языков в Кыргызской Республике

Целью данной статьи является исследование психолингвистического значения слова «политика» в языковом сознании носителей русского и киргизского языков современной Кыргызской Республики.

Как обозначение одной из областей жизнедеятельности людей, политика на протяжении многих веков становилась предметом интереса и исследований различных видов наук. В словарях политика определяется следующим образом: «1) деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями; 2) вопросы и события общественной, государственной жизни; 3) образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми (разг.)» (Ожегов 1986, с. 478).

В киргизском и других языках можно встретить почти аналогичное определение политики, что демонстрирует схожесть восприятия ее людьми разных национальностей.

В наше время слово «политика» относится к тем словам, которые могут эксплицировать сложные, очень быстро меняющиеся социально-исторические процессы в обществе и отношение членов социума к ним. Динамичность значения указанного слова свидетельствует о культурной маркированности и значимости этой лексической единицы для общества и является причиной изучения ее значений в языковом сознании людей.

Как отмечается в труде З.Д. Поповой и И.А. Стернина, для изучения психологически реальных значений слова наиболее эффективным методом «является психолингвистический эксперимент, и прежде всего ассоциативный эксперимент в двух его разновидностях – свободный и направленный» (Попова, Стернин 2007, с. 166).

Для того, чтобы выявить психолингвистическое значение лексической единицы «политика», нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент, который «имеет целью построение ассоциативного поля стимула (описание совокупности реакций, упорядоченных по убыванию частотности), которое далее выступает как материал для семантической интерпретации» (Попова, Стернин 2007, с. 166-167).

При проведении эксперимента нами было принято решение учитывать национальную принадлежность опрашиваемых, а также уровень владения респондентами родным языком. Отметим, что в Кыргызской Республике статус русского языка как официального закреплен Конституцией (киргизский язык является государственным), и по данным

статистического комитета республики, большинство жителей являются билингвами, а некоторые представители различных национальностей родным языком считают русский язык.

В направленном ассоциативном эксперименте анонимно принимали участие 416 человек (с 18 и выше лет) киргизской и русской национальностей (207 русских и 209 киргизов). В числе участников эксперимента были также люди, недавно по разным причинам переехавшие в Кыргызскую Республику. Эксперимент был проведен в письменной форме и в форме устного опроса. Участники, в соответствии с условием нашего направленного эксперимента, в своих ответах ограничивались существительными (для Вас политика – это что?), в редких случаях ими были использованы словосочетания.

По методике проведения психолингвистического эксперимента, предложенной в труде И.А. Стернина и А.В. Рудаковой (Стернин, Рудакова 2011, с.142), мы зафиксировали слова-ассоциации информантов на слово-стимул «политика» (на киргизском языке – «саясат»), затем попытались построить ассоциативное поле исследуемого слова-стимула. При проведении эксперимента не было зафиксировано отказа от ответов, поскольку, как отметили сами участники обеих национальностей, явление, номинируемое словом «политика», очень актуально в наше время и интересует всех людей во всех государствах.

В ответах всех респондентов – женщин и мужчин, а также молодых людей и представителей старшего поколения русской и киргизской национальностей заметных различий не было, поэтому нами было принято решение обобщить все ответы и выявить психолингвистическое значение слова «политика» в языковом сознании всех участников – носителей русского и киргизского языков.

По результатам эксперимента, получены следующие реакции на слово-стимул «политика» (ответы респондентов киргизской национальности переведены нами на русский язык):

власть (40), игра (39), «верхушка», (37), деньги (34), коррупция (33), сила (29), грязь (24), связь (22), «блат» (17), инструмент порабощения (14), отношение (13), «кормушка» (10), взятка (8), беззаконие (6), карательный механизм (5), беспредел (3), война (2), доминантность, финансы, хитрость, бюрократизм, оккупация, обман, граница, тонкий расчет, предательство, воровство, оружие, Аристотель, парламент, сражение, государство, двуличие, атака, закон, ораторство, конфиденциальность, амбиция, полемика, Белый дом, депутаты, Сталин, правительство, президент, мерзкое дело, народ, система, яд, мина замедленного действия, лиса, сладкая отравка, путь, продажность, змея, вода, разочарование, гибкость, отравляющий газ, безразличие, несправедливость, ущемление прав, осторожность, оборона, кадры, экономика, ураган, нейтралитет, агрессия, «имперские замашки», кровь, национализм, хаос, либерализм,

решение проблем, судьба, глобальность, защита, апатия, ветер, буря, эффективность, смерть, колонизация, поколение, корысть, проблемы, нация, налог, катастрофа, здравомыслие, фатальность, традиция, мудрость, образование, учёба, поддержка (1).

Как показали результаты, по указанному слову-стимулу преобладают негативные реакции и реакции, выражающие нейтральное отношение респондентов к данному явлению. Лексических единиц с положительной характеристикой слова «политика» в ответах участников было очень мало.

Опираясь на труд И.А. Стернина и А.В. Рудаковой (Стернин, Рудакова 2011, с. 144), была выполнена семная интерперетация и сформулированы семантические признаки лексемы «политика» в языковом сознании носителей русского и киргизского языков современной Кыргызской Республики:

1) используется как инструмент управления; 2) выступает как средство измерения, оплаты, достижения цели; 3) используется как властное полномочие для личной выгоды; 4) является деструктивной силой; 5) подразумевает грязную, нелегальную деятельность; 6) олицетворяет низменные качества человека; 7) наносит вред; 8) используется как оружие уничтожения; 9) является особым видом общественной деятельности; 10) подразумевает высшие исполнительные органы; 11) ассоциируется со знаменитыми людьми общества; 12) выступает в качестве общепринятых правил, законов; 13) выражает навыки и умения человека; 14) предусматривает хитрость и мудрость 15) олицетворяет историческую общность людей; 16) аналогично стихии и военным действиям; 17) воспринимается как предначертанное свыше; 18) воспринимается как опора для человека.

Таким образом, психолингвистическое описание значения лексической единицы «политика» не совпадает с лексикографическим, что объясняется интенсивным функционированием указанного слова в различных социально-исторических условиях. Отметим, что в ответах-реакциях отражается как личный опыт респондентов, так и прослеживается связь с историей и настоящим той национальной культуры, к которой они себя относят.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., – М.: Рус. яз., 1986.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
3. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы. Монография. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

Антропоцентрический подход к описанию географических пространств

Наука топонимика находится на стыке географии и лингвистики, поэтому традиционный способ семантизации топонимов фактически представляет собой описание географических пространств, названных этим топонимом. В зависимости от цели описания оно может быть более или менее развернутым. «Географический энциклопедический словарь» определяет географическое пространство как «форму существования географических объектов и явлений в пределах географической оболочки; совокупность отношений между географическими объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени». (Географический энциклопедический словарь 1988, с.56)

В данной статье мы предлагаем антропоцентрический подход к семантизации топонима, что обеспечит несколько иной (антропоцентрический) взгляд на описание географического пространства. Включение в описание географического пространства психолингвистического значения топонима, обозначающего это пространство, несет в себе информацию о том, как данное географическое пространство представлено в сознании носителей русского языка.

Материалом для формулирования психолингвистического значения топонима служат результаты психолингвистических экспериментов. В зависимости от того, представленность географического пространства в сознании какой группы населения нас интересует, выбирается соответствующая группа испытуемых. Это могут быть местные жители данного географического пространства или обитатели других местностей. Кратко опишем предлагаемую процедуру экспериментов на примере проведенного нами исследования 10 топонимов в рамках диссертационного исследования «Топонимы, символизирующие Россию в актуальном языковом сознании носителей русского языка», в ходе которого использовались методы свободного и направленного психолингвистического эксперимента. Испытуемым была предложена следующая инструкция:

1. Свободный ассоциативный эксперимент:

Напишите любое слово, которое ассоциируется у вас со словом ...

2. Направленный ассоциативный эксперимент:

Ответьте на вопрос: «... – какая?(какой?)»

В конце анкеты испытуемым было предложено указать возраст, пол и дату заполнения анкет.

В результате обработки и обобщения полученных экспериментальным путем по каждому топониму данных двух экспериментов были

сформированы описания психолингвистических значений изучаемых топонимов (Дьяконова 2022, с.13).

Приведем результаты работы с топонимом МОСКВА.

Эксперименты проводились в январе – мае 2018 г. Испытуемыми выступили 100 человек: жители Москвы, Московской области, Тамани, Санкт-Петербурга, Воронежа, Владивостока – лица мужского и женского пола в возрасте от 8 до 83 лет.

Полученные реакции с указанием индекса яркости семы приведены ниже:

Город 0,03 большой 0,20 красивый 0,15 российский 0,02 с быстрым темпом жизни 0,20, столица 0,06, имеющая много достопримечательностей 0,06, разнообразная 0,09 с плохой экологией 0,09 шумная 0,08, православная 0,08, проживает много людей 0,07, характерно наличие пробок 0,06, развита транспортная сеть 0,11, современная 0,11, деловой центр 0,11, яркая 0,08, родная 0,08, город возможностей 0,07, статусная 0,07, посещаемая лицами из других городов 0,06, древняя 0,06, много развлечений 0,06, доминирует красный цвет 0,04, агрессивная 0,03, город детства 0,03, с высоким уровнем жизни 0,03, постоянно в состоянии ремонта 0,03, любимая 0,03, есть вокзалы 0,03, переулки 0,03, серая 0,02, культурный центр 0,02, есть водоемы 0,01, образованная 0,01, проживают лица разных национальностей 0,01, плохой город 0,01.

После обработки полученных результатов было сформулировано психолингвистическое значение топонима:

МОСКВА

Большая красивая столица с быстрым темпом жизни и плохой экологией.

Сравним представленное в сознании носителей русского языка описание с традиционным описанием географического пространства, обозначаемого топонимом МОСКВА, взятым из «Большого энциклопедического словаря». «МОСКВА — столица Российской Федерации, город-герой, центр Московской обл. Москва — город федерального значения, субъект Российской Федерации. Крупнейший в стране и один из важнейших в мире политический, промышленный, научный и культурный центр. Расположена в Европейской части Российской Федерации, в междуречье Оки и Волги, на р. Москва. Граница города в основном проходит по Московской кольцевой автомобильной дороге. Площадь ок. 1000 км². 8667 тыс. жителей (1993; 8881 тыс. жителей, включая населенные пункты, подчиненные городской администрации). Крупный транспортный узел (железнодорожные, автомобильные дороги, речные порты, 4 аэропорта — Внуково, Домодедово, Шереметьево, Быково). Впервые упомянута в летописи под 1147. С 13 в. центр княжества, в 14 в. центр Великого княжества Московского, со 2-й пол. 15 в. столица единого Российского государства. С перенесением столицы России в Санкт-Петербург (1712)

сохранила значение второй столицы. Во время Отечественной войны 1812 в сентябре-октябре находилась в руках французских войск Наполеона I и была сильно разрушена. После крестьянской реформы 1861 в Москве возросло число текстильных, обувных, пищевых и металлообрабатывающих предприятий. В нач. 20 в. Москва стала одним из крупнейших промышленных и культурных центров России. 2(15).11.1917 установлена советская власть. С 12.3.1918 столица РСФСР, в 1922-91 — СССР, с 1991 — Российской Федерации. Ведущее место в промышленном производстве в Москве занимают машиностроение и металлообработка. Развиты: автомобилестроение (ПО: "ЗИЛ", "Москвич") — станкостроение (ПО: станкостроительное "Красный пролетарий", "Станкостроительный завод" им. С. Орджоникидзе; заводы координатно-расточных станков, автоматических линий и др.) — электротехническая промышленность (завод "Динамо" и др.) — приборостроение (ПО: "Манометр", "Геофизприбор" и др.); заводы: тепловой автоматики, часовые, подшипниковые и др.; производство химического оборудования). Металлургическая (завод "Серп и молот" и др.) — химическая и нефтеперерабатывающая (ПО: "Каучук", "Красный богатырь" и др.; заводы: химические, шинный и др.) промышленность; производство стройматериалов. Предприятия легкой (комбинаты: хлопчатобумажный "Трехгорная мануфактура", шелковый "Красная Роза"; обувные фабрики: "Буревестник", "Парижская Коммуна" и др.) — пищевкусовой (мясная, молочная; кондитерские фабрики "Красный Октябрь", "Большевик", "Рот-Фронт", им. Бабаева; табачные фабрики "Ява", "Дукат" и др.) промышленности. Метрополитен (с 1935; 150 станций на 1 сентября 1994). В Москве — Российская Академия наук (РАН) — отраслевые академии: Российская академия сельскохозяйственных наук (РАСХН) — Российская АМН, Российская академия образования (РАО) — Российская академия художеств (РАХ); св. 1000 НИИ и КБ. Св. 80 вузов (в т. ч. университеты, военные, медицинские, художественные, духовные и другие вузы). Св. 60 профессиональных театров, в т. ч. Большой, Малый, МХАТ им. Чехова, МХАТ им. Горького, театры: им. Вахтангова, им. Ермоловой, им. Маяковского, им. Моссовета, "Сатирикон", Сатиры, "Современник", "Ленком", Театр на Таганке, Центральный театр Российской армии, Российский молодежный, Центральный театр кукол; библиотеки (Российская государственная, иностранной литературы, Историческая и др.) — 74 музея, в т. ч. Исторический, Изобразительных искусств им. Пушкина, музейное объединение "Государственная Третьяковская галерея" и др. Старая часть Москвы имеет радиально-кольцевую планировку. Историческое ядро Москвы — ансамбль Московского Кремля, рядом с ним Красная площадь, храм Василия Блаженного. Среди сохранившихся памятников — церковь Вознесения в Коломенском, архитектурные комплексы монастырей (Андроникова, Донского, Свято-

Данилова, Новодевичьего, Симонова и др.) — ансамбли усадеб (Кусково, Останкино, Кузьминки, Царицыно и др.) — церкви и отдельные здания 17 в., жилые и общественные здания 18 — 1-й пол. 19 вв. в стиле классицизма — Пашков дом (ныне корпус Российской государственной библиотеки) — Благородное собрание (Колонный зал) — старое здание Московского университета, Большой театр. В 1920-30-е гг. были реконструированы центр Москвы и крупнейшие магистрали (при этом разрушены некоторые ценные памятники истории и архитектуры). С сер. 50-х гг. застраивались большие городские районы по типовым проектам, созданы новые микрорайоны и крупные общественные сооружения: высотные здания (в т. ч. университет на Воробьевых горах) — комплекс Центрального стадиона в Лужниках, Государственный Кремлевский Дворец, ансамбль Нового Арбата, ряд олимпийских объектов. Игры XXII Олимпиады (1980). Вокруг Москвы сложилась крупнейшая в Российской Федерации городская агломерация» (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/203526>).

Перечислим семы, совпадающие в психолингвистическом и традиционном описаниях: город, большой, российский, столица, имеющая много достопримечательностей, развита транспортная сеть, современный деловой центр, проживает много людей, разнообразная, древняя (из традиционного описания можно сделать такой вывод, исходя из приведенных исторических данных), много развлечений (из традиционного описания можно сделать такой вывод, исходя из приведенных данных о музеях, театрах и т.д.), есть вокзалы, культурный центр, есть водоемы, православная (из традиционного описания можно сделать такой вывод, исходя из приведенных данных о сохранившихся монастырях и храмах, а также исторических данных), центр образованная (из традиционного описания можно сделать такой вывод, исходя из приведенных данных о различных учебных заведениях), с плохой экологией (из традиционного описания можно сделать такой вывод, исходя из данных о промышленности Москвы).

В традиционном описании не представлены следующие семы: красивая, с быстрым темпом жизни, шумная, характерно наличие пробок, яркая, родная, город возможностей, статусная, посещаемая лицами из других городов, доминирует красный цвет, агрессивна, город детства, с высоким уровнем жизни, постоянно в состоянии ремонта, любимая, переулки, серая, проживают лица разных национальностей, плохой город.

Приведем семы, не представленные в психолингвистическом описании: крупнейший в стране, один из важнейших в мире политический, промышленный, научный центр. Расположена в Европейской части Российской Федерации, в междуречье Оки и Волги, на р. Москва, граница города проходит по Московской кольцевой автомобильной дороге, место проведения XXII Олимпиады (1980).

Мы видим, что, в отличие от психолингвистического описания, в традиционном описании превалирует перечисление фактов: названия театров, заводов, аэропортов и т.д., приводятся исторические сведения, в то время как в психолингвистическом описании семы приводятся в обобщенном виде. Например, психолингвистическое описание содержит сему «древняя», в то время как в традиционном описании мы находим перечень исторических фактов, подтверждающих данную обобщенную сему.

Если для традиционного описания Москвы характерно использование сравнений: крупнейший в стране и один из важнейших в мире, то в психолингвистическом описании они отсутствуют.

Интересен также факт, что в психолингвистическом описании Москвы никак не фигурирует ее географические характеристики, с которых начинается традиционное описание. При этом в психолингвистическом описании мы можем обнаружить антропоморфные семы, отсутствующие в традиционном. Антропоморфными семами мы называем семы, уподобляющие денотат человеческому существу, например, агрессивная, образованная. (Дьяконова 2022, с.15).

Таким образом, очевидно, что психолингвистическое описание в значительной степени расширяет и уточняет традиционное описание географического пространства.

Из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что было бы весьма полезно дополнить традиционное описание географических пространств психолингвистическим описанием, сделав его одной из характеристик географического пространства.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. – <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/203526>
2. Географический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1988.
3. Дьяконова Е.А. Топонимы, символизирующие Россию в актуальном языковом сознании носителей русского языка : автореф... дис. кан. филолог. наук. – Воронеж: 2022.

Н.А. Козельская, Ю.К. Шляпина

Экспериментальное изучение восприятия языковой иронии

Термином «ирония» в научной литературе обозначаются разнообразные явления, которые объединяет идея противоречия между скрытым и буквальным смыслом. Как правило, ирония осмысливается как контекстуально обусловленный феномен. Вместе с тем известно, что ироническая семантика может быть неразрывно связана с основным значением слова и зафиксирована в словаре с помощью соответствующей

пометы. На этом основании различается языковая и речевая ирония (Вакуров 1968). Так, Л.В. Самыгина подчеркивает: «Для языковой иронии нужен минимальный контекст либо она не нуждается в таком контексте вообще. Языковая ирония реализуется тогда, когда ироническая семантика прочно закреплена в общем значении слова и фиксируется словарями» (Самыгина 2017). В этой связи мы задались целью выявить словарные данные о наличии у слов ингерентной, неконтекстной иронии и верифицировать её восприятие носителями языка.

Исходя из существования двух видов иронии – языковой и речевой – мы обратились к словарям, чтобы выявить корпус примеров, включающих в первое, основное значение иронический смысл. В результате сплошной выборки из Большого толкового словаря С.А. Кузнецова и словаря С.А. Ожегова и Н.Ю. Шведовой была сформирована группа слов с пометой «ирон.» в первом значении – 177 единиц. Из этой группы мы отобрали репрезентативные примеры для проведения рецептивного эксперимента. Поскольку в выборке треть составили слова с двойной пометой *устаревшее* и *ироническое*, то в эксперимент были включены подобные слова (*вальяжный, велеречивый, визитёр, вознамериться, всезнайство, вящий, грамотей*). Другую группу составили слова употребительные, разговорные (*восвояси, душещипательный, многогоречие, пописывать, рыдалец, экий*).

Отличительной особенностью исследованного словарного материала является наличие значительной группы слов (130 ед.) с двойной пометой: *устаревшее* и *ироническое*.

С целью выявления возможности определения, понимания носителями языка иронической коннотации был проведён рецептивный эксперимент, для которого нами были разработаны две анкеты. В первой анкете участникам эксперимента было предложено ответить, содержится ли иронический оттенок в этих словах. В эксперименте приняли участие 40 человек (студенты нефилологических специальностей в возрасте 18-24 лет).

В список слов, в которых большинство участников определили иронический оттенок, вошли такие слова, как *рыдалец* – 90%, *душещипательный* – 85%, *архаровец* – 82,5%, *выискаться* – 80%, *всезнайство* – 80%, *грамотей* – 80%, *пописывать* – 77,5% опрошенных респондентов. В словах: *многогоречие* – 90%; *визитер*–87,5%; *вящий*–74,4%; *вознамериться* – 72,5% участников не распознало иронического смысла.

Полученные данные указывают на то, что ирония в рассмотренных словах была воспринята вне контекста немного более чем половиной участников – 54,7%, а 45,3% респондентов её не распознали.

Таким образом, нельзя утверждать, что ирония в словах с соответствующей словарной пометой в первом значении уверенно

распознается носителями языка.

Во второй анкете были представлены предложения, отобранные из Национального корпуса русского языка и содержащие данные слова. Участники должны были выбрать одну или две пометы для выделенных в предложениях слов. На выбор предлагались пометы: *ирон.*, *шутл.*, *пренебр.*, *презрит.*, *неодобр.*, *одобр.*, *нейтр.* Представим полученные ответы.

1. Балет, названный в программке "От меня к тебе на полпути", танцевали под удары гонга, громовые раскаты, лязганье, скрежет и еле слышные душещипательные мелодии.

ирон. 21, *шутл.* 8, *пренебр.* 6, *презрит.* 2, *неодобр.* 2.

Процент ответов с пометой *ирон.* от общего числа составил 53,8%.

2. Хорошо преподавал, потому что любил литературу и сам пописывал — пока только стихи.

ирон. 15, *пренебр.* 14, *шутл.* 9, *нейтр.* 2, *неодобр.* 1.

Процент ответов с пометой *ирон.* от общего числа ответов составил 36,5%.

3. Немцы, купцы, кавалергарды, профессора академий, шкипера, пономари, рыдалыцы, падшие женщины, слуги, великие князья, — все!

ирон. 14, *презрит.* 12, *шутл.* 6, *пренебр.* 6, *неодобр.* 5.

Процент ответов с пометой *ирон.* от общего числа ответов составил 32,5%.

4. К вящей гордости российских посетителей экспозицию открывает памятник Родина-Мать с волгоградского Мамаева кургана, а Москва представлена храмом Василия Блаженного.

ирон. 13, *нейтр.* 11, *одобр.* 7, *шутл.* 5, *неодобр.* 1, *пренебр.* 1.

Процент ответов с иронической пометой от общего числа составил 34,2%.

5. Баку — красивый, вальяжный город на берегу моря.

одобр. 14, *шутл.* 13, *ирон.* 9, *нейтр.* 6, *неодобр.* 1

6. В порту визитёрам показали строящийся контейнерный терминал, который будет сдан в эксплуатацию уже в сентябре этого года.

нейтр. 17, *ирон.* 9, *шутл.* 8, *одобрит.* 3, *пренебр.* 2, *презрит.* 2.

Процент ответов с иронической пометой от общего числа составил 23%.

7. Но в сочинении некоторым нашим грамотеям удавалось сделать до ста орфографических и синтаксических ошибок.

пренебр. 13, *презрит.* 10, *ирон.* 9, *неодобр.* 4, *шутл.* 2.

Процент ответов с иронической пометой от общего числа в этом случае составил 23,6%.

8. Поэтому предпочитает копаться в мелочах быта, топтаться на месте, спотыкаясь о любые обстоятельства, предаваться велеречивым абстрактным размышлениям.

неодобр. 12, *шутл.* 9, *ирон.* 8, *презрит.* 7, *пренебр.* 4, *нейтр.* 1.

Процент ответов с иронической пометой от общего числа составил 19,5%.

9. Тоже мне умник выискался!

неодобр. 14, пренебр. 14, ирон. 7, шутл. 7, презрит. 2.

Процент ответов с иронической пометой от общего числа составил 15,9%.

10. Должно быть, она долго следила за дохлым пескарём, а когда он чудодейственным образом ожил и вознамерился ускользнуть, сердце её вскипело.

шутл. 15, ирон. 7, неодобр. 7, нейтр. 6, одобр. 2, презр. 2.

Процент ответов с иронической пометой от общего числа составил 17,9%.

11. Значит, и тебя допекло их книжное всезнайство.

презрит. 18, пренебр. 10, ирон. 6, неодобр. 5, нейтр. 1.

Процент ответов с иронической пометой от общего числа составил 15,7%.

12. Дмитрий Новиков, как и перечисленные выше авторы, отказывается от многоречия и морока мегаполисов в пользу молчаливой мудрости северной природы.

нейтр. 11, неодобр. 9, одобр. 7, ирон. 6, пренебр. 3, презрит. 1, шутл. 1.

Процент ответов с иронической пометой от общего числа составил 15,7%.

13. Не жди меня, пока ребята мне этих двоих архаровцев не притащат.

неодобр. 14, пренебр. 10, презрит. 10, шутл. 5, ирон. 4, презрит. 3, нейтр. 1

Процент ответов с пометой ирон. от общего числа составил 8,5%.

14. Если Анна взорвётся и попросит их обеих убраться восвояси, ей просто некуда будет пойти.

неодобр. 16, пренебр. 8, презрит. 6, нейтр. 3, шутл. 3, ирон. 2.

Процент ответов с иронической пометой от общего числа составил 5,2%.

15. Экую цену заломил.

неодобр. 21, пренебр. 13, презрит. 5, шутл. 2, ирон. 2.

Процент ответов с иронической пометой от общего числа составил 4,6%.

Обсуждение результатов экспериментов

Сравнение ответов участников, определяющих содержание иронии в отдельных словах (анкета №1) и в контексте (анкета №2), дало следующие результаты.

В словах с высоким процентом определения иронического значения вне контекста респонденты неуверенно распознали иронический смысл в

контексте. Сравним (первая цифра указывает процент вне контекста, а вторая в контексте): *рыдалец* 90 – 32,5; *архаровец* 85,5 – 8,5; *душещипательный* 85 – 53,8; *всезнайство, грамотей* 80 – 23; *пописывать* 77 – 36,5; *восвояси* 47,5 – 5,2; *вальяжный* 47,5 – 23; *экий* 40 – 4,6%. Напротив, там, где вне контекста ирония не была распознана, в контексте респонденты ее определили: *вящий* 25 – 34; *многоречие* 10 – 16; *визитёр* 12,5 – 23%. Таких слов значительно меньше.

Среди слов с двойной пометой (*устар.* и *ирон.*) – *велеречивый, вящий, вознамериться, всезнайство, грамотей, вальяжный, визитёр* – пять слов не были отмечены как содержащие иронию. Однако когда эти слова были даны в контексте, то процент распознавания увеличился. Только два слова – *всезнайство* и *грамотей* – и вне контекста распознаются как содержащие иронию, и в контексте, но с меньшим количественным показателем. Таким образом, данные эксперимента по внеконтекстному определению иронической окраски слов показывают, что в словах *вознамериться, визитер, вящий, многоречие* её не распознает 71 % участников, а в словах *вальяжный, велеречивый, восвояси, экий* – 50% опрошенных. На этом основании можно предположить, что устарелость слова может быть препятствием к осознанию его ироничности особенно молодыми носителями языка.

Зафиксированная словарями ироническая коннотация распознается в контексте на 53,8 %, т.е. половиной участников эксперимента, и только в одном слове (*душещипательный*). В абсолютном большинстве примеров (кроме слова *вознамериться*, отмеченного как шутовское) восприятие иронического смысла конкурирует с негативной оценочностью. Анализ соотношения помет, выбранных участниками эксперимента, показывает, что в тех случаях, когда респонденты отдают предпочтение пометам с негативной оценочностью: *неодобр., пренебр., презрит.*, иронический оттенок значения оказывается минимально представленным.

Таким образом, предположение о том, что у слова может быть ингерентная, зафиксированная в словарях в первом, основном значении ироническая окраска слова, не получает однозначного подтверждения в данных проведённых экспериментов. Критерий контекста является принципиальным не только при выявлении речевой, но и языковой иронии.

Литература

1. Вакуров В.Н. Речевые средства юмора и сатиры в советском фельтоне. – М.: Изд-во МГУ, 1968.
2. Самыгина Л.В. Изучение иронии в сфере лингвистики//А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки), 2017. <https://cyberleninka.ru/journal/n/a-faktor-nauchnye-issledovaniya-i-razrabotki-gumanitarnye-nauki> (дата обращения – 24.12.2022).
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка – М.: Азбуковник, 1999.

Е.И. Колесникова

Психолингвистическое описание гендерной специфики семантики слова «друг»

Словарные дефиниции в толковых словарях отличаются от значений слов в актуальном сознании носителей языка. Это результат редукционизма, неизбежного при описании значения слова в толковом словаре, обусловленного ограниченностью объема словаря, а также быстрым устареванием описания значений в словарях и ускорением появления новых значений в современном языке (Стернин 2022, с. 113).

Наиболее эффективно психолингвистическое (психологически реальное) значение слова в языковом сознании выявляется экспериментальными приемами.

Нами было проведено исследование, цель которого – выявление и описание мужской и женской специфики семантики слова. Материалом исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента. Нами было опрошено 200 человек, из них 100 мужского пола (в возрасте от 18 до 65 лет) и 100 женского (в возрасте от 18 до 74 лет). Полученные ассоциативные результаты подвергаются семной и семемной интерпретации. Методика семантической интерпретации экспериментальных результатов описана в работе И.А. Стернина и А.В. Рудаковой (Стернин, Рудакова 2011, с. 139-143).

В данной работе представлен вариант словарной статьи подготовленного на кафедре общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета Гендерного психолингвистического толкового словаря русского языка (ПЛТС 2019), в разработке которого автор принимал участие. Статья включает ассоциативные поля, представляющие собой реакции женщин и мужчин на слово-стимул; полные и краткие дефиниции с указанием симиляров (то же, что...), оппозигов (противоположно...); совокупный индекс яркости (СИЯ) каждой семемы, который определяется как количество ассоциатов, объективировавших отдельную семему; пример употребления слова. Методика описания психолингвистического значения слова-стимула представлена в статье А.В. Рудаковой (Рудакова 2014, с. 37).

При обработке результатов свободного ассоциативного эксперимента были сформированы следующие женское и мужское ассоциативные поля стимула ДРУГ.

ДРУГ

Ассоциативные поля

Женщины

ДРУГ 100: старый 17, верный 8, по несчастью 8, враг 7, важно 6, поддержка 6, предает 5, веселье 4, детей 4, навеки 4, навсегда 4, смех 4, товарищ 4, врет 3, радость 3, забота 2, ребенка 2, рядом 2, уверенность 2, взаимовыручка, надежда, преданность, праздник, семья – 1.

Мужчины

ДРУГ 100: товарищ 11, веселье 9, настоящий 8, есть 6, верный 5, компания 5, лучший 5, тусовка 5, брат 4, важно 4, враг 4, опора 4, проверенный 4, редкость 4, самый близкий 4, близкий 3, будет 3, верность 3, надежный 3, придет на помощь 3, кореш 2, мой 2, проверенный годами 2, жена, родич, семья – 1.

Анализ ассоциативных полей стимула ДРУГ показывает, что в состав полей входят как схожие реакции (таблица 1), так и различные.

Таблица 1

Общие реакции мужчин и женщин стимула ДРУГ

Реакции	Женщины	Мужчины	Различия по частоте
Товарищ	4	11	различаются на 7 пунктов
Веселье	4	9	различаются на 5 пунктов
Верный	8	5	различаются на 3 пункта
Враг	7	4	различаются на 3 пункта
Важно	6	4	различаются на 2 пункта
Семья	1	1	совпадают

Чисто женские реакции: старый 17, по несчастью 8, поддержка 6, предает 5, детей 4, навеки 4, навсегда 4, смех 4, радость 3, забота 2, ребенка 2, рядом 2, уверенность 2, взаимовыручка 1, надежда 1, преданность 1, праздник 1.

Чисто мужские реакции: настоящий 8, есть 6, компания 5, лучший 5, тусовка 5, брат 4, опора 4, проверенный 4, редкость 4, самый близкий 4, близкий 3, будет 3, верность 3, надежный 3, придет на помощь 3, кореш 2, мой 2, проверенный годами 2, жена 1, родич 1.

Были сформулированы гендерные психолингвистические значения слова ДРУГ.

Женщины

1. Давний верный товарищ, связан общей бедой, приносит радость

[Человек]; бывает давно знаком с кем-либо 0,17 (старый 0,17); приносит радость 0,12 (веселье 0,04, смех 0,04, радость 0,03, праздник 0,01); бывает верный 0,09 (верный 0,08, преданность 0,01); связан с кем-либо общей бедой 0,08 (по несчастью 0,08), навсегда 0,08 (навеки 0,04, навсегда 0,04), помогает 0,07 (поддержка 0,06, взаимовыручка 0,01), его важно иметь 0,06 (важно 0,06), предает 0,05 (предает 0,05), врет 0,03 (врет 0,03), заботится 0,02 (забота 0,02), находится рядом 0,02 (рядом 0,02), дает уверенность 0,02 (уверенность 0,02), дает надежду 0,01 (надежда 0,01); например, член семьи 0,01 (семья 0,01).

То же, что: товарищ 0,04 (товарищ 0,04)

Противоположно: враг 0,07 (враг 0,07)

СИЯ 0,94

Мой лучший друг всегда придет на помощь.

2. Защитник

[Защитник] кого-либо, например, детей 0,06 (детей 0,04, ребенка 0,02).

СИЯ 0,06

Друг животных.

Не интерпретируется: 0

Не актуально: 0

Мужчины

1. Настоящий, близкий товарищ, составляет компанию

[Человек], составляет компанию 0,10 (компания 0,05, тусовка 0,05); бывает настоящий 0,10 (настоящий 0,08, надежный 0,02), близкий 0,07 (самый близкий 0,04, близкий 0,03), верный 0,07 (верный 0,05, верность 0,02), проверенный 0,05 (проверенный 0,04, проверенный годами 0,01), лучший 0,05 (лучший 0,05); приносит радость 0,09 (веселье 0,09), помогает 0,06 (опора 0,04, придет на помощь 0,02), его важно иметь 0,04 (важно 0,04), встречается редко 0,04 (редкость 0,04); например, брат 0,04 (брат 0,04), жена 0,01 (жена 0,01), член семьи 0,02 (родич, семья – 0,01).

То же, что: товарищ 0,11 (товарищ 0,11), кореш 0,01 (кореш 0,01)

Противоположно: враг 0,04 (враг 0,04)

СИЯ 0,90

Мой лучший друг всегда придет на помощь.

Фразы: есть 0,06, будет 0,03, мой 0,01

Не интерпретируется: 0

Не актуально: 0

Далее психолингвистические значения, представленные в языковом сознании мужчин и женщин, были сопоставлены (Таблица 2).

Таблица 2

Сопоставительное описание психолингвистических значений слова

ДРУГ в мужском и женском языковом сознании

Женщины	Мужчины
<p>1. Давний верный товарищ, связан общей бедой, приносит радость [Человек]; бывает давно знаком с кем-либо 0,17; приносит радость 0,12; бывает верный 0,09; связан с кем-либо общей бедой 0,08, навсегда 0,08, помогает 0,07, его важно иметь 0,06, предаст 0,05, врет 0,03, заботится 0,02, находится рядом 0,02, дает уверенность 0,02, дает надежду 0,01; например, член семьи 0,01. <i>То же, что:</i> товарищ 0,04 <i>Противоположно:</i> враг 0,07 СИЯ 0,94</p>	<p>1. Настоящий, близкий товарищ, составляет компанию [Человек], составляет компанию 0,10; бывает настоящий 0,10, близкий 0,07, верный 0,07, проверенный 0,05, лучший 0,05; приносит радость 0,09, помогает 0,06, его важно иметь 0,04, встречается редко 0,04; например, брат 0,04, жена 0,01, член семьи 0,02. <i>То же, что:</i> товарищ 0,11, кореш 0,01 <i>Противоположно:</i> враг 0,04 СИЯ 0,90</p>
<p>2. Защитник [Защитник] кого-либо, например, детей 0,06. СИЯ 0,06</p>	-
-	<i>Фразы:</i> есть 0,06, будет 0,03, мой 0,01
Не интерпретируется: 0 Не актуально: 0	Не интерпретируется: 0 Не актуально: 0

Комментарий

Лексема ДРУГ в мужском и женском языковом сознании совпадает по двум значениям: *Давний верный товарищ, связан общей бедой, приносит радость* (СИЯ 0,94) / *Настоящий, близкий товарищ, составляет компанию* (СИЯ 0,90). Различие индексов яркости совпадающих семем невелико – всего 4 пункта.

Эндемичное женское значение *Защитник* имеет заметную яркость в смысловой структуре слова (СИЯ 0,06).

Сравним семантическое содержание совпадающих семем.

Интегральными семантическими компонентами мужского и женского значений являются (0,89): *то же, что товарищ 0,04 – 0,11, бывает верный 0,09 – 0,07, приносит радость 0,12 – 0,09, помогает 0,07 – 0,06, его важно иметь 0,06 – 0,04, например, член семьи 0,01 – 0,02, противоположно – враг 0,07 – 0,04*. Всего 14 сем.

Наиболее яркое различие отмечено у интегральных сем *то же, что товарищ*: почти в 3 раза ярче в сознании мужчин. Остальные семы различаются по яркости на три и менее пункта: в языковом сознании женщин ярче представлены семы *бывает верный, приносит радость, его важно иметь, противоположно враг*. Совпадающие по яркости семы не были выявлены.

Дифференциальные женские семы (0,48): *бывает давно знаком с кем-либо 0,17; связан с кем-либо общей бедой 0,08, навсегда 0,08, предаст 0,05, врет 0,03, заботится 0,02, находится рядом 0,02, дает уверенность 0,02, дает надежду 0,01*. Всего 9 сем.

Яркие дифференциальные женские семы: *бывает давно знаком с кем-либо 0,17; связан с кем-либо общей бедой 0,08, навсегда 0,08, предаст 0,05*.

Дифференциальные мужские семы (0,47): *составляет компанию 0,10; бывает настоящий 0,10, близкий 0,07, проверенный 0,05, лучший 0,05; встречается редко 0,04; например, брат 0,04, жена 0,01; то же, что кореш 0,01*. Всего 9 сем.

Яркие дифференциальные мужские семы: *составляет компанию 0,10; бывает настоящий 0,10, близкий 0,07, проверенный 0,05, лучший 0,05*.

Всего у данной пары совпадающих значений 32 семы, из которых 14 интегральных сем и 18 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений: количество интегральных сем / общее количество совокупных сем двух значений $14/32=0,44$.

Индекс семной дифференциации значений, соответственно – 0,56. При этом совокупная яркость 14 интегральных сем значений – 0,89, что свидетельствует о среднем уровне сходства данных значений в гендерном языковом сознании. Дифференциальные семы (18) имеют примерно такой же уровень совокупной яркости – 0,95 (отличие на 6 пунктов).

Таким образом, для женщин друг – это человек, который не только готов помочь, принести радость, быть близким чем-либо, но и тот, кто может

солгать, предать. В качестве друга у женщин указан только член семьи. В языковом сознании мужчин друг обладает только позитивными качествами – это человек, который всегда рядом, готов помочь, близок по духу, составляет компанию, приносит радость, проверен годами. Высока доля ассоциата «настоящий», который не вербализован в эксперименте, проведенном с женщинами. У мужчин более детально представлен семантический параметр «персонификация» – жена, брат, член семьи.

Анализ экспериментальных данных показывает, что гендерная специфика семантики слова «друг» достаточно ярко выражена в сознании носителей языка. Подобная методика может быть применена при описании значений и других слов.

Литература

1. Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 10/1: Гендерные значения (с комментариями) / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2019.
2. Рудакова А.В. Проблемы описания психолингвистического значения слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2014. – № 3. – С. 36-42.
3. Стернин И.А. Лексикографическое и экспериментальное описание языкового значения // Вопросы психолингвистики. – 2022. – №1(51). – С. 112-121.
4. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – LAP Lambert Academic Publishing : Saarbrücken, 2011.

А.Р. Чудинская, А.В. Рудакова

Методика описания семантики оппозигов в языковом сознании носителей русского языка

В современной лингвистике наравне с возрастающим интересом и соответствующим количеством работ по исследованию близости значения слов на первый план выходят труды по изучению слов, имеющих оппозитивные семантические связи.

Долгое время слова, связанные антонимическими отношениями, и слова-оппозиты не различались. Первым лингвистом, кто на материале результатов экспериментальных исследований выявил неоднородную противопоставленность слов в сознании носителей языка, была А.А. Залевская. В работах А.А. Залевской убедительно показано различие между антонимами и оппозитивами. Антонимы, по мнению лингвиста, обозначают качественно противоположный по значению признак, которым обладают не все слова. В свою очередь все слова, функционирующие в сознании носителя языка, могут иметь оппозитивы. Слово, имеющее два плана выражения, как правило, имеет закрепленное за лексемой внушительное количество семем, которые и создают условия для

появления оппозиций, в которые одно слово может вступить с другим. Это обусловлено расширенным выбором признаков, на которые может опираться человек: внешнее различие, способ действия, личный и опыт поколений (Залевская 2007).

О необходимости рассмотрения слов с противоположным значением в коммуникации пишет и М.Е. Новичихина в своем исследовании «Психолингвистическое исследование лексических противопоставлений». Лингвист обобщает различные подходы к классификации антонимических отношений, отмечая, что в процессе их традиционных систематизаций не учитывается психологическая реальность слова в сознании носителей языка, а также мотивация противопоставления в индивидуальном сознании, которая и должна быть положена в основу классификации, выполненной в русле психолингвистического подхода. «Оппозитивные отношения не исчерпываются строго антонимическими отношениями, антонимия – частный случай противопоставления лексических единиц в языковом сознании носителя языка» (Новичихина 1995, с. 22). Исследователь справедливо отмечает, что выделение оппозитивных пар носит условный характер, так как противопоставленность их по одному фактору не исключает сближения по другим факторам (Новичихина 1995, с. 18).

Целью данного исследования является разработка методики описания психолингвистического значения лексем с противоположным значением в языковом сознании носителей русского языка.

Материалом исследования послужили данные толковых словарей русского языка, словарей антонимов русского языка, а также результаты свободного ассоциативного эксперимента.

На первом этапе нами был проведен лингвистический опрос, который помог выявить ряд слов, вступающих в наиболее яркие оппозитивные связи. В рамках лингвистического интервьюирования респондентам предлагалось указать слово (выражение), противоположное указанному.

В результате обработки данных эксперимента были выявлены наиболее частотные пары оппозитивов.

Опишем методику описания особенностей семантики слов с противоположным значением на примере одной из таких пар: БЕЛЫЙ – ЧЕРНЫЙ.

На первом этапе было проанализировано лексикографическое значение этих слов и сформулировано их интегрированное лексикографическое значение по пяти толковым словарям русского языка (БТС, МАС, ТСЕ, ТСОШ, ТСУ).

Приведем полученные интегрированные лексикографические значения:

БЕЛЫЙ

1. Цвета снега, молока, мела. *Белые облака. Белая бумага.*
2. Очень светлый, светлее обычного. *Белые руки.*
3. Светлокожий (как признак расы), белокожий, тот, кто принадлежит европеоидной расе. *Белая раса.*
4. Человек со светлой кожей. *Таитяне никогда не видели белых вблизи, однако знали, что корабли их несут смерть.* Н. Чуковский, Водители фрегат.
5. Ясный, светлый (о времени суток, о свете). *Трад.-нар. Белый день занялся над столицей, Сладко спит молодая жена.* Н. Некрасов, Маша. *Ходит он в ночи безлунной, Бела утра ждет.* Огарев, Деревенский сторож.
6. Лишенный интенсивности, дополнительной окраски или необычайно яркий, слепящий (о свете, освещении или источнике такого света, освещении). *Б-ая вспышка. Б., холодный свет луны. Б-ое солнце пустыни. Б. прожектор. Б-ые сигнальные ракеты*
7. Чистый. *Устар. и обл., трад.-нар. Белая горница. Белая половина* (в избе).
8. Связанный с добром; нравственно безупречный. *Б-ая магия.* * *Рубаха черна, да совесть бела* (Посл.). *Бело твоё платье, а душа ещё белей!* (Тургенев).
9. Символ нравственной чистоты, невинности (обычно невесты). *Надеть белую фату и подвенечное платье.*
10. Близкий по оттенку к молоку; матово-бледный (*нар.-поэт.*; как воплощение народных представлений о красоте девушки; ирон.; как признак барства). *Б-ая кожа. Б-ое лицо, тело. Красавица румяна и бела. Бойтся б-ые ручки испачкать кто-л.*
11. В первые годы Советской власти, гражданской войны: контрреволюционный, белогвардейский, действующий против Советской власти или направленный против нее, относящийся к вооружённой борьбе за восстановление законной власти в России, (противоп.: красный, революционный). *Белая армия. Белый террор.*
13. Шашки, шахматные фигуры светлого цвета в отличие от черных. *Играть белыми. Ход белых.*
14. Как составная часть некоторых зоологических и ботанических названий. *Белая куропатка. Белый медведь. Белый гриб. Белый налив. Белая акация. Белая лилия.*
15. Испеченный, приготовленный из пшеничной муки (о хлебе, мучных изделиях). *Белый хлеб.*
16. Очень бледный (от страха, испуга, болезни и т. п.). *Отчего ты такая белая?*
17. Седой. *перен. разг. Его виски были полностью белые.*
18. Не заполненный текстом, рисунками; не исписанный, чистый (о листе бумаги). *Белый лист.*

ЧЕРНЫЙ

1. Цвета сажи, угля, самый темный из всех цветов, противоп. белый. *Ч. гриб. Ч. кофе* (без молока), *Ч. краска. Черные ленты. Ч. креп* (траурный).
2. Темный, отличающийся темнотой окраски, шерсти, оперения, одежды и т.п.; очень темный (противоп.: **светлый**). *Чёрные глаза.*
3. Темный, полностью лишенный света. *На дворе стояла совершенно черная, непроницаемая ночь.* Куприн, Поединок.
4. С черными волосами, темноволосый, чернявый, смуглый. *В нашей семье все были черные, а она беленькая, с вьющимися косичками.* Каверин, Два капитана.
5. Испеченный из тёмной, ржаной муки (о хлебе и прочих мучных изделиях). *Черный хлеб.*
6. Испачканный чем-либо, грязный, нечистый, замаранный, покрытый сажей, копотью. *Устар., разг., прост. Фрау Ротберх рассматривала черное бельё, не вымытое после смерти Шонинга.* Пушкин, Марья Шонинг.
7. Принявший тёмную окраску, потемневший. *Ч. от загара. Руки, чёрные от грязи.*

8. Отапливаемый печью без трубы, по-чёрному, курной. *Устар. Чёрная баня.*
9. То же, что жирный. *Набрать заголовок черным.*
10. Мрачный, безотрадный, безрадостный, тяжёлый, беспросветный. *Черные подозрения, Чёрные мысли. Чёрные дни. В чёрных красках изобразить что-н.*
11. Горестный, связанный с трудностями, невзгодами, тяжестями жизни. *Отложить денег на черный день.*
12. Не главный, задний (о входе, ходе), не парадный, предназначенный для каких-л. служебных или бытовых нужд. *Чёрное крыльцо. Черный ход. Черная лестница.*
13. Физически тяжёлый, неквалифицированный, не требующий высокого мастерства, подсобный, грязный, о труде, работе. *Чёрная работа.*
14. Принадлежащий к простонародью, к непривилегированным, низшим, эксплуатируемым классам общества; выполняющий физически тяжелую, грязную работу, занимающийся таким трудом. *Устар. Повар ушел еще вчера со двора, во время обеда; черная кухарка и кучер просили расчета.* Л. Толстой, Анна Каренина.
15. Не обработанный до конца или частично обработанный, без отделки, черновой. *Устар. Черный болт. Черная гайка. Черное письмо.*
16. Чародейский, колдовской, магический, связанный с нечистью. *Устар. Ведь недаром тебя у нас колдуном люди прозвали. Ты же по книгам учился и всякую черную грамоту знаешь!* Достоевский, Хозяйка.
17. Черт, дьявол, злой дух. *Устар., нар.-разг.*
18. Содержащий упоминание чёрта, нечистой силы (о брани). *Черт бы его побрал!*
19. На Руси IX-XVII вв.: государственный, не частновладельческий, тягловый, податной. *Устар., ист. Чёрные земли. Чёрные крестьяне. Черная соха.*
20. С тёмной кожей (как признак расы), чернокожий, темнокожий. *Спец., разг. Чёрное население США, Черная раса.*
21. Человек с темной кожей, чернокожий человек. *Спец., разг. Черные наводнили Москву.*
22. Преступный, злой, злостный, дурной, отрицательный, плохой, не вызывающий одобрения, предосудительный, низкий, подлый, коварный. *Ч-ое дело. Ч-ая зависть. Ч-ая измена. Ч-ые стороны жизни. Ч-ые замыслы. Ч-ые силы реакции.*
23. Как составная часть некоторых зоологических, ботанических названий и иных научных специальных обозначений. *Черный дельфин. Черный дятел. Черный медведь.*
24. Непроницаемо густой (о туче, дыме и т.п.). *Черный дым, черная туча.*
25. Губительный, изнуряющий (о болезни).
26. Шашки, шахматные фигуры темного цвета в отличие от белых. *Играть черными.*

На втором этапе исследования были проанализированы ассоциативные поля стимулов, представленные в «Русском ассоциативном словаре» под ред. Ю.Н. Караулова (РАС 2002). Были описаны семантические связи совпадающих реакций с соответствующими стимулами, определены типы связей.

Таблица 1

Ассоциаты стимулов БЕЛЫЙ и ЧЕРНЫЙ

БЕЛЫЙ 508 ин	ЧЕРНЫЙ 541 ин
Общие реакции	
снег 127 0,25 цвет 27 0,05 пудель 15 0,03	снег 2 менее 0,01 цвет 25 0,05 пудель 5 0,01

<p>свет 11 0,02 день 7 0,01 красный 7 0,01 конь 6 0,01 хлеб 6 0,01 ворон 5 0,01 дом 5 0,01 дым 4 0,01 кот 2 <i>менее</i> 0,01 ночь 2 <i>менее</i> 0,01 плащ 2 <i>менее</i> 0,01 темный 2 <i>менее</i> 0,01 человек 2 <i>менее</i> 0,01 бумага <i>менее</i> 0,01 мрак <i>менее</i> 0,01 негр <i>менее</i> 0,01</p>	<p>свет 3 0,01 день 39 0,07 красный 3 0,01 конь 3 0,01 хлеб 9 0,02 ворон 23 0,04 дом 2 <i>менее</i> 0,01 дым 3 0,01 кот 72 0,1 ночь 5 0,01 плащ 3 0,01 темный 4 0,01 человек 5 0,01 бумага <i>менее</i> 0,01 мрак 2 <i>менее</i> 0,01 негр 6 0,01</p>
Отказ 1	Отказ 3
СИЯ 0,45 (233 ии)	СИЯ 0,39 (215 ии)
Различающиеся реакции	
<p>черный 49, Бим 19, аист 18, лист 14, заяц 10, чистый 10, медведь 9, пароход 9, клык 8, лебедь 8, Андрей 5, халат 5, гриб 4, как снег 3, серый 3, шарф 3, альбинос 2, билет 2, красивый 2, , пух 2, сахар 2, синий 2, слов 2, танец 2, цветок 2, шар 2, айсберг, белоснежный, Валера, вальс, воздух, врач, выстрел, гвоздь, голубой, грязь, диван, зад, звон, зеленый, и черный, киль, кирпич, ком, комната, корабль, король, крест, кролик, круглый, лед, лето, материал, молодой, молоко, не бывает, не черный, нежный, непонятный, непорочный, неудобно, облако, олень, очень белоснежный, парашют, парус</p>	<p>белый 75, кофе 40, квадрат 8, ящик 6, пес 5, камень 4, карандаш 4, ход 4, шар 4, глаз 3, монах 3, Саша 3, свитер 3, страшный 3, фрак 3, асфальт 2, вечер 2, волос 2, воротник 2, дьявол 2, жук 2, земля 2, и белый 2, как смоль 2, коршун 2, костюм 2, лес 2, мрачный 2, перец 2, платок 2, портфель 2, поэт 2, рынок 2, трубочист 2, тюльпан 2, уголь 2, черт 2, автомобиль, аист, апрель, атлас, баран, бездна, бездонный, берет, ботинок, bravo, брызг, валет, ветер, волосы, воронок, галстук, горе, горный, горячий, гроб, грязный, двор, делать, дрозд, дыра, дятел, еще черней, жакет, жгут, зависть, злодейка, злой, зонт, как все, как земля, как негр, как ночь, как чернила, кобель, кожанка, конфетка, коричневый, котел, красиво, крем, круг, маг, магия, мерседес, мешок, мысль, неблагополучие, нефть, ничего не видно, оттенок, память, паук, период, песок, пиджак, плохой, проем, путь, рояль, ряса, сажа, Саня, сапог, светлый, серый, склеп, след, смерть, смокинг, спортсмен, стол, страх, стул, суббота, сумка, мело, темнота, тонкий, торжество, траур, тяжелый, угол, угрюмый, ужас, ус, хвост, цвет мудрости, цилиндр, чемодан, черная дыра, черный квадрат, шаг, шахматная доска, юмор</p>
СИЯ 0,53 (274 ии)	СИЯ 0,59 (323)

На третьем этапе исследования были описаны психолингвистические значения исследуемых пар слов. При анализе ассоциативных полей стимулов применялся метод семантической интерпретации ассоциативных реакций, разработанный И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой (Стернин, Рудакова 2011).

БЕЛЫЙ

1. Цвет снега

Цвета 0,05 (*цвет 27*) снега 0,26 (*снег 127, как снег 3, белоснежный, очень белоснежный*); находится в одном ряду с красным 0,01 (*красный 7*); например, аист 0,03 (*аист 18*), лист бумаги 0,03 (*лист 14, бумага*), заяц 0,02 (*заяц 10*), пароход 0,02 (*пароход 9*), лебедь 0,02 (*лебедь 8*), конь 0,01 (*конь 6*), ворон 0,01 (*ворон 5*), халат 0,01 (*халат 5, врач*), дым 0,01 (*дым 4*), шарф 0,01 (*шарф 3*);

менее 0,01: [цвета] молока (*молоко*), льда (*айсберг, лед*); находится в одном ряду с синим (*синий 2*), голубым (*голубой*), зеленым (*зеленый*); корабль (*корабль, киль*), кот (*кот 2*), сахар (*сахар 2*), пух (*пух 2*), плащ (*плащ 2*), цветок (*цветок 2*), шар (*шар 2*), воздух (*воздух*), гвоздь (*гвоздь*), диван (*диван*), кирпич (*кирпич*), ком (*ком*), комната (*комната*), облако (*облако*), парашют (*парашют*), парус (*парус*), кролик (*кролик*), материал (*материал*); красивый (*красивый 2*), нежный (*нежный*); легко испачкать (*неудобно*).

То же, что: менее 0,01 – альбинос (*альбинос 2*)

Противоположно: черный 0,10 (*черный 49, не черный, и черный*), серый 0,01 (*серый 3*); менее 0,01 – темный (*темный 2*)

СИЯ 0,67

Белый пиджак был самым любимым в моей коллекции.

2. Очень светлый

Очень светлый 0,02 (*свет 11*); бывает день 0,01 (*день 7*), дым 0,01 (*дым 4*);

менее 0,01: ночь (*ночь 2*).

Противоположно: менее 0,01 – темный (*темный 2*), мрак (*мрак*)

СИЯ 0,06

Санкт-Петербург славится белыми ночами.

3. Чистый

Чистый 0,02 (*чистый 10*), лист 0,03 (*лист 14*).

Противоположно: менее 0,01 – грязь (*грязь*)

СИЯ 0,05

До твоего прихода коврик был белый.

4. Название вида

[Вид растения или животного], например, белый гриб 0,01 (*гриб 4*), белый медведь 0,02 (*медведь 9*);

менее 0,01: белый олень (*олень*).

СИЯ 0,03

У белого гриба большая мясистая шляпка и толстая белая ножка.

5. Не заполненный текстом, рисунками

Лист бумаги 0,03 (*лист 14, бумага*)

СИЯ 0,03

6. Символ нравственной чистоты

[Символ нравственной] чистоты 0,02 (*чистый 10*);

менее 0,01: (символ) непорочности (непорочный).

Противоположно: менее 0,01 – грязь (грязь)

СИЯ 0,02

Надеть белую фату и подвенечное платье.

7. Необычайно яркий

Необычайно яркий, например, свет 0,02 (*свет 11*).

СИЯ 0,02

8. Лишенный цвета

Менее 0,01: [Лишенный цвета], например, альбинос (*альбинос 2*), непонятный (*непонятный*).

СИЯ 0,01

Ворон-альбинос был невероятно красив.

9. Испеченный из пшеничной муки

[Испеченный, приготовленный из пшеничной муки], хлеб 0,01 (*хлеб 5*).

СИЯ 0,01

Бутерброды обычно делают с белым хлебом.

10. Светлокожий

Менее 0,01: [Светлокожий], человек (*человек 2*), Валера (*Валера*), [принадлежит европеоидной расе].

Противоположно: менее 0,01 – негр (*негр*)

СИЯ 0,01

Таитяне никогда не видели белых вблизи, однако знали, что корабли их несут смерть. Н. Чуковский

11. Матово-бледный, кожа

Менее 0,01: [Матово-бледный], близкий по оттенку к молоку (*молоко*), например, зад (*зад*), молодой (*молодой*).

СИЯ 0,01

От страха у нее было белое лицо.

12. Светлая шахматная фигура

[Светлая фигура в шахматах], например, конь 0,01 (*конь 6*);

менее 0,01: король (*король*).

СИЯ 0,01

Предпочитаю играть белыми.

Фразы 0,13: повесть Г.Н. Троепольского «Белый Бим Черное Ухо» 0,04 (*Бим 19*); рассказ А.И. Куприна «Белый пудель» 0,03 (*пудель 15*); повесть Джека Лондона «Белый клык» 0,02 (*клык 8*); поэт Андрей Белый 0,01 (*Андрей 5*); Белый дом 0,01 (*дом 5*); белый танец 0,01 (*танец 2, вальс*);

менее 0,01: белый билет (*билет 2*); стихотворение К.Д. Бальмонта «Белый звон» (*звон*) банда «Белый крест» (*крест*); не бывает (*не бывает*)

Не интерпретируются 4: слов 2, выстрел, лето

Не актуально (отказ 1): менее 0,01

ЧЕРНЫЙ

1. Цвета угля, сажи

Цвет 0,05 (*цвет 25, оттенок, цвет мудрости*); например, кот 0,13(*кот 72*), кофе 0,7 (*кофе 40*), ворон 0,04 (*ворон 23*), ящик 0,01 (*ящик 6*), собака 0,02 (*пес 5, кобель, пудель 5*), камень 0,01 (*камень 4*), карандаш 0,01 (*карандаш 4*), шар 0,01 (*шар 4*), глаз 0,01 (*глаз 3*), конь 0,01 (*конь 3*), ряса монаха 0,01 (*монах 3, ряса*), плащ 0,01 (*плащ 3*), свет 0,01 (*свет 3*), свитер 0,01 (*свитер 3*), земля 0,01 (*земля 2, как земля*), костюм 0,01 (*костюм*)

2, фрак 3, смокинг, пиджак, жакет), волосы 0,01 (волос 2, волосы), сумка 0,01 (портфель 2, чемодан, сумка), автомобиль 0,01 (автомобиль, воронка, мерседес); вызывает чувство страха 0,01 (страшный 3, страх, ужас); красивый 0,01 (красивый 2, красиво);

менее 0,01:(цвет) сажи (сажа), угля (уголь 2); например, асфальт (асфальт 2), дом (дом 2), жук (жук 2), лес (лес 2), платок (платок 2), воротник (воротник 2), дом (дом 2), коршун (кориун 2), аист (аист), атлас (атлас), баран (баран), берет (берет), ботинок (ботинок), галстук (галстук), бумага (бумага), гроб (гроб), жгут (жгут), зонт (зонт), брызги (брызг), чернила (как чернила), кожаная куртка (кожанка), дрозд (дрозд), дятел (дятел), конфета (конфетка), котел (котел), крем (крем), мешок (мешок), нефть (нефть), паук (паук), песок (песок), рояль (рояль), сапог (сапог), след (след), стол (стол), стул (стул), ус (ус), хвост (хвост), цилиндр (цилиндр); является цветом мудрости (цвет мудрости), цветом траура (траур); цвет торжественных мероприятий (торжество); ассоциируется с неблагоприятием (неблагополучие); вызывает неодобрение (плохой); темнее серого (серый); в одном ряду с коричневым (коричневый).

Противоположно: белый 0,14 (белый 75, и белый 2), красный 0,01 (красный 3)

То же, что: менее 0,01 – как смоль (как смоль 2)

СИЯ 0,58

Черный кот перебежал через дорогу – жди беду.

2. Мрачный, угрюмый

Мрачный 0,01 (мрак 2, мрачный 2), например, день 0,07 (день 39); вызывает чувство 0,01 (страшный 3, страх, ужас);

менее 0,01: тяжёлый (тяжелый), угрюмый (угрюмый), например, период (период).

СИЯ 0,10

Береги деньги на черный день.

3. Темный

Темный 0,01 (темный 4, темнота), например, ночь 0,01 (ночь 5, как ночь);

менее 0,01: полностью лишенный света (ничего не видно), вечер (вечер 2), лес (лес 2), бездна (бездна, бездонный), дверной проем (проем).

Противоположно: менее 0,01 – светлый (светлый)

СИЯ 0,04

Впереди стеной стоял черный лес.

4. Испеченный из темной, ржаной муки

Испеченный из темной 0,01 (темный 4), ржаной муки 0,02 (хлеб 9).

СИЯ 0,03

Считается, что черный хлеб полезный.

5. Темнокожий

С темной кожей 0,01 (темный 4), человек 0,01 (человек 5), например, негр 0,01 (негр 6, как негр);

менее 0,01: спортсмен (спортсмен), горячий (горячий).

СИЯ 0,03

{Вопрос} может быть решен так или иначе лишь тогда, когда вся масса белых, желтых и черных людей познает все блага жизни.

6. С темными волосами, человек

С темными 0,01 (темный 4) волосами 0,01 (волос 2, волосы), человек 0,01 (человек 5).

Противоположно: менее 0,01 – светлый (светлый)

СИЯ 0,03

В нашей семье все были черные, а она беленькая, с вьющимися косичками.

7. Не парадный

[Не парадный, предназначенный для бытовых нужд], например, ход 0,01 (*ход 4*);
менее 0,01: двор (*двор*), угол (*угол*), дорога (*путь*).

СИЯ 0,02

Почему ты с черного хода заходишь?

8. Преступный, коварный

Менее 0,01: Преступный (*делать, путь*), например, рынок (*рынок 2*); злой (*злодейка*,
злой), коварный (*зависть, память*), например, мысль (*мысль*); плохой (*плохой*).

СИЯ 0,02

Черная зависть овладела всей ее душой.

9. Темная шахматная фигура

Темная 0, 01 (*темный 4*) [фигура], например, конь 0,01 (*конь 3*);

менее 0,01: шахматная (*шахматная доска*).

СИЯ 0,02

Когда играю черными, всегда выигрываю.

10. Вид растения

Менее 0,01: [Вид растения], например, перец (*перец 2*), тюльпан (*тюльпан 2*).

СИЯ 0,01

Мои любимые цветы – черные тюльпаны.

11. Потемневший

Например, человек 0,01 (*человек 5*);

менее 0,01: потемневший (*как негр*).

СИЯ 0,01

С моря он приехал черным.

12. Непроницаемо густой

[Непроницаемо густой], например, дым 0,01 (*дым 3*).

СИЯ 0,01

Черный дым валит из трубы.

13. Грязный

Менее 0,01: Грязный (*грязный*); например, снег (*снег 2*), трубочист (*трубочист 2*),
воротник (*воротник 2*).

СИЯ 0,01

Снег был черным уже на второй день.

14. Черт

Менее 0,01: черт (*черт 2*), дьявол (*дьявол 2*).

СИЯ 0,01

Сам черный искушал Еву в Эдеме.

15. Горестный

[Связанный с трудностями], смертью 0,01 (*смерть, гроб, склеп*);

менее 0,01: горестный (*горе*).

СИЯ 0,01

Черная смерть настигла его.

16. Связанный с магией

Например, глаз 0,01 (*глаз 3*);

менее 0,01: связанный с магией магический (*маг, магия*).

СИЯ 0,01

Ведь недаром тебя у нас колдуном люди прозвали. Ты же по книгам учился и всякую черную грамоту знаешь!

Фразы 0,18: картина К.С. Малевича «Черный квадрат» 0,02 (*квадрат 8, черный квадрат*); черный ящик 0,01 (*ящик 6*); поэт Саша Черный 0,01 (*Саша 3, поэт 2, Саня*);

песня группы «Браво» «Черный кот» 0,13 (кот 72, браво);

меленое 0,01: картина К.С. Малевича «Черный круг» (круг); еще черней (еще черней); черная суббота (суббота); черный юмор (юмор); черная дыра (черная дыра, дыра); карточная игра «Черный валет» (валет); черный ветер (ветер)

Не интерпретируются 6: апрель, горный, как все, мело, тонкий, шаг

Не актуально (отказ 3): 0,01

Сопоставление психолингвистического и лексикографического значения исследуемых слов показывает, что у лексемы БЕЛЫЙ не вербализованы значения: 1. Светловолосый, белокурый, светло-русый, со светлой кожей. 2. Человек со светлой кожей. 3. Связанный с добром; нравственно безупречный. 4. В первые годы Советской власти, гражданской войны: контрреволюционный, белогвардейский, действующий против Советской власти или направленный против нее, относящийся к вооружённой борьбе за восстановление законной власти в России, (противоп.: красный, революционный). 5. Очень бледный (от страха, испуга, болезни и т. п.). 6. Седой. перен. разг.

В эксперименте не выявлено дополнительных значений, которые отсутствуют в лексикографических источниках.

Сопоставление психолингвистического и лексикографического значения исследуемых слов показывает, что у лексемы ЧЕРНЫЙ не вербализованы значения: 1. Темный, отличающийся темнотой окраски, шерсти, оперения, одежды и т.п.; очень тёмный (противоп.: светлый). 2. Отапливаемый печью без трубы, по-чёрному, курной. Устар. 3. То же, что жирный. 4. Физически тяжёлый, неквалифицированный, не требующий высокого мастерства, подсобный, грязный, о труде, работе. 5. Принадлежащий к простонародью, к непривилегированным, низшим, эксплуатируемым классам общества; выполняющий физически тяжелую, грязную работу, занимающийся таким трудом. Устар. 6. Не обработанный до конца или частично обработанный, без отделки, черновой. Устар. 7. Содержащий упоминание чёрта, нечистой силы (о брани). 8. На Руси IX-XVII вв.: государственный, не частновладельческий, тягловый, податной. устар., ист. 9. Губительный, изнуряющий (о болезни).

В эксперименте не выявлено дополнительных значений, которые отсутствуют в лексикографических источниках.

На четвертом этапе исследования семантики слов с противоположным значением было выполнено сопоставление оппозитивных психолингвистических значений пар.

Таблица 2

Сопоставление оппозитивных психолингвистических значений слов БЕЛЫЙ и ЧЕРНЫЙ

БЕЛЫЙ	ЧЕРНЫЙ
1. Цвет снега Цвета 0,05 снега 0,26; находится в	1. Цвета угля, сажи Цвет 0,05; например, кот 0,13, кофе

<p>одном ряду с красным 0,01; например, аист 0,03, лист бумаги 0,03, заяц 0,02, пароход 0,02, лебедь 0,02, конь 0,01, ворон 0,01, халат 0,01, дым 0,01, шарф 0,01;</p> <p>менее 0,01:(цвета) молока, льда; находится в одном ряду с синим, голубым, зеленым; корабль, кот, сахар, пух, плащ, цветок, шар, воздух, гвоздь, диван, кирпич, ком, комната, облако, парашют, парус, кролик, материал; красивый, нежный; легко испачкать.</p> <p>То же, что: менее 0,01 – альбинос</p> <p>Противоположно: черный 0,10, серый 0,01; менее 0,01 – темный</p> <p>СИЯ 0,67</p>	<p>0,07, ворон 0,04, ящик 0,01, собака 0,02, камень 0,01, карандаш 0,01, шар 0,01, глаз 0,01, конь 0,01, ряса монаха 0,01, плащ 0,01, свет 0,01, свитер 0,01, земля 0,01, костюм 0,01, волосы 0,01, сумка 0,01, автомобиль 0,01; вызывает чувство страха 0,01; красивый 0,01;</p> <p>менее 0,01:(цвет) сажи, угля; например, асфальт, дом, жук, лес, платок, воротник, дом, коршун, аист, атлас, баран, берет, ботинок, галстук, бумага, гроб, жгут, зонт, брызги, чернила, кожаная куртка, дрозд, дятел, конфета, котел, крем, мешок, нефть, паук, песок, роуль, сапог, след, стол, стул, ус, хвост, цилиндр; является цветом мудрости, цветом траура; цвет торжественных мероприятий; ассоциируется с неблагоприятием; вызывает неодобрение; темнее серого; в одном ряду с коричневым.</p> <p>Противоположно: белый 0,14, красный 0,01</p> <p>То же, что: менее 0,01 – как смоль</p> <p>СИЯ 0,58</p>
<p>2. Очень светлый</p> <p>Очень светлый 0,02; бывает день 0,01, дым 0,01;</p> <p>менее 0,01: ночь.</p> <p>Противоположно: менее 0,01 – темный, мрак</p> <p>СИЯ 0,06</p>	<p>2. Темный</p> <p>Темный 0,01, например, ночь 0,01; менее 0,01: полностью лишенный света, вечер, лес, бездна, дверной проем.</p> <p>Противоположно: менее 0,01 – светлый</p> <p>СИЯ 0,04</p>
<p>3. Испеченный из пшеничной муки</p> <p>[Испеченный, приготовленный из пшеничной муки), хлеб 0,01.</p> <p>СИЯ 0,01</p>	<p>3. Испеченный из темной, ржаной муки</p> <p>Испеченный из темной 0,01, ржаной муки, хлеб 0,02.</p> <p>СИЯ 0,03</p>
<p>4. Светлокожий</p> <p>Менее 0,01:(Светлокожий), человек, Валера,(принадлежит европеоидной расе).</p> <p>Противоположно: менее 0,01 – негр</p> <p>СИЯ 0,01</p>	<p>4. Темнокожий</p> <p>С темной кожей 0,01 человек 0,01, например, негр 0,01;</p> <p>менее 0,01: спортсмен, горячий.</p> <p>СИЯ 0,03</p>
<p>5. Светлая шахматная фигура</p> <p>(Светлая фигура в шахматах), например, конь 0,01;</p> <p>менее 0,01: король.</p> <p>СИЯ 0,01</p>	<p>5. Темная шахматная фигура</p> <p>Темная 0,01(фигура), например, конь 0,01;</p> <p>менее 0,01: шахматная.</p> <p>СИЯ 0,02</p>
<p>6. Символ нравственной чистоты</p>	<p>6. Преступный, коварный</p>

[Символ нравственной] чистоты 0,02; менее 0,01:(символ) непорочности. Противоположно: менее 0,01 – грязь СИЯ 0,02	Менее 0,01: Преступный, например, рынок; злой, коварный, например, мысль; плохой. СИЯ 0,02
7. Название вида [Вид растения или животного), например, белый гриб 0,01, белый медведь 0,02; менее 0,01: белый олень. СИЯ 0,03	7. Вид растения Менее 0,01:(Вид растения), например, перец, тюльпан. СИЯ 0,01
8. Чистый Чистый 0,02, лист 0,03. Противоположно: менее 0,01 – грязь СИЯ 0,05	8. Грязный Менее 0,01: Грязный; например, снег, трубочист, воротник. СИЯ 0,01

Отметим, что лексемы БЕЛЫЙ и ЧЕРНЫЙ являются оппозидами по восьми значениям:

- Цвет снега (СИЯ 0,67) / Цвета угля, сажи (0,58);
- Очень светлый (СИЯ 0,06) / Темный (СИЯ 0,04);
- Испеченный из пшеничной муки (СИЯ 0,01) / Испеченный из темной, ржаной муки (СИЯ 0,03);
- Светлокожий (0,01) / Темнокожий (СИЯ 0,03);
- Светлая шахматная фигура (СИЯ 0,01) / Темная шахматная фигура (СИЯ 0,02);
- Символ нравственной чистоты (СИЯ 0,02) / Преступный, коварный (СИЯ 0,02);
- Вид растения или животного (СИЯ 0,03) / Вид растения (СИЯ 0,01);
- Чистый (СИЯ 0,05) / Грязный (СИЯ 0,01).

Значения слова БЕЛЫЙ, которые не образуют оппозитивных связей со словом ЧЕРНЫЙ: 1. Необычайно яркий. 2. Лишенный цвета. 3. Матово-бледный (о коже).

Значения слова ЧЕРНЫЙ, которые не образуют оппозитивных связей со словом БЕЛЫЙ: 1. Мрачный, угрюмый. 2. С темными волосами, человек. 3. Не парадный. 4. Потемневший. 5. Непроницаемо густой. 6. Черт. 7. Горестный. 8. Связанный с магией.

Не вербализовано в эксперименте значение «Со светлыми волосами» слова БЕЛЫЙ (в лексикографических источниках оно отмечено).

В целом у анализируемой пары оппозитивов выделено 19 пар совпадающих реакций, среди которых нет ни одной симулятивной связи. Соответственно, данные слова являются антонимами.

В заключение отметим, что разработанная методика описания слов с противоположным значением позволяет достаточно точно определить степень оппозитивности сравниваемых единиц.

Литература

1. Залевская А.А. Введение в психолингвистику : учебник. – 2 изд., испр. и доп. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007.
2. Новичихина М.Е. Психолингвистическое исследование лексических противопоставлений: автореф. дис. ... канд. филол.. – Тверь, 1995.

Лексикографические источники

1. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998.
2. МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.
3. ТСЕ – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: (Электронный ресурс). – Режим доступа: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>.
4. ТСОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений. – М.: Издательство «А Темп», 2009.
5. ТСУ – Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М. : Буколика, 2008.
6. РАС – Русский ассоциативный словарь. – В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф.Тарасов. – М., 2002.

Раздел 5. Хроника

Хроника

деятельности научной школы ВГУ в области общего и русского языкознания «Язык и национальное сознание» за 2022 г.

Январь

Опубликован **28 выпуск** продолжающегося научного издания **«Язык и национальное сознание»** – Воронеж: издательство «РИТМ», 2022. – 116 с. Научный редактор **И.А. Стернин**.

В выпуске представлены результаты исследований авторов из Воронежа, Курска, Борисоглебска, Санкт-Петербурга, Москвы, Великобритании, посвященные языковому сознанию и психолингвистическому описанию семантики, обзоры психолингвистических толковых словарей Воронежской психолингвистической школы и монографии по истории отечественной психолингвистики. В разделе «Хроника» опубликована хроника деятельности научной школы ВГУ в области общего и русского языкознания «Язык и национальное сознание» за 2021 г., а также материал памяти безвременно ушедшего осенью 2021 г. одного из активнейших членов Школы профессора Виктора Юрьевича Копрова.

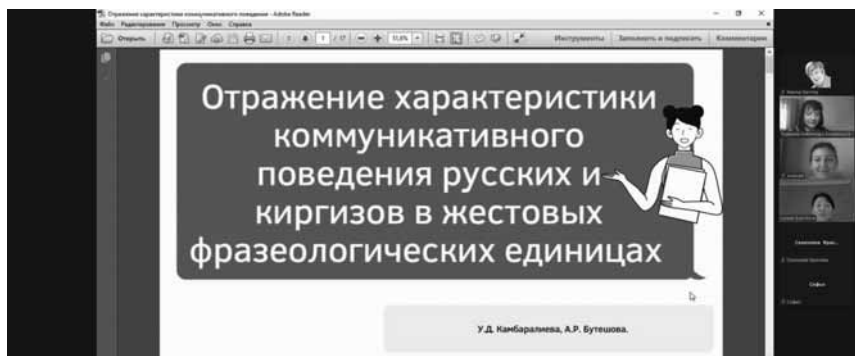
Февраль

4 февраля на платформе ZOOM состоялась VIII Всероссийская научная конференция с международным участием «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление», посвященная 50-летию начала сопоставительных исследований в Воронеже.

Было заслушано 5 Пленарных и 35 секционных докладов, посвященных сопоставительным семантическим исследованиям, сопоставительным исследованиям в психолингвистике, сопоставительным исследованиям национальных концептосфер и коммуникативного поведения, сопоставительным исследованиям в области грамматики, фонетики и текста, а также сопоставительным исследованиям и вопросам перевода.

Участниками конференции стали лингвисты из Воронежа, Самары, Новосибирска, Курска, Борисоглебска, Санкт-Петербурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова. Среди международных участников – ученые из Сенегала, Кыргызской Республики, Австрии.

Опубликован **19 выпуск** продолжающегося научного издания **«Сопоставительные исследования 2022»** – Воронеж: издательство «РИТМ», 2021. – 183 с. Научный редактор – **М.А. Стернина**.

В сборнике представлены итоги работы по сопоставительной проблематике в 2021 году членов теоретико-лингвистической школы ВГУ в области общего и русского языкознания, а также материалы проведенной в рамках работы школы восьмой Всероссийской научной конференции с международным участием «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межязыковое и внутриязыковое сопоставление», состоявшейся 4 февраля 2022 г. и посвященной 50-летию начала сопоставительных исследований в Воронеже.

Март

5 марта после тяжелой и продолжительной болезни скончался руководитель Научной Школы в области общего и русского языкознания «Язык и национальное сознание» доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Иосиф Абрамович Стернин.

Монография профессоров **М.А. Стерниной и И.А. Стернина «Сопоставление как лингвистическая методология»** (Воронеж: «Ритм», 2021) заняла 2 место, а работа преподавателя **И.С. Карпенко** и профессора **М.А. Стерниной «Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных адъективных лексем русского и английского языков»** (Воронеж: «Ритм», 2020) стала победителем в направлении «Филологические науки» XII международного профессионального конкурса преподавателей вузов «Pedagogical Discovery: University – 2022».

Апрель

14 апреля состоялась защита кандидатской диссертации **И.С. Карпенко** на тему «Национальная специфика семантем русской и английской адекативной лексики», выполненной с использованием разрабатываемого в рамках Школы сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований. Специальность – 10.02.19 – теория языка. Научный руководитель – проф. **М.А. Стернина**.

29 апреля, в день рождения И.А. Стернина, принято решение Ученого совета Воронежского государственного университета об увековечивании памяти Иосифа Абрамовича.

Решено:

1. Увековечить память Иосифа Абрамовича Стернина в Музее истории ВГУ.
2. Учредить стипендию имени профессора Иосифа Абрамовича Стернина студентам филологического факультета.
3. Присвоить Центру коммуникативных исследований имя профессора Иосифа Абрамовича Стернина.
4. Установить на филологическом факультете памятную доску профессору Иосифу Абрамовичу Стернину.

В этот же день, **29 апреля** было принято решение Ученого совета Воронежского государственного университета о переименовании «Научной школы в области общего и русского языкознания профессора Зинаиды Даниловны Поповой» в «**Научную школу в области общего и русского языкознания профессоров Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина**».

Май

13 мая состоялся круглый стол «Актуальные вопросы лингвистической экспертизы», посвященный памяти **Иосифа Абрамовича Стернина**. Участниками круглого стола стали ученые вузов и эксперты-криминалисты из Воронежа, Москвы, Липецка.

Основными темами обсуждения стали идеи И.А. Стернина как теоретика и практика лингвистической экспертизы; проблемы подготовки лингвистической экспертизы текста по искам об оскорблении; типичные ошибки при назначении и проведении судебной лингвистической экспертизы и комплексной психолого-лингвистической экспертизы; дискуссионные вопросы лингвистической экспертизы товарного знака; оскорбительные соционимы в интернет-дискурсе; возрастная и гендерная атрибуция спорного текста.

По результатам работы принято решение о ежегодном проведении круглого стола по лингвокриминалистической проблематике, подготовке коллективной монографии по вопросам лингвистической экспертизы текста, а также о создании добровольного объединения специалистов в области лингвистической экспертизы «Воронежская ассоциация экспертов-лингвистов имени профессора И.А. Стернина».

19 мая состоялась защита кандидатской диссертации **Е.А. Дьяконовой** на тему «Топонимы, символизирующие Россию в актуальном языковом сознании носителей русского языка». Специальность 10.02.01 – русский язык. Научный руководитель – **И.А. Стернин**.

Июль

Монография профессоров **М.А. Стерниной** и **И.А. Стернина** «Сопоставление как лингвистическая методология» (Воронеж: «Ритм», 2021) стала лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2021 года.

Вышел из печати тематический номер журнала **«Вопросы психолингвистики»** (Москва), посвященный памяти **Иосифа Абрамовича Стернина**. В номере освещен творческий путь И.А. Стернина, опубликованы исследования учеников и последователей Иосифа Абрамовича, занимающихся вопросами психолингвистики. Все работы, представленные в журнале, отражают научные интересы И.А. Стернина и во многом базируются на его открытиях и исследованиях.

Сентябрь

Опубликован **9 выпуск** продолжающегося научного издания **«Психолингвистика и лексикография»** – Москва: «РИТМ», 2022. – 233 с. Научный редактор **А.В. Рудакова**.

Сборник посвящен памяти **Иосифа Абрамовича Стернина** и отражает результаты исследований семантики единиц языка в рамках теоретико-лингвистической научной Школы Воронежского государственного университета в области общего и русского языкознания, основателями и руководителями которой долгое время были заслуженные деятели науки РФ, доктора филологических наук, профессора Зинаида Даниловна Попова и Иосиф Абрамович Стернин.

В сборник также вошли работы ученых других вузов Воронежа и других городов России (Борисоглебска, Костромы, Курска, Москвы, Смоленска, Твери, Тулы), а также Сенегала и Казахстана, работающих в русле проблематики научной Школы.

В сборник включен также раздел **«Лингвокриминалистика»**, содержащий материалы Круглого стола, прошедшего 13 мая и посвященного памяти Иосифа Абрамовича.

8 сентября состоялось открытие **мемориальной доски И.А. Стернину**. Открытие было приурочено к международному Дню грамотности, который по инициативе И.А. Стернина ежегодно отмечается в Воронеже на базе Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И.С. Никитина. Мемориальная доска установлена у кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского университета, которой в течение 20 лет заведовал Иосиф Абрамович.

На открытии доски выступили: ректор ВГУ Дмитрий Ендовицкий, проректор по контрольно-аналитической и административной работе ВГУ Юрий Бубнов, проректор по науке, инновации и цифровизации Олег Козадеров, заместитель руководителя департамента образования и науки молодежной политики Воронежской области Юлия Шпыг, декан филологического факультета ВГУ Жанна Грачёва, председатель диссертационного совета по теории языка и русскому языку Алексей Кретов, профессор Ольга Чарыкова, заместитель директора библиотеки им. И.С. Никитина Лариса Символокова. Выступавшие отметили уникальные качества, которыми обладал Иосиф Абрамович как учёный, просветитель, преподаватель и личность, охарактеризовали его вклад в развитие науки в вузе, городе и стране.

15 сентября состоялись две защиты диссертаций:

1. Кандидатской диссертации **Н.В. Акованцевой** «Ассоциативное поле как вид лексической группировки (на материале экспериментального исследования ассоциативного поля «ОТДЫХ/ОТДЫХАТЬ»»). Специальность 10.02.01 – русский язык. Научный руководитель – **И.А. Стернин**.
2. Кандидатской диссертации **С.А. Ермакова** «Градуальные оппозиции в ЛСГ «Наименования лиц по уровню профессионального мастерства» (на материале русского, английского и французского языков) Специальность 10.02.19 – теория языка. Научный руководитель – **Е.А. Маклакова**.

22 сентября состоялись еще 2 защиты:

1. Докторской диссертации **А.В. Рудаковой** «Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической семасиологии и лексикографии» Специальность 10.02.19 – Теория языка. Научный консультант – **И.А. Стернин**.
2. Кандидатской диссертации **А.С. Куркиной** «Реконструкция коммуникативной личности русского писателя (на примере вербального и невербального поведения А.П. Чехова)». Специальность 10.02.01 – русский язык. Научный руководитель – **И.А. Стернин**.

29 сентября прошли еще 2 защиты:

1. Кандидатской диссертации **Динь Тхи Хонг Тхам** «Глаголы с энклитикой -ся в русском медийном дискурсе: комплексный анализ». Специальность 10.02.01 – русский язык. Научный руководитель – **О.Н. Чарыкова**.
2. Кандидатской диссертации **Н.В. Федотовой** «Военная метафора в современном русском дискурсе». Специальность 10.02.01 – русский язык. Научный руководитель – **О.Н. Чарыкова**.

Октябрь

Вышел тематический выпуск журнала **«Коммуникативные исследования»** (Омск), посвященный **научному наследию И.А. Стернина**. Номер открывается статьей доктора филологических наук из Минска Б.Ю. Нормана «Беседа с Иосифом Абрамовичем Стерниным, умным и веселым человеком».

В своих статьях известные лингвисты: профессор Омского госуниверситета О.С. Иссерс, профессор, директор института филологии и языковой коммуникации Сибирского университета (Красноярск) Л.В. Куликова, профессора Уральского Федерального университета И.Т. Вепрева и Н.А. Купина и другие подчеркнули новаторство разработанной в трудах И.А. Стернина коммуникативно-ориентированной концепции лексического значения, охарактеризовали Иосифа Абрамовича как выдающегося специалиста по теории коммуникации, который систематизировал понятийный аппарат коммуникативистики; описал национально-специфические особенности коммуникативного поведения русских, а также представителей других национальностей: англичан, американцев, киргизов, немцев, финнов, китайцев, французов, прибалтийских и славянских народов; обобщил идеи и методы коммуникативной составляющей лингвострановедения.

Статья **Л.А. Кривенко** «Сравнительный анализ национальной специфики развития полисемии малосемемных и гиперсемемных субстантивных лексем русского и английского языков» заняла 3 место в номинации «Научные статьи по филологическим наукам» на XIX Международном конкурсе научно-исследовательских работ, проводимом Всероссийским обществом научно-исследовательских разработок.

28 октября состоялась VIII Всероссийская научная конференция с международным участием **«Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка»**. С текущего года эта ежегодная конференция носит дополнительное название **Стернинские чтения**.

В ходе конференции состоялись Пленарное заседание и работа трех секций. Было заслушано четыре Пленарных и 31 секционных доклада ученых из Воронежа, Омска, Санкт-Петербурга, Москвы, Ельца, Нижнего Новгорода, Твери, Липецка, Перми, Брянска, Борисоглебска, Горловки, Тольятти, Тулы, Нальчика, Смоленск, Краснодар, Алма-Аты.

Опубликован **8 выпуск** продолжающегося научного издания **«Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка»** – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2022. – 226 с. Научный редактор А.В. Рудакова.

Сборник посвящен памяти доктора филологических наук, профессора Иосифа Абрамовича Стернина и включает статьи авторов, занимающихся исследованиями в рамках научно-исследовательского проекта Центра коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина Воронежского государственного университета «Значение как феномен языкового сознания».

В сборнике представлены результаты исследований ученых разных вузов города Воронежа, а также вузов Борисоглебска, Брянска, Владимира, Ельца, Костромы, Краснодара, Липецка, Москвы, Мытищ, Нальчика, Нижнего Новгорода, Омска, Перми, Санкт-Петербурга, Саратова, Смоленска, Твери, Тольятти, Тулы, Казахстана, Туркмении и Донецкой Народной Республики. Сборник включает также материалы отдельных докладов VIII Всероссийской научной конференции с международным участием «Стернинские чтения: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», проведенной Воронежской психолингвистической ассоциацией, кафедрой общего языкознания и стилистики и Центром коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина Воронежского государственного университета 28 октября 2022 г.

Ноябрь

16 ноября в честь Дня преподавателя высшей школы в холле первого этажа Главного корпуса ВГУ состоялось открытие выставки «Иосиф Абрамович Стернин: Ученый. Просветитель. Человек». На открытие выставки пришли друзья, коллеги, ученики Иосифа Абрамовича, а также

воронежцы – слушатели передачи «Территория слова», которую долгие годы Иосиф Абрамович вел на областном радио.

С теплыми словами о профессоре И.А. Стернине выступили декан филологического факультета Жанна Грачева, ученый секретарь Совета ректоров Воронежской области Владимир Листенгартен, слушатели и участники передачи «Говорим по-русски» – правопреемницы проекта «Территория слова». С основными экспонатами выставки собравшихся познакомила и.о. зав.кафедрой общего языкознания и стилистики доцент Марьяна Розенфельд.

Декабрь

В рамках гранта РФФИ № 20-012-00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации» опубликованы:

- Темпоральный дифференциальный психолингвистический словарь русского языка / И.А. Стернин, А.В. Рудакова, И.В. Князев. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2022. – 8 п.л.

В словаре представлено психолингвистическое сопоставительное описание 25 лексических единиц русского языка на материале трех временных ассоциативных срезов с промежутком в 20 лет.

- Дифференциальный психолингвистический словарь оппозигов русского языка / А.В. Рудакова, И.А. Стернин. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2022. –12 п.л.

В словаре представлено психолингвистическое описание 25 пар лексических единиц русского языка, находящихся в оппозитивных отношениях.

М.А. Стернина

Содержание

Харченко В.К. (<i>Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет</i>) Школа И.А. Стернина	с. 3
--	------

Раздел 1. Вопросы теории

Маклакова Е.А. (<i>Воронеж, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова</i>) Производные значения слов в ракурсе их семного анализа	с.10
Илунина А.А. (<i>Воронеж, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова</i>) Интердискурсивность, интертекстуальность, интермедиальность: к вопросу о дифференциации понятий	с. 15

Раздел 2. Языковое сознание

Архипова Е.Ю. (<i>Воронеж, Воронежский государственный университет</i>) Отражение особенностей русского языкового сознания в «охотничьей» прозе С.Т. Аксакова	с.18
Бабушкин А.П. (<i>Воронеж, Воронежский государственный университет</i>) Конструктивные элементы жилого дома в языке (их «вчера» и «сегодня»)	с.24
Епринцева Ю.Н. (<i>Воронеж, Воронежский государственный университет</i>) Особенности процесса фразеологизации на базе компонента «психологические и социальные характеристики человека» (на материале французских фразеологизмов)	с.29
Ермаков С.А. (<i>Воронеж, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова</i>) Градация доминантного признака в ЛСГ «глаголы эмоционального состояния» в русском языке	с.35
Зайцева А.А. (<i>Воронеж, Воронежский государственный университет</i>) Прецедентные феномены в произведениях Сью Таунсенд: типология и функции	с.40
Кирилова А.В., Розенфельд М.Я. (<i>Воронеж, Воронежский государственный университет</i>) Русская традиционная культура и современность в рекламных текстах музея «Бирюльки» в лингвостилистическом аспекте	с.46

- Леонтьева Е.А., Панова М.В.** (*Воронеж, Воронежский государственный университет*) Отражение языковой картины мира в диалектных наименованиях растений (на материале воронежских говоров) с.50
- Литвинова Л.А. Литвинова Ю.А.** (*Воронеж, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова*) Комплексная методика описания значения слова (на материале слова «деревня» в русском языке в словарях 18 века и научных документах) с.56
- Малинина Д.А.** (*Липецк, Липецкий государственный технический университет*) К вопросу о дифференциации лексических единиц по семантическим признакам (на материале наименований лиц по уровню материального состояния в русском языке) с.60
- Меркулова И.А.** (*Воронеж, Воронежский государственный университет*) Ценностные ориентиры носителей чешского языка с.63
- Мордвинова А.Р., Садыкова А.Г.** (*Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет*) Билингвизм в национальном сознании квебекцев (на материале интернет-дискурса) с.68
- Пархоц Э.О.** (*Воронеж, Воронежский государственный университет*) Названия прудов как часть языковой картины мира (на примере микротопонимии Верхнехавского района Воронежской области) с.74
- Пляскова Е.А.** (*Воронеж, Воронежский государственный университет*) Репрезентация глупости в русских и немецких компаративных фразеологизмах с.80
- Подтележникова Е.Н.** (*Воронеж, Воронежский государственный университет*) Потусторонний язык «Розы мира» Даниила Андреева: русский или хинди? с.85
- Пришельцева М.Л.** (*Воронеж, Воронежский государственный университет*) Языковые тенденции российского ютуб-интервью (на материале выпусков программы «Скажи Гордеевой») с.89
- Селезнёва Г.Я.** (*Воронеж, Воронежский государственный университет*) Русские антропонимы в лингвострановедческом аспекте с.93
- Тихонов С.Е.** (*Воронеж*) Язык рекламы и элементы национального сознания с.96
- Федосова В.И.** (*Воронеж, Воронежский государственный университет*) Контрастивный анализ лексем «жена» и «муж» в русском и английском языках с. 101

- Шилихина К.М.** (Воронеж, Воронежский государственный университет), **Жилина И.А.** (Воронеж, Российский государственный университет правосудия, Центральный филиал) Семантическая структура лексемы *красота* по данным толковых словарей русского языка и Национального корпуса русского языка с.104
- Rabeeakh Safaa Khalid Breesam** (Воронеж, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова) The Sumerian, Akkadian and Aramic effect on Iraqi Dialect с.110

Раздел 3. Коммуникативное сознание

- Камбаралиева У.Д.** (Бишкек, Кыргызская Республика, Американский университет в Центральной Азии) Образ идеального собеседника в коммуникативном сознании русских и киргизов с.112
- Куркина А.С.** (Воронеж, Воронежский государственный университет) Оценка природы в коммуникативном поведении А.П. Чехова с.117
- Шестерина А.М.** (Воронеж, Воронежский государственный университет; Москва, Московский государственный университет) Вербальные средства активизации интерактивной коммуникации в видеоблогинге (на материале анализа русскоязычного сектора YouTube) с.121

Раздел 4. Психолингвистическое описание семантики

- Акованцева Н.В.** (Воронеж, Воронежский государственный университет) Национальная специфика семантики лексем *отдых, отдыхать* по экспериментальным данным с.126
- Баястанова Т.И.** (Бишкек, Кыргызская Республика, Кыргызский педагогический университет им. И. Арабаева), **Камбаралиева У.Д.** (Бишкек, Кыргызская Республика, Американский университет в Центральной Азии) Значение слова «политика» в сознании носителей русского и киргизского языков в Кыргызской Республике с.132
- Дьяконова Е.А.** (Москва, Центр иностранных языков COSHCO) Антропоцентрический подход к описанию географических пространств с.135
- Козельская Н.А., Шляпина Ю.К.** (Воронеж, Воронежский государственный университет) Экспериментальное изучение восприятия языковой иронии с.139

- Колесникова Е.И.** (*Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет*) Психолингвистическое описание гендерной специфики семантики слова «друг» с.144
- Чудинская А.Р., Рудакова А.В.** (*Воронеж, Воронежский государственный университет*) Методика описания семантики оппозигов в языковом сознании носителей русского языка с.148

Раздел 5. Хроника

- Стернина М.А.** (*Воронеж, Воронежский государственный университет*) Хроника деятельности научной школы ВГУ в области общего и русского языкознания «Язык и национальное сознание» за 2022 г. с. 160

- Содержание** с.172

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РИТМ»

Подписано в печать 28.12.2022. Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная Ballet.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,1 Тираж 500 экз. Заказ № 045

Текст и иллюстрации предоставлены авторами.

Текст печатается в авторской редакции.

115419, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Донской
ул. Шаболовка, д. 34, стр. 2, помещ. 1, ком. 14

Отпечатано ИП Богатырев В.И.

Липецкая обл., Усманский р-н, с. Пригородка, ул. Есенина, 7

<http://www.i-ritm.ru> Тел.: 8(473) 290-24-53